

Эдуард Тополь

КРАСНЫЙ ГУСЬ

Красный газ
Эдуард Тополь

Аннотация
Эдуард Тополь. Красный газ
Вместо предисловия
Часть первая. Три трупа за полярным кругом
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18

19
Часть вторая. Ловушка в Удмуртии
20
21
22
23
24
25
26
27
Часть третья. Ледоход в декабре
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
Часть четвертая. Хенде хох!
41

42
43
44
45
46
47
48
49
50
Часть пятая. Огонь в тундре
51
52
53
54
55
56
57
58
Эпилог

Аннотация

Загадочные убийства в Заполярье и диверсия на нефтепроводе ставят под угрозу подписание «контракта века» о поставках сибирской нефти в Европу. Анна Ковина, первая в российской литературе женщина-следователь, расследуя эти преступления, встречает свою любовь…

Эдуард Тополь
Красный газ

Посвящаю Сарре Дворкиной – моей матери, чья могила осталась в СССР, и Сарре Адель Тополь – моей дочери, которая родилась, когда я писал последние страницы этой книги.

«И облетела нашу землю трехгранная стрела со знаком к восстанию, и все должны идти на битву: и богатырь, и простой человек...»

Из ненецкой баллады

В своей прошлой, советской, жизни я так часто ездил и летал в журналистские командировки на Крайний Север СССР, что не только реальные прототипы этого романа, но даже вкус брусники под сахаром — редкого лакомства, которое можно найти в советских ресторанах только выше Полярного круга, — черт возьми, все это живет в моих снах, не тонет...

Поэтому считаю, что все события и все персонажи этого романа мне просто приснились, а совпадения с реальной действительностью, вплоть до строительства газопровода «Сибирь–Западная Европа», являются лишь ночным кошмаром.

Автор

Вместо предисловия

Из радиограммы

Следователю Уренгойского уголовного розыска старшему лейтенанту милиции Анне Ковиной

…Возле вахтового поселка Яку-Тур ненцами-рыбаками обнаружен труп начальника экспедиции сейсморазведки Виталия Воропаева со следами изуверской расправы…

Одновременно в Салехарде, у речной пристани, рыбаками обнаружен труп главврача Салехардской окружной больницы Олега Хотько, обезображенный аналогичным образом…

География убийств совпадает с вероятным путем побега заключенных из лагеря № РС-549…

Из правительственной телеграммы Первому секретарю Ямало-Ненецкого окружного комитета КПСС

…Цепь убийств, совершенных заключенными, бежавшими из лагеря № РС-549, грозит безопасности торжественного открытия газопровода «Сибирь–Западная Европа». Срочно примите необходимые меры…

Часть первая
Три трупа за полярным кругом

1

Они бежали из лагеря в ночь с 6 на 7 декабря 1983 года, когда в полярной тундре разыгрался очередной буран. Никто так и не узнал точного времени их побега. Вероятно, они постарались выбраться из лагерной зоны еще до полуночи, чтобы к утру уйти от лагеря подальше. Во всяком случае, именно этой ночью, когда на полярном Севере космический мрак накрыл полуостров Ямал, а девятибалльный ветер вздыбил заворот снежной пыли над вечной мерзлотой тундры, когда не только на смотровой караульной вышке, но и на земле не устоишь под ледяной секущей пургой, и никакие овчинные полушубки не помогают — ветер прохватывает насквозь, как голого, забивает дыхание и режет глаза и прожекторы не пробивают пургу дальше полуметра, — именно в такую ночь трое зеков бесшумно покинули свой барак.

Выйти из барака под храп трех сотен заключенных, спящих на грубых деревянных нарах, — небольшое дело: вохра не охраняет каждый лагерный барак в отдельности, а несет вахту лишь на караульных вышках вдоль лагерного

забора. И заключенные нередко выходят из бараков посреди ночи, чтобы добежать до нужника — эдакого дощатого скворечника, поднятого над вечной мерзлотой на четырех бревенчатых столбиках.

В хорошую тихую погоду солдатам на вышках видно, кто из какого барака выскочил и добежал куда положено или решил справить свои дела прямо на протоптанной в снегу тропе. Таких нарушителей солдаты ради баловства ослепляют прожекторами с вышек, а наутро проштрафившийся зек может схлопотать в карцер от начальника лагерного режима: в лагере, даже за Полярным кругом, должна быть чистота.

Но во время бурана никакие прожекторы не пробивают куролесицу снега. Трое зеков вышли из барака, миновали нужник. В тридцати метрах от них был лагерный забор с витками колючей проволоки по гребню. По этой проволоке шел ток высокого напряжения, и, значит, малейшее прикосновение было равносильно смерти. Но зеки не собирались прикасаться к проволоке. Наоборот, они двинулись в сторону от лагерного забора — к торчащей посреди лагерной зоны металлической вышке — опоре высоковольтной линии.

Эта линия — одна из десятков линий, покрыв-

ших ямальскую тундру за последние годы, — обеспечивает электроэнергией бурение целого куста газовых скважин.

Помогая друг другу, зеки взобрались на вышку. Конечно, буран мог в любую секунду сорвать смельчаков, и сквозь вой ветра никто бы даже не услышал их последнего крика. Но они взобрались на эту вышку, торчащую посреди лагеря, а затем… Затем в кромешной мгле, под секущим ветром зеки на двадцатиметровой высоте выползли на крыло вышки, набросили на толстый высоковольтный провод деревянные Х-образные катушки-ролики с продетой в горле катушки металлической скобой и, держась за эту скобу, укатили, буквально по воздуху укатили из лагеря — над колючей проволокой лагерного забора, в двух метрах от караульной вышки!

Их хватились наутро, если можно считать утром все ту же полярную ночь, черную и ослепленную неутихающим бураном. Короче, их недосчитались в 6.30 утра при разводе на работу, когда охрана лагеря передавала зеков поштучно наружному караулу. Конечно, была дана боевая тревога. По этой тревоге был поднят весь наличный состав вохры. Но особой паники не было: начальник лагерной охраны осетин Оруджев был

знаменит тем, что за двенадцать лет его службы в караульных войсках ни один беглый зек не ушел от него и не вернулся в лагерь живым. Наоборот, вместо паники Оруджев — бравый, с широко развернутой грудью майор — и отборный отряд вохровцев — отличников караульной службы испытали даже прилив вдохновения.

Во-первых, как-никак, а погоня за беглыми — большое развлечение в их однообразной солдатской жизни. А во-вторых, за каждого беглого зека, доставленного в лагерь живым или мертвым, членам поисковой группы положен десятидневный отпуск домой. Поэтому целая рота солдат и сержантов с разыскными собаками тут же азартно ринулась в погоню за беглецами.

Несмотря на буран, овчарки довольно быстро нашли у соседней, за территорией лагеря, опорной вышки высоковольтной линии, брошенные беглецами деревянные ролики со скобами, и так стало ясно, каким способом зеки совершили побег.

Но, кроме этих роликов, собаки ничего не нашли: ветер смел следы беглецов, вместе со снегом разметал и унес от тундровского наста их запах.

Через пять часов единоборства с бураном, который зверел с каждым часом, собаки в кровь

исцарапали лапы о жесткий ледяной наст тундры, выдохлись, или, как говорят между собой криминалисты, «сдохли». А майор Оруджев сорвал голос и исчерпал свой богатый запас русских и родных осетинских ругательств. Восемь солдат отморозили себе ноги, девятнадцать — щеки и прочие малозащищенные места…

Только после этого в Уренгой — центр самого крупного в мире заполярного месторождения газа и отправной пункт газопровода «Сибирь–Западная Европа» — поступили две идентичные радиограммы.

Одна — в местное управление КГБ, вторая — к нам, в Уренгойский уголовный розыск.

> В ночь с 6 на 7 декабря из лагеря № РС-549 совершили побег трое заключенных: уголовники Залоев и Шиманский и политический – Толмачев. Буран уничтожил следы беглых. Необходимо вмешательство поисковых вертолетов и усиленное патрулирование салехардской железной дороги.
>
> Начальник лагеря № РС-549 Швырев
>
> Начальник охраны лагеря Оруджев

2

Но ни 7, ни 8 декабря не могло быть и речи о поисках беглых с помощью вертолетов: буран озверел до 16 баллов, мороз упал ниже 40 градусов по Цельсию.

Заместитель начальника Уренгойского управления КГБ майор Громов прикатил на вездеходе к нам в уголовный розыск.

По случаю предстоящего ровно через десять дней торжественного открытия в Уренгое транссибирского газопровода «Сибирь–Западная Европа» мы, следователи угро, как и все служащие Уренгоя, наводили порядок в своем учреждении: красили полы и белили стены.

Сорокалетний, франтоватый, с умными карими глазами Громов, ни с кем не поздоровавшись, стремительно прошел по коридору, по настеленным на пол старым газетам — прямо в кабинет нашего начальника майора Зотова. При этом он, конечно, не оббил при входе снег со своих хромовых сапог, и на полу остались мокрые следы.

Визит КГБ в уголовный розыск не был делом необычным: наш Зотов — старый полярный волк и один из самых опытных криминалистов Сиби-

ри. О чем Зотов и Громов говорили в кабинете, мы, рядовые следователи, конечно, не слышали, так как продолжали белить стены, замазывать старую буро-коричневую покраску, но минут через десять Громов вышел от Зотова. Он выглядел успокоенным и уже явно никуда не спешил.

— Привет ударникам малярной кисти! — И Громов наградил пристальным мужским взглядом меня и нашу машинистку Катюшу. — Здравствуйте, Анечка, — сказал он мне фамильярно, хотя за четыре года моей работы в Уренгое я, кажется, ни разу не дала ему повод к такому вот приятельскому обращению.

Вообще отношения между нами, милицией, и КГБ весьма сложные, соперничающие. Они считают себя элитой, белой костью и голубой кровью государственной безопасности, их оклады и пайки куда выше наших, но мы-то хорошо знаем, что именно мы, милиция, делаем всю основную будничную и самую грязную работу по охране порядка в стране. Особенно в Сибири, в ямальской тундре, куда на разработку газовых месторождений и монтаж газопровода «Сибирь–Западная Европа» правительство мобилизовало за последние годы больше миллиона рабочих: сварщиков, монтажников, шоферни и зеков — и

куда вместе с этим потоком сами собой, в погоне за длинным северным рублем потянулись со всей страны бичи, спекулянты, проститутки и прочий уголовный элемент. Пьянки и поножовщина в ресторанах и рабочих общежитиях, убийства на почве ревности, мордобой со смертельным исходом на танцплощадках, браконьерство в тайге, групповые изнасилования в состоянии алкогольного опьянения и без него, а также наркотики, скрытый сифилис, проституция, спекуляция мехами и фруктами — вот та навозная куча криминала, которую нам приходится разгребать тут изо дня в день и к чему не прикасаются, конечно, белоручки из КГБ…

Но наверно, то, что по случаю побелки я была одета не в свой офицерский китель старшего лейтенанта милиции, а в заляпанную краской спецовку, позволило Громову не только назвать меня «Анечкой», но и смазать мою фигуру пристально-оценивающим мужским взглядом. Уж не знаю, по какой — пяти- или десятибалльной системе майор Громов оценивает женщин, но, похоже, даже в заляпанной краской спецовке я получила далеко не плохую оценку. Он подошел ко мне и сказал:

— Я слышал несколько хороших отзывов о

вашей работе. После открытия газопровода у нас будет новогодняя конференция отличников КГБ. Приходите, я пришлю вам приглашение…

Конечно, все, кто был в этот момент в коридоре, замерли и замолкли, глядя, как легко и просто майор КГБ кадрит следователя уголовного розыска Анну Ковину. А я, кажется, покраснела, что бывает со мной крайне редко.

— Спасибо, — сказала я. — На Новый год я дежурю в поселке Монтажников. Там наверняка будет несколько драк с поножовщиной и прочие радости. Приходите туда, без приглашения…

Наши отвернулись с улыбками, кто-то не выдержал и расхохотался, машинистка Катя испуганно захлопала накрашенными сверх меры ресницами.

Но Громов оказался на высоте — он рассмеялся громче всех, и в его умных карих глазах вспыхнул азартный огонек.

— Принято! Я приду! — сказал он и насмешливо козырнул мне, даже щелкнул каблуками своих хромовых сапог. — Разрешите идти?

— Вольно. Идите, — улыбнулась я.

Все-таки этот сукин сын выжал из меня улыбку!..

Позже, во время обеденного перерыва, когда

мы все, следователи, собрались в общей комнате и разложили, по обыкновению, на общем столе принесенные из дому бутерброды, а Катя водрузила на самовар огромный пузатый заварной чайник, разговор зашел о беглых зеках.

Слушая, как гудит на улице буран, раскачивая на столбах электрические фонари и швыряя в окна сухим морозным снегом, кто-то балагурил:

— Собственно, беглые на то и рассчитывали: буран заметет их следы, а вертолеты в буран не поднимешь. И пока мы тут будем чаи гонять, они пройдут по тундре до Салехарда, сядут где-нибудь на ходу в поезд и тю-тю — на материк, в Россию…

— Держу пари, что эти два уголовника взяли с собой политического Толмачева только как «поросенка»… — сказал еще кто-то. В переводе с нашего профессионального жаргона на нормальный язык это означало, что два беглых уголовника взяли с собой в компанию третьего на случай, если заблудятся в тундре, останутся без еды…

— Только одна у них промашка вышла, — произнес старик Зотов, растирая свое левое колено самодельной смесью оподельдока, тигровой мази и чистого питьевого спирта. Это колено ноет у

Зотова во время бурана, и по этому случаю Зотов при любой непогоде носит специальные меховые брюки-галифе с молнией вместо бокового шва. Расстегнув эту молнию почти до бедра, Зотов в любом обществе вынимает из кармана бутылочку со своей самодельной мазью и без всякого стеснения принимается растирать колено. — У этих зеков не было ни метеосводки, ни моего колена. То есть пройти по тундре 140 километров от лагеря до железной дороги в нормальную погоду можно, даже «поросенок» не нужен. И обмануть милицейские заслоны на железной дороге тоже можно. Но! Они ушли в побег при 18 градусах мороза и девятибалльном ветре, не зная, что сегодня буран озвереет до 16 баллов и мороз будет сорок! А к ночи стукнет все пятьдесят, я коленом чую, оно у меня лучше любого барометра, Я бы на их месте сам вернулся в лагерь, пока не поздно…

Мы не хуже Зотова понимали, что означает для беглых усиление бурана. Местные нормы приравнивают каждый балл ветра к двум градусам мороза. Таким образом, если к сорока градусам мороза прибавить тридцать два «ветреных», семидесятиградусный мороз не может выдержать в открытой тундре ни один нормальный человек. Во всяком случае, при морозе ниже 50 актируют-

ся, то есть останавливаются, в тундре все работы, кроме, конечно, бурильных… Даже ненцы, коренное население заполярного Ямала, попав в такой буран, останавливают свои собачьи и оленьи упряжки и ложатся в снег, окружают себя живым собачьим и оленьим теплом и просят духов тундры и бога вселенной Нума побыстрей намести на них снежный сугроб…

Но у беглых зеков не было ни собак, ни оленей, ни теплой одежды. А самое главное, они не могли себе позволить переждать буран в каком-нибудь сугробе. Наверняка именно об этом сказал Зотов Громову, потому Громов и вышел успокоенным из зотовского кабинета.

— Они, конечно, шагали через буран. Люди вообще всегда переоценивают свои силы, особенно — в начале пути. А беглые зеки — тем более, — сказал нам старик Зотов. — Ладно, кончится буран — вертолеты найдут трупы, это не в первый раз. Только сводку нам подгадили сволочи… — заключил он, имея в виду, что три замерзших трупа никак не украсят нашу предпраздничную сводку-рапорт о резком снижении преступности накануне такого знаменательного события, как торжественное открытие транссибирского газопровода.

К 17 декабря на это открытие прилетит из Москвы правительственная делегация во главе чуть ли не с самим Андроповым и еще сотня почетных гостей и иностранных журналистов. В связи с этим на строительстве газопровода шла бешеная предпусковая гонка. По всему краю: в Салехарде, Сургуте, Тарко-Сале, Надыме и Медвежьем, где запасы газа хоть и поменьше уренгойских, но тоже исчисляются миллиардами кубометров, — шел строительный аврал. А центр всех событий, наш Уренгой, украшался, как невеста накануне свадьбы: красочные плакаты, лозунги и транспаранты закрывали окна таких старых домов, как наш угрозыск, новые дощатые мостовые укрывали колдобины на дорогах, в центре города выросла новая гостиница «Полярная», у здания городского комитета партии заканчивалось сооружение правительственной трибуны, а московский архитектор, возглавляющий всю эту работу, додумался залить город не только электрическим и неоновым светом, но и… бенгальскими огнями! Чтобы в момент пуска газопровода, когда на правительственной трибуне «простой» рабочий, Герой Социалистического Труда, знаменитый сварщик труб Борис Дуник и первооткрыватель сибирской нефти и запо-

лярного газа, лауреат Ленинской премии, геолог Расим Салахов вдвоем — символ единства труда и науки — крутанут вентиль, открывающий ямальскому газу путь от Уренгойской компрессорной станции во Францию, Германию и другие европейские страны, чтобы именно в этот момент на всех таежных соснах вокруг Уренгоя вспыхнули огни гигантского фейерверка!

Конечно, перед этим торжеством из Уренгоя и других центров добычи ямальского газа, по которым проедут правительственная делегация и иностранные журналисты, мы убрали не только лагеря заключенных, но, как когда-то в Москве, накануне Олимпиады, выселили из города всех (или почти всех) алкашей, бичей, проституток, лиц с уголовной судимостью и прочий ненадежный элемент. В городе стало настолько тихо, что местный вытрезвитель временно переоборудовали в общественную баню, а мы, следователи угро, получили такую передышку, что даже выкроили время побелить свое учреждение…

Побег трех зеков портил нам, конечно, квартальную сводку достижений по охране порядка на Ямальском полуострове, но никто не мог предположить, что этот побег станет роковым в судьбе всего транссибирского газопровода.

3

Буран утих 9 декабря, утром. Он завалил Уренгой снегом так, что мальчишки на санках съезжали на улицу из окон вторых этажей. Все население города высыпало на улицы с деревянными лопатами в руках — откапывать снег от подъездов, расчищать мостовые и тротуары.

Я шла на работу, проваливаясь в снегу по колено, а иногда и по пояс. Я жила в общежитии молодых специалистов-одиночек всего в семи кварталах от нашего управления, но первые пять кварталов я шла больше получаса. Лампы на фонарных столбах можно было достать рукой. Кто-то, пользуясь случаем, даже украсил их старыми детскими куклами. Все те же мальчишки, наверно…

Но центр города, площадь перед горкомом партии и несколько прилегающих кварталов были расчищены машинами, и только возле нашего управления милиции трудились «пятнадцатисуточники» — рабочие, получившие пятнадцать суток за мелкое хулиганство или нарушение общественного порядка в пьяном состоянии. Эти лениво размахивали лопатами, расчищая

дорожку ко входу в управление, — им спешить было некуда…

А мне было куда — сегодня я была дежурным по управлению следователем и уже опаздывала на работу на двенадцать минут. И едва я, запыхавшись, вошла в управление, оббила снег с валенок и повесила на вешалку меховой полушубок, как Катя, наша машинистка, шепнула мне:

— Быстрей к Зотову. Он тебя ждет.

Я оправила китель и постучала в дверь его кабинета — сейчас будет небольшой разнос за опоздание.

— Товарищ майор! Следователь Ковина, разрешите войти? — сказала я как можно веселей, чтобы обезоружить старика своим бодрым тоном и бравым видом.

— Вот что, Ковина, — сказал Зотов. — Ты все кричишь, что я тебе живого дела не даю, на «бытовке» держу. Вот тебе живое дело. Полетишь в лагерь № РС-549, снимешь показания с караула и соседей беглых по бараку.

— Когда это я кричала, товарищ майор? — сказала я обиженно. — Я не базарная баба, чтобы кричать…

— Ну ладно, ладно… — отмахнулся Зотов.

— Нет, подождите! Мне, конечно, обидно, что

вы мне, как женщине, не доверяете облавы на браконьеров в тайге или засады в «малинах» на настоящих преступников, а держите только на «бытовке» — скандалы в рабочих общагах да изъятия наркотиков и антисоветчины. Всякие там солженицыны, авторхановы и зиновьевы. Ленинградские студенты, у которых я Солженицына нашла, меня даже «уренгойской овчаркой» прозвали…

— Ну вот, завелась, — вздохнул Зотов. — Овчарка — это породистый ранг, гордиться должна…

— Но я никогда не кричала и не жаловалась, — перебила я, — потому что это и в самом деле обидно: вот уже пятый год я пашу тут эту «чернуху» — черновую работу, даже до майора Громова дошли слухи о моих успехах. Хотя, конечно, это не справедливо: как только какое-нибудь «горячее» дело, так вы назначаете на расследование не меня, а мужчину…

— Вот я и даю тебе «горячее» дело — поедешь в лагерь № РС-549…

— Какое же оно «горячее»? — усмехнулась я. — Мороженые трупы искать!

— Я тебя посылаю не трупы искать, — сказал Зотов. — Трупы без тебя найдут в тундре вертолетчики. А ты в лагере пошуруй. Может, у беглых

сообщники были. И заодно возьмешь у Швырева и Оруджева три-четыре мешка осетрины, они тебе загрузят в вертолет на обратном пути. Они эту осетрину у ненецких рыбаков на спирт выменивают. Жаться они не будут, сама понимаешь — не тот случай. Но я им еще звякну по рации…

Я улыбнулась саркастически. Вот почему Зотов выбрал меня для этой командировки! Я единственный холостяк, а точнее, холостячка, в нашем управлении. Это значит, что из всей осетрины, которую загрузят мне в вертолет в лагере № РС-549, Зотов выдаст мне одну-две рыбины, а вся остальная осетрина достанется ему, и только ему. А пошли в эту командировку кого-нибудь из семейных следователей, так тому придется отдать целый мешок осетрины — для жены, для детей. А что начальство лагеря № РС-549 загрузит в вертолет столько рыбы, сколько я скажу, — в этом нет сомнения. У них произошел групповой побег, и теперь от нас, от угро, зависит, уменьшить или не уменьшить их ответственность за это ЧП.

И все-таки я этой командировке обрадовалась. Конечно, составлять в лагере «Акт о нарушении мер по охране заключенных» — не бог весть какая «живая» работа, но, с другой стороны, это не стены белить к приезду высокого московского на-

чальства и не студенческие чемоданы шмонать, в которых неизвестно что найдешь: индийские презервативы с «усиками» («А вы, товарищ следователь, пробовали? Потрясающе возбуждает!»), гашиш, опиум или импортную марихуану («А вы, товарищ следователь, курили? В постели это полный кайф!..») или очередной западный детектив с антисоветским душком («А вы, товарищ следователь, читали? Нужно все-таки знать, что о нас наши враги пишут!»)…

Короче, 9 декабря, в полдень, когда расчистили дорогу от Уренгоя до аэропорта, водитель — старшина милиции Крылов, а попросту «дядя Коля», отвез меня на дежурной оперативной «Волге» в уренгойский аэропорт. Там вертолетчики уже откопали свои «Ми-8» от снега, я пересела в один из этих вертолетов, и мы полетели на северо-запад, в лагерь № РС-549. Огромная луна освещала тундру. От сорокаградусного мороза все туловище вертолета заиндевело еще на земле, и только во время полета, от вибрации, эта короста инея отпала, обнажив ярко-красную окраску корпуса «Ми-8» — масть полярной авиации.

Сразу за Уренгоем открылась величественная панорама газового месторождения: сотни буровых вышек, гигантская и словно инопланетная

конструкция головной компрессорной станции — целый завод по очистке, охлаждению и конденсации газа, который мы построили вопреки всем американским эмбарго на роторную и электронную технику. Вокруг этой станции серебрились огромные емкости газонакопителей, переплетения нитей десятков газопроводов, подстанций, заправочные, временные склады труб и скопление всякой прочей техники на взрыхленной гусеничными вездеходами тундре. В разных концах этой панорамы вспыхивали огни электро- и газосварки, копошились тягачи и бульдозеры, сновали начальственные «Волги», «газики» и бронетранспортеры-вездеходы — буран отнял у стройки три дня, но открытие газопровода должно быть 17-го, кровь из носу, московское начальство ждать не любит: раз сказали, что Европа получит наш сибирский газ к Новому году — значит, получит!

— Красиво, б...! Как на Марсе! — крикнул мне вертолетчик и поднял вертолет повыше, чтобы одним взглядом охватить эту действительно марсианскую картину.

4

Километров через пятнадцать-двадцать нити газопроводов стали разбегаться в разные стороны тундры, а сама тундра побелела — чем дальше, тем белей и безжизненней, с пятнами гнилой желтизны в редких блюдцах промерзших болот и синими ледяными излуками замерзших тундровых речушек. Порой на окраине этого голого снежного блюда возникали контуры какого-нибудь поселка нефтяников, вышка бурильного станка, конусы чумов ненецкого стойбища, заиндевевший шнурок нити газопровода или бегущие по тундре оленьи нарты ненцев.

Но скоро исчезли и последние признаки цивилизации: мы летели на северо-запад, в глубь еще неосвоенной тундры. И только теперь, с воздуха, можно было убедиться, на какое безумие решились беглые зеки — пешком пересечь это нечеловечески мертвое пространство, это бесконечное во все стороны горизонта дикое нагромождение ледяных торосов и снега. Даже в моем рюкзаке, в той бутылке водки, которую я прихватила с собой в командировку, вода и спирт «сепаратнулись», и в двухстах примерно граммах

чистого спирта плавал теперь матовый кусок обычного льда. То есть температура тут упала еще ниже, за сорок. А каково человеку при таком морозе, да еще в буран, да еще в его ветхой, казенной зековской телогрейке и кирзовых ботинках? Конечно, они замерзли — как пить дать…

Часа через два впереди по курсу возникло белое поле замерзшей Обской губы, а потом, километров через двадцать, — лагерь № РС-549: обнесенные колючей проволокой прямоугольники серых, наспех отремонтированных лагерных бараков. Как и лагеря на Ямале, лагерь № РС-549 с месяц назад откочевал подальше от маршрута почетных и иностранных гостей торжественного открытия газопровода, и никто не стал, конечно, строить тут новый лагерь, а быстро подлатали старый, тридцатилетней давности, сталинский.

Через лагерь и дальше на северо-восток шагали с юга злосчастные мачты высоковольтной линии электропередачи, в двух километрах от лагеря была видна рабочая зона — на берегу замерзшей тундровой речушки зеки ломами долбили лунки в звонкой, как металл, вечной мерзлоте. Сверху их темные, в лагерных телогрейках, фигуры казались стадом овец, рассыпанным по тундре и окруженным кострами пастухов с собаками

— вохрой. На первый взгляд это могло показаться идиотизмом — зачем заставлять людей калечиться на сорокаградусном морозе, долбить вечную мерзлоту? Лом со звоном отскакивает ото льда, брызги льда бьют в лицо. Даже в тихие, безветренные дни человек изнемогает от такой работы в полчаса. Но никакого идиотизма в работе зеков нет. Лунки, которые они долбят в вечной мерзлоте, — это шурфы вскрытия верхнего пласта тундры, следом за зеками сюда придут взрывники, заложат в шурфы взрывчатку, взорвут верхний слой тундры и откроют подо льдом слои песка и гравия — ценного строительного материала.

Конечно, шум о том что мы используем зеков на строительстве газопровода, — чистая западная брехня. Кто же подпустит зека к нитке газопровода, кто доверит зеку сварить трубы?! Но подсобные работы, такие как добыча песка и гравия, рубка просек, сооружение причалов, укладка лежневок в болотах и так далее и тому подобное, — эти каторжные работы как раз для зеков…

Вертолет прошел над рабочей зоной, приблизился к пустому лагерю. На шум подлетающего вертолета из КПП зоны выскочили солдаты и на-

чальник охраны лагеря майор Оруджев. Вертолет сел рядом с ними, высадил меня и тут же ушел на юго-запад искать трупы беглых зеков. Там, на юго-западе, в Салехарде, начиналась железная дорога, и только туда могли уйти беглые.

А я занялась рутиной — личные дела бежавших, допрос солдат лагерной охраны, которые дежурили в ночь побега. В своем кабинете майор Оруджев достал из сейфа три серые, перевязанные шнурками толстые папки — личные дела сбежавших. Я открыла папки и несколько минут рассматривала стандартные тюремные фотографии беглых. Рецидивист с тремя судимостями за 217 краж со взломом татарин Тимур Залоев — хмурое скуластое лицо, узкие глаза… Спекулянт предметами русской старины и поддельщик икон Глеб Шиманский — 40-летний, высокий, с холеным лицом, но упрямым подбородком. И курносый, светлоглазый двадцатилетний «политический» — Борис Толмачев — совсем мальчишка.

Я выписала в блокнот адреса их родственников, чтобы послать им служебные извещения. Если хотят, могут приехать за трупами, которые сегодня-завтра будут найдены вертолетчиками. И перешла к допросам лагерной охраны. Главное,

что я хотела выяснить, — откуда взялись эти деревянные катушки-ролики, с помощью которых беглые по линии электропередачи перемахнули через ограду. Эти ролики Оруджев тоже достал из сейфа. Они были явно самодельные, выточенные в виде буквы «Х», как катушки, и сквозь дыры в этих «катушках» были продеты гнутые стальные скобы на манер металлических поручней в метро. Может быть, кто-нибудь передал эти ролики в зону? Или переслал в посылке?

— Да какой там передал-переслал?! — возмутился майор Оруджев. — Разве мы посылки не проверяем? Они сделали эти ролики сами, в зоне. У нас тут механическая мастерская есть, в лагере. Электропилы «Дружба» ремонтируем и всякий инструмент для работы. Борис Толмачев в этой мастерской токарем работал. Он и выточил эти ролики…

Я пошла в мастерскую. Зыбкая дощатая времянка без отопления, в щели задувает тундровый ветер, станки стоят прямо на мерзлоте, на досках, а всякое железо, деревянные бруски и какие-то детали валяются на полу, что, конечно, является нарушением инструкции. Из таких брусков Толмачев и выточил ролики для побега — себе же на погибель. И самое примечательное было то, что

именно над его, Толмачева, токарным станком висел стандартный тюремный лозунг:

«НА СВОБОДУ – С ЧИСТОЙ СОВЕСТЬЮ!»

Из мастерской майор Оруджев, который тенью ходил за мной якобы по долгу службы, а на самом деле потому, что меховые брюки увеличивали мою задницу до размеров, нестерпимых для его осетинского темперамента, повел меня через зону в офицерскую столовую на обед. Проходя мимо злосчастной мачты-опоры высоковольтной линии, он в сердцах пнул ногой по основанию вышки и сказал зло:

— Худя Вэнокан во всем виноват, паскуда ненецкая!

Я удивленно взглянула на майора. Худя Вэнокан был следователем уголовного розыска в Салехарде. Как он, единственный в крае ненец-следователь, может быть виноват в побеге трех зеков из этого лагеря?

5

Я знала Худю Вэнокана. Я была на пятом курсе юридического факультета МГУ, когда весь университет облетела легенда о том, что какой-то простой ненец-оленевод с побережья Ледовитого океана чуть ли не на оленях, но, во всяком случае, в оленьей малице[1] вместо пальто прикатил в Москву и поступил к нам на юридический факультет. Сам! Не вне конкурса, не по брони Ямало-Ненецкого национального округа и не по блату, конечно, — откуда блату заполярного ненца! — а по общему конкурсу! «Еще один самоубийца», — подумала я тогда, потому что за четыре года моей учебы в МГУ у нас было девять случаев самоубийств студентов из Заполярья: чукчей, эвенков, ненцев и хантов. Они, эти эскимосы и эскимоски, не выдерживают стресса большого города и — что поразительно — кончают жизнь одним и тем же способом: выбрасываются из окон высотного общежития на

[1] Примечания: 1

Малица — верхняя одежда ненцев, имеющая покрой просторной, до колен, одевающейся через голову рубахи. Шьется из оленьих шкур шерстью внутрь. К рукавам пришиваются рукавицы. Иногда малицу украшают узорами из шкурок молодых оленей.

Ленинских горах. «Еще один самоубийца», — подумала я, когда услышала историю поступления в МГУ этого «дикого вундеркинда». И забыла о нем, конечно. Но через несколько дней в студенческой столовке я обратила внимание, что на меня постоянно пялится какой-то скуластый и узкоглазый парень — не то японец, не то кореец. Ну, иностранцев у нас — пол-университета, но западные иностранцы на нашем юрфаке не учатся — на кой им черт изучать советское право, если у них там совсем другие юридические законы. Короче, этот парень оказался не корейцем и не японцем, а Худей Вэноканом, «вундеркиндом с Ямала». О том, что он втюрился в меня, скоро узнала вся моя группа, а потом и весь наш курс: Худя торчал в студенческой столовке именно тогда, когда у нашего курса был обеденный перерыв или окно между лекциями. Он сидел обычно в дальнем углу, пил чай — пять, шесть, десять стаканов, — потел в своем новом мешковатом костюме советского производства и ждал моего появления. Тогда на пятом курсе мне было 22 года, и, говоря без скромности, я была в порядке: голубоглазая блондинка с косой до пояса и с фигурой Анук Эме, валютная девочка. Во всяком случае, когда я шла по улице, не было такого,

чтобы к тротуару рядом со мной не причалили «Лада» или «Волга» и хозяин машины — какой-нибудь 30-40-летний киношник или фотограф — не предложил составить ему компанию в Дом кино на закрытый просмотр западного фильма.

Но когда вы заканчиваете последний курс юридического факультета, у вас нет времени для романов или даже для короткого флирта. И мне было плевать на то, что какой-то там заполярный ненец, выучив наизусть расписание нашей группы, поджидает меня, потея от чая, в столовой и пялится на меня, пока я наспех глотаю жидкие студенческие щи или жесткую, как подошва, котлету. Но очень скоро он перенес свой дозорный пункт из столовой в библиотеку, и вот это меня уже взбесило. Я не могла зубрить советское право или конспектировать «Основы уголовного законодательства», когда на меня в упор смотрели из-за соседнего стола узкие серые глаза этого ненца. А вы смогли бы? Правда, стоило мне поднять на него взгляд, как он тут же опускал глаза к своей книге, но только на время, пока я на него смотрела. А потом он опять рассматривал меня в упор. Наконец я не выдержала. Я встала и подошла к нему. Он, конечно, уже не смотрел на меня, он делал вид, что читает «О „двойном“ под-

чинении и законности», В.И. Ленин, 33-й том. Я подошла к нему и сказала: «Слушай! В чем дело?» Вся библиотека повернулась в нашу сторону, и все смотрели на меня, все, кроме него. Он, этот ненец, сидел, опустив глаза на том Ленина, словно глухой. Только его короткая шея багровела над воротником его москвошвеевского костюма. Тогда я выхватила этот 33-й том Ленина у него из-под глаз, шмякнула этим томом по его столу и повторила: «Ну? Ты долго будешь пялиться на меня?»

Самое поразительное, что он даже не вздрогнул от этого удара, не пошевелился и так и не поднял на меня глаза. Я стояла над ним как дура, ожидая ответа, а он сидел, замерев, глядя в стол. Я повернулась и ушла из библиотеки.

На другой день его не было ни в столовой, ни в читальном зале. И на третий — тоже. И на четвертый. Потом мне кто-то сказал, что его уже четыре дня нет ни на лекциях, ни в общежитии и что декан уже заявил о его исчезновении в милицию. Я, правду сказать, струхнула, решив, что еще, чего доброго, этот ненец тоже покончил жизнь самоубийством. И ходила сама не своя. А через два дня милиция случайно нашла этого Худю в лесу за Измайловским парком. Он в своей оленьей

малице спал там прямо на земле, под сосной.

Когда мужчина из-за вас шесть дней спит в лесу на голой земле, то, даже если этот мужчина — ненец, вы не проходите мимо этого факта просто так, как ни в чем не бывало. А уж тем более — ваши друзья и приятели. Конечно, никто мне ничего не говорил, но все смотрели на меня так, как смотрят на хирурга, который во время операции аппендицита вырезал больному весь желудок. Короче, когда милиция привезла этого Худю из леса в общагу, я собралась с духом и пошла в мужскую зону нашего общежития.

Любопытно, что знаменитая примета Москвы — небоскреб студенческого общежития МГУ на Ленинских горах, в проект которого Сталин собственной рукой дорисовал башни в стиле «а-ля рюс» и шпиль со звездой, делится внутри на зоны и блоки, совсем как в лагере. Я прошла мимо вахтера у лифта в мужскую зону, поднялась на четвертый этаж — зона «Г» юридического факультета — и направилась по коридору к блоку № 404. Блок — это жилая ячейка, состоящая из двух раздельных комнат по две койки в каждой и с общими для этих двух комнат туалетом и душевой. Я шла в блок № 404, где одну из комнат занимал Худя Вэнокан и еще какой-то

сибирский нацмен, полагая увидеть там тощего, изможденного и обросшего Худю, которого надо выводить из любовного столбняка, а то он завтра вдруг возьмет и выбросится из окна. Конечно, я не собиралась заводить с ним роман, но у меня была идея пригласить его на субботний концерт в нашем студенческом клубе МГУ.

Худя открыл мне дверь. Он не был ни заросший, ни изможденный. И на нем не было малицы или какой-нибудь другой ненецкой национальной одежды. На нем были спортивная майка и темно-синие спортивные брюки. И его серые узкие глаза смотрели на меня спокойно, без испуга.

— Привет! — сказала я слегка развязно. — Можно войти?

Он пропустил меня в свою комнату. Это была чистая комната, без обычного для комнат мужской зоны бардака и фотографий голых девок на стенах. Две койки вдоль стен, шкаф, этажерка с юридической литературой и стол с настольной лампой — вполне спартанский вид. На столе лежала груда книг, открытый том «Основы классификации преступлений» и конспект. Рядом — недопитый стакан крепкого чая.

— А мне натрепались, что ты на полу спишь… — сказала я просто так, чтобы начать с чего-то

разговор. — Я читала, что это очень полезно. Даже какая-то знаменитая балерина спала на полу…

— А теперь не сплю, однако. А заставляю себя спать на кровати.

— Заставляешь?

— Да, у нас в чумах нет кроватей, и я не привык к ним. А теперь приучаю себя, однако…

— Понятно… — Я не знала, о чем говорить дальше. — Слушай, у меня есть мои старые конспекты по этим «Основам классификации…» Хочешь?

— Спасибо, однако, — сказал он. — Но я должен сам все прочесть и законспектировать.

— А почему ты все время говоришь «однако»?

Он улыбнулся впервые за все это время:

— Так привык. У нас все так говорят, на Севере…

— Ага… Слушай, у меня есть билеты на эстрадный концерт у нас в клубе, на эту субботу. Ты хочешь пойти?

Он смотрел мне прямо в глаза, и я вдруг подумала, что это и есть тот случай, когда говорят: «Смотрит как кролик на удава». В его глазах был испуг, страх. Но уже в следующий миг он сказал все тем же ровным голосом:

— Извини, однако. Я не могу ходить на концерт. Я очень отстал по всем предметам, а скоро семи-

нар и зачеты.

— Да? — удивилась я. Вот уж не ожидала, что он мне откажет! Он, этот ненец — мне! — Ну… — протянула я, уже не зная, что мне делать дальше. — Ну… как хочешь… Тогда я пошла…

Более унизительного и идиотского положения у меня в жизни не было! Он даже не предложил мне сесть! И чтобы хоть как-то отомстить за этот свой конфуз, я сказала, выходя из его комнаты:

— А что ты делал в лесу?

— Я лечился… — ответил он спокойно.

— От чего?

— От Москвы и… от тебя, однако.

Я поняла, что он имел в виду, но усмехнулась:

— Разве я заразная?

— Нет, но ты… — Он засмеялся, а потом посмотрел мне в глаза: — Я приехал в Москву, чтобы учиться на следователя а не влюбляться, однако.

— Правильно, все равно это бессмысленно, — сказала я мстительно. — Ну и как? Ты вылечился от меня?

Он все смотрел мне в глаза. Это был долгий и пристальный взгляд человека, который решил выдержать молча любые пытки. Я повернулась и пошла прочь по коридору нарочно чуть покачивая бедрами и отбросив своим коронным жестом

косу на плечо.

Он выдержал и это. Он просиживал сутками в библиотеке, но уже не ради меня. При моем появлении он вставал и переходил в другой читальный зал. Через месяц зимняя сессия, и в списке Ленинских стипендиатов я увидела его фамилию — он сдал все экзамены на «отлично». Я не знаю, делали ли профессора скидку на его ненецкое происхождение, но кто-то из доброхотов рассказал мне, как Худя одолевал науки: когда от усталости мозги переставали воспринимать всю эту муть, которую зубрят первокурсники, он бился головой о стену и приговаривал: «Нет, я заставлю тебя работать! Работай, однако». А сдав экзамены, снова ушел в лес и пять дней спал там в своей малице прямо на снегу — отходил от перенапряжения…

Через год, когда в университете были вывешены списки распределения на работу и против моей фамилии стояло «Тюменская область», у нас с Худей состоялось формальное примирение: он подошел ко мне в столовой и сказал: «Здравствуй. Я узнал, что ты едешь работать в нашу Тюменскую область. Я очень рад. Это тебе. Пригодится, однако!» И он протянул мне две книги: «Русско-ненецкий словарь» и «Ненецкие сказки и

былины». «Спасибо, — сказала я. — Может быть, теперь ты возьмешь мои старые конспекты?» Он улыбнулся и отрицательно покачал головой. «Я сам должен все учить, однако…»

С тех пор прошло четыре года. Пять месяцев назад, уже в Уренгое, я узнала, что Худя Вэнокан вернулся на Ямал, в Салехард, с «красным» дипломом отличника МГУ и с… двухлетней дочкой. От столицы Ямала Салехарда до нашего Уренгоя — рукой подать, 500 километров, но за эти пять месяцев мы ни разу не виделись с Худей. Он стал следователем Салехардского угро, а я была следователем Уренгойского, но милицейская сплетня быстрей телефона донесла до нас точные сведения о том, что дочка у Худи — от красивенькой неночки, поступившей в МГУ с помощью ее папаши, заведующего отделом по работе с ненцами и хантами при Тюменском обкоме партии. Худя женился на ней, когда был на третьем курсе, но девочка оказалась, как говорится, «слаба на передок» — быстро пошла по рукам, а точнее — по студиям и постелям московских художников, охочих до всякой туземной экзотики… Через год она бросила и МГУ, и мужа с двухмесячным ребенком на руках и укатила с очередным художником куда-то на черноморский курорт, а потом ее след

простыл даже для ее родного отца… Как Худя выходил в общаге МГУ свою малышку и при этом жил и учился на 70 рублей Ленинской стипендии в месяц — только Бог знает, но, так или иначе, он появился этим летом в Салехарде, тут же получил должность следователя в Салехардском угро, и вот теперь начальник охраны лагеря № РС-549 майор Оруджев почему-то считает, что именно Худя виноват в побеге зеков из лагеря.

6

Я удивленно смотрела на майора Оруджева, даже спросила:

— Худя? Каким образом?

— А очень просто! — сказал Оруджев. — Он тут был дней двадцать назад. Зеки еще бараки себе ремонтировали — мы тогда только пришли сюда из Надыма. А этот Худя прилетел из Салехарда допрашивать кого-то из зеков по старым делам. И вот тут он стоял и при зеках брякнул начальнику лагеря: «Какой, говорит, дурак это место под лагерь выбрал, если линия передачи через лагерь проходит? С этой вышки, говорит, можно по проводу за зону выскочить. Лебедь, говорит, ждет весны, а зек ждет свободы!» И накаркал, паскуда! Зеки услышали его и на ус намотали!

— Нехорошо, товарищ майор. С больной головы на здоровую сваливаете. Прошляпили побег, а оказывается, наш уголовный розыск даже предупреждал вас. Похоже, только осетриной вы теперь от нас не отделаетесь!

Оруджев уставился на меня своими темными выпуклыми глазами: сообразил, что зря про Вэнокана брякнул, и гадал теперь, смеюсь я над

ним или действительно требую еще что-нибудь, кроме осетрины. От этой непривычной мыслительной деятельности пелена мужланской похоти исчезла из его темных глаз, и они действительно стали красивы — в обрамлении черных ресниц, чуть опушенных инеем, оседающим от дыхания на мех его шапки, на усы и ресницы.

— Ладно! — сжалилась я. — Незачем тут на морозе торчать, у меня сейчас нос отвалится…

В разговоре с армейскими и милицейскими чинами я стараюсь сразу перейти на грубый тон, это остужает их первые горячечные мысли о моей принадлежности к женскому полу. Не всегда, правда… И Оруджев больше относился к исключениям, чем к правилу. Уже через несколько минут в офицерской столовой, когда расконвоированный зек-повар подал нам уху из нельмы и шашлык из осетрины, Оруджев приволок из своего «балка» бутылку армянского коньяка и бутылку розового шампанского «Цимлянское» (пить коньяк с розовым шампанским — высший шик в Заполярье), и в его красивых глазах снова плавала прозрачная бархатистость похоти мощные плечи играли под мундиром, а грудь он выпячивал так, что, казалось, латунные пуговицы мундира вот-вот сорвутся с петелек.

«А ничего мужик, — подумала я, — просто призовой рысак для постельных скачек…»

А он уже налил коньяк в граненые стаканы, смешал фифти-фифти с розовым шампанским.

— За беглых, Анна Александровна! Пусть им полярная тундра будет пухом! Иначе вы бы никогда к нам не прилетели…

Я залпом и с удовольствием осушила свой стакан — уж очень я промерзла в дороге, в этой механической мастерской и на территории лагеря. До поджилок, как говорится…

Что было после? Объяснять — значит оправдываться, а оправдываться мне не перед кем, я баба холостая. Если захочу мужика — мой выбор и мое право ни перед кем не отчитываться. Мы допили с Оруджевым коньяк и шампанское, и вместо того, чтобы дождаться вкалывающих в тундре зеков и продолжать свою работу, я позволила Оруджеву уговорить меня остаться на ночевку в лагере.

— А куда спешить, Анна Александровна! — лукаво усмехнулся он в усы. — Зеков приведут с работы около шести. Пока их пересчитают, пока ужин, то-се — уже восемь. А после восьми допрашивать зеков запрещено по инструкции. Лучше вы сейчас отдохните, выспитесь. У нас при ка-

раулке прекрасная есть комната. А утром я всех соседей беглых по бараку освобожу от работы, будете их допрашивать хоть целый день. Идет?

Конечно, я хорошо понимала, к чему приведет эта ночевка в лагере, в комнате при караульном помещении. Такие комнаты есть в любом лагере — раз в год к каждому зеку имеет право приехать кто-то из близких родственников, их на три дня поселяют в такой комнате, а в случае, если к зеку приезжает жена, зек у нее даже на ночь остается в этой комнате. Правда, двери в таких комнатах без замков, а рядом — целый лагерь заключенных мужчин, но я-то могла спать спокойно — кто из них сунется в караульное помещение, где солдаты, и сторожевые собаки, и лязгающие металлические двери, и решетки на окнах! Однако и дураку ясно, что для начальника лагерной охраны, майора Оруджева, этих преград не существовало.

Вечером — если есть в полярной ночи деление на день, вечер и ночь — он прислал в мою комнату дежурного расконвоированного зека протопить печку-голландку. Затем за окном послышался топот колонны зеков, пришедших с работы. Их держали за воротами лагеря около часа! Наружная охрана, конвой, передавала зеков внутренней

лагерной охране, и вохровцы принимали колонну по шеренгам из шести человек, пересчитывая: «Первая шеренга — проходи! Остальные — на месте!.. Вторая шеренга — проходи! Остальные — на месте! Третья…» Даже собаки охраны скулили от мороза и нетерпения… Наконец всех зеков впустили в зону, с лязгом закрылись лагерные ворота, звякнул штырь. Потом перестали клацать стальные двери КПП, стих собачий визг и лай, и только где-то далеко в тундре выл не то от голода, не то просто от тоски одинокий полярный волк. В лагере приближался отбой.

Я лежала в постели, медленно отбывая в сон и гадая, когда же явится этот Оруджев. Ноги сами собой вытягивались от крепнущего желания, и соски твердели так, что грудь ныла. Это мешало заснуть, да и вообще я не люблю, когда меня будят среди ночи, даже для секса. Зачем перебивать одно удовольствие другим? Наконец, в девять, после развода караула, майор Оруджев без стука открыл незапирающуюся дверь моей комнаты. Нет, он не обманул моих ожиданий — матрац, на котором он перенес меня с узкой лагерной койки на пол, чтобы не слышно было в караулке скрипа металлических пружин, — этот матрац тому свидетель! Но и я не уступала ему в нашей

общей работе. Черт возьми, когда снимешь с себя офицерский китель и портупею с пистолетом, все, что днем было сковано жесткой офицерской формой, вдруг выхлестывает из тебя с такой бешеной энергией — не нужны ни индийские презервативы с их возбуждающими усиками, ни гашиш, ни импортная марихуана! А нужен только мужик, который способен устоять перед этим натиском часами, не слабея. Оруджев как раз и был таким — я не ошиблась в нем…

За час до лагерного подъема, т.е. в пять утра, Оруджев ушел, уже с трудом подняв меня, сонную, вместе с матрацем на кровать. Сквозь сон я слышала, что он обещал нужных мне для допроса зеков, соседей беглых, оставить по наряду на внутрилагерных работах, и поэтому я могу спать сколько хочу — никто меня будить не станет. И я действительно проспала лагерный подъем и даже не слышала очередного лязга лагерных ворот, лая собак и топота колонны зеков, уходящих на работу в тундру. Полдня пролетели во сне, как одна минута. Во всяком случае, когда Оруджев снова вошел в мою комнату, сел на край койки и произнес настойчиво: «Аня! Аня, проснись!» — я с большим трудом выпростала себя из сна. Неужели ему мало? Я увидела его наклонившееся

ко мне лицо и сказала:

— Нет! Уйди…

— Проснись! Читай! — Он протянул мне бланк радиограммы.

Я открыла слипающиеся глаза и уставилась на радиограмму.

Лагерь № РС-549

Следователю Уренгойского угро Анне Ковиной

В тридцати километрах от лагеря № РС-549, возле вахтового поселка Яку-Тур, ненцами-рыбаками обнаружен голый труп начальника экспедиции сейсморазведки Виталия Воропаева со следами изуверской расправы: отрезаны уши и половой орган втиснут в рот жертвы. Одновременно у речной пристани в Салехарде обнаружен рыбаками труп главврача Салехардской окружной больницы Олега Хотько, обезображенный аналогичным образом. Одежда убитых похищена.

География убийств совпадает с вероятным путем побега зеков из лагеря № РС-549 через Яку-Тур к железной дороге в Салехард. Поскольку буран снова пре-

рвал авиасвязь, направить следователя и судмедэксперта в Яку-Тур из Уренгоя невозможно. Срочно выезжай в Яку-Тур вездеходом для освидетельствования трупа и сбора следственных данных.

Зотов

Я просыпалась по мере того, как читала эту радиограмму. Вот оно, живое дело! Зеки каким-то чудом не замерзли в тундре, и больше того — совершили два убийства, пока только два, но каких! И никто из Уренгойского угро, никто из мужчин-следователей, включая самого Зотова, не может из-за нового бурана попасть в Яку-Тур на место происшествия. А я, Анна Ковина, «бытовичка», «запасное колесо», через час буду там — первой!

Я бегло перечитала радиограмму, на словах «втиснут в рот жертвы» я проснулась окончательно. Конечно, старикашке Зотову было сейчас не до литературных изысков, я понимала его. Я понимала даже больше, чем было сказано в этой эрдэ.[2] Если железная дорога перекрыта патрулями и зекам не удалось улизнуть по ней на «материк», они либо прячутся в Салехарде, либо

---

[2] Примечания: 2

Эрдэ — радиограмма (сокращенное обиходное).

кружат возле него по тундре. А как же принимать членов правительства и иностранных гостей, если на территории края рыщут трое убийц! Поэтому Зотов гонит меня в Яку-Тур — «срочно», «вездеходом».

И вдруг новая идея пришла в голову: а если эти зеки разделились? Если только один или два из них дошли до Салехарда, а кто-нибудь все-таки в Яку-Туре или возле него?

Я вскочила с койки, выглянула в окно. За окном не было ни луны, ни звезд, ни серебристо-голубоватого отсвета тундры. Все накрыл очередной буран. Он швырнул в окно сухим снегом, скрипел колючей проволокой лагерного забора, и сквозь этот скрип слышался хриплый лай нервничающих собак и хруст снега под ногами колонны зеков. Я изумленно глянула на Оруджева — неужели я проспала весь день до конца смены? Но ведь на часах только одиннадцать…

— Мороз — полсотни, работы сактированы, — объяснил он.

Значит, зеков досрочно возвращают из тундры, для них буран — это отдых и отпуск, а для меня — первая удача получить настоящее «живое» дело, реальную «криминалку» и доказать, что «уренгойская овчарка» годится не только

для вынюхивания антисоветской макулатуры. Отлично! Я не упущу свой шанс! Женщины-следователи и вообще все женщины — специалисты в так называемых мужских профессиях должны постоянно доказывать делом, что они не только не хуже мужчин справляются с работой, а лучше их. Только тогда нас вынуждены признать более-менее равными…

Шерстяные носки, мужские кальсоны, свитер, китель, меховой комбинезон, кожаный ремень с кобурой и пистолетом в ней, валенки, овчинный полушубок, шапка-ушанка, — торопливо одеваясь, я соображала: беглым нужна теплая одежда, документы и деньги. Поэтому они разделили и ограбили свои жертвы. Но беглых трое, а трупов пока два. Значит, вот-вот на тундровый наст может лечь еще кто-то. Если они, конечно, не использовали своего «поросенка»…

— Ну что ты зыришься на меня! — сказала я Оруджеву. — Готовь вездеход!

— Вездеход готов, ждет, — кивнул он за окно. — Я тоже еду. Там может быть след, который возьмут собаки.

У меня не было времени гадать: это только предлог, чтобы поехать со мной в надежде на еще одну горячую ночь, или он действительно

рвется достать этих беглых. Во всяком случае, он соображал не хуже меня, подумала я, а для таких горячих дел, как охота за беглыми, лучшего партнера и не придумать. Ну а если фортуна нам улыбнется, мы с ним отметим удачу еще одной жаркой ночью, почему нет…

Я сунула в свой рюкзак три папки с личными делами беглых зеков и выскочила за Орудженым. Буран, как бритвой, ожег лицо, перехватил дыхание. Но вездеход, ревя двигателем, стоял всего в двух шагах от КПП, и я привычно — не впервой все-таки! — перемахнула через гусеницу в кабину. Там, кроме водителя, сидели еще четыре бравых сержанта. Под небрежно распахнутыми овчинными полушубками у всех четверых блестели начищенные значки «Отличник караульной службы». И все четверо, не пряча мечтательных улыбок о возможном десятидневном отпуске в случае, если мы возьмем хоть одного беглого, поглаживали у колен рослых овчарок.

7

Конечно, не я одна думала в эти часы о связи торжественного открытия газопровода с беглыми зеками. Через несколько часов кое-кто и повыше меня забил тревогу. Вот полный текст телеграммы, с которой я начала этот рассказ:

ТЕЛЕГРАММА-МОЛНИЯ
гриф – ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ
Салехард,
Первому секретарю Ямало-Ненецкого окружного комитета КПСС тов. Петру Тусяде
Копии:
Начальнику Ямало-Ненецкого управления КГБ майору В. Шатунову,
начальнику Ямало-Ненецкого управления милиции полковнику Н. Синему,
военному коменданту Салехардского гарнизона Советской Армии полковнику С. Бурятько
Цепь убийств, совершенных заключенными, бежавшими из лагеря № РС-549, грозит безопасности открытия газопрово-

да «Сибирь–Западная Европа».

Срочно примите все меры к их задержанию или уничтожению. Максимальный срок выполнения этого партийного задания 24 часа. Каждый лишний час пребывания убийц на свободе приведет к вашей личной партийной ответственности.

Первый секретарь Тюменского областного комитета КПСС, член ЦК КПСС В. Богомятов

Тюмень,

10 декабря 1983 г., 18 часов 30 минут

8

Пока наш вездеход, царапая гусеницами лед замерзшей реки, таранил буран и ночь, мы — Оруджев, я и четыре сержанта — все гадали: почему такой варварский, такой дикий способ убийства? Ну, убили, чтобы отнять одежду, деньги, документы, — это понятно. Но зачем при этом отрезать уши и все прочее? Первое объяснение, которое приходило в голову, — месть. Но за что беглым зекам мстить каким-то Воропаеву или Хотько, которых они в жизни не видели? Оставалось — садизм, клинический маниакальный садизм. Однако двадцатилетний «политический» Борис Толмачев сел, как значилось в его личном деле, «за чтение и распространение книг Солженицына среди студентов МГУ», а подделыщик старинных русских икон Глеб Шиманский в 1965 году окончил московский институт по специальности «Станковая живопись» и как художник принимал участие в московских и международных выставках, — оба они не годились на роль убийц-садистов.

— Это татарин! — уверенно твердил Оруджев. — Татарин, сука, Залоев, я их повадки знаю!

Ничего! Если я его достану, клянусь отцом, я ему отрежу! Нет! Я его пальцем не трону — он сам, он сам себе все отрежет, клянусь могилой матери!

— Но за ним нет мокрых дел, — говорила я, — 217 краж со взломом, но ни одного случая применения оружия. А нас в институте учили, что преступники почерка не меняют. По его профилю — ограбить магазин в Яку-Туре…

— А что в магазине? — усмехнулся один из сержантов. — Рис и тушенка. А им документы нужны, паспорта…

— Но ради этого не отрезают уши и члены…

— В институте! Почерк! — сказал один из сержантов, подскакивая на очередном торосе. — У нас один архитектор сидит. Он в командировку уезжал и жене на губы влагалища замок надел, настоящий железный замочек. Она, конечно, через три дня от заражения крови копыта откинула. Такое вы в институте учили? А ведь инженер, с высшим образованием, архитектор. А тундра с людьми еще не то делает! Этот Толмачев — может, он в зоне воровской закон[3] принял и

[3] Примечания: 3

Воровской закон — своеобразный кодекс морали у профессиональных воров,

теперь в паханы[4] тянет, показывает себя. Или Шиманский…

— Херня! — презрительно сказал Оруджев. — Я на ящик коньяка спорю: это татарин, Залоев! Чингисханская кровь, падла, — ихний почерк. Эх, нам бы сейчас в Салехард попасть — он там, под Салехардом, ходит. Как они в такой буран до Салехарда дошли, етти их мать?!.

— Кеклики! Кеклики, товарищ майор! Остановить? — крикнул водитель вездехода.

Действительно, впереди машины, ослепленные светом фар, вжимались в дорогу белые комочки полярных куропаток, которых здесь называют кекликами. Глупые птицы в момент опасности замирают на месте, пытаясь белым своим оперением слиться с белизной тундры, и вблизи, с двух метров, они похожи просто на комки снега. В хорошую погоду, когда нет бурана, все северные водители из любого таежного рейса возвращаются домой с мешком таких кекликов — их бьют палками и даже шапками, а кто половчей — собирают их на дороге просто голыми руками. И вкусней этой дичи нет ничего на свете. Но сейчас…

---

[4] Примечания: 4
Пахан — главарь воровской шайки.

— Гони! Гони! — зло приказал Оруджев водителю, и тот нажал на газ.

9

Зыбкие огни вагон-городка Яку-Тур вынырнули из бурана неожиданно и близко. Во всех вагончиках-«балках», поставленных длинными рядами над замерзшей рекой, горел свет. На окраине поселка надсадно гудел движок электроподстанции, дверь магазина-фактории хлопала на ветру. Я не раз бывала в подобных вахтовых поселках. В горячке последних лет освоения газовых месторождений Севера, когда правительство заключило контракты с западными странами на поставку в Европу уренгойского газа, Заполярье стало задыхаться от нехватки квалифицированных бурильщиков, сварщиков, монтажников. Эти специалисты ценятся дороже инженеров, и одним только длинным северным рублем их не заманишь в тундру. Им сразу подавай и благоустроенную квартиру, и детский сад, и школу для старших детей, и даже кинотеатр для жены! Но некогда, некогда строить в тундре города с паровым отоплением, больницами, театрами и детскими садами! Некогда! Запасы Уренгойского газового месторождения превышают 7,5 триллиона кубометров газа, это океан газа, и в январе

1984 года он должен, обязан хлынуть в Европу, а в такой горячке — не до благоустроенных поселков, конечно. И тогда была введена другая система работы — вахтовая. Со всей страны, из всех нефте- и газодобывающих районов вот уже пятый год самолетами возят в ямальскую тундру рабочие бригады на 15-дневную вахту. Из Азербайджана, Татарии, Башкирии, Молдавии. Рабочие прилетают в такие, как Яку-Тур, вахтовые поселки. Ночь — на отдых, а наутро — в тундру, на буровые или на сварку газопроводов — на 15 суток. Там — 16-часовой рабочий день, разогретые на примусе консервы на обед, короткий сон в вагончике. Спят, конечно, не раздеваясь, кто тут думает о постельном белье, смешно! И снова на работу, до прилета очередной 15-суточной вахты. Конечно, и заработки у этих вахтовых работяг — дай Бог каждому, им платят по 800–900 рублей в месяц, это пять моих месячных окладов. Но государству все равно выгодно: не нужно строить в тундре города и поселки со всем комплексом цивилизации. Главное — чтобы в вечную мерзлоту уходили, как гвозди, все новые и новые плети бурильных труб и тысячи тонн глинистого раствора — прижать до открытия газопровода рвущийся наружу газ. И чтобы через болота, топи, тайгу и тундру, через

сибирские и европейские реки и горы катил на Запад газопровод.

А деньги — ерунда, деньги — бумага, можно работягам и тысячи платить, зато потом, с января 1984 года, наша страна будет ежегодно поставлять в Европу до 40 миллиардов кубометров газа и зарабатывать на этом до десяти миллиардов долларов в год!..

Правда, после пятнадцати суток работы в открытой и иссеченной ветрами тундре, когда глинистый раствор и солярка въедаются в тело, когда промерзают душа и печенки, даже святой коммунист, добравшись до вахтового поселка, не утешится одной бутылкой водки и не сохранит верность своей тоскующей где-нибудь в Молдавии жене или невесте.

Бабы на вес золота, пусть даже ненки в их грязных чумах или проститутки, вышедшие в тираж на черноморских курортах. А где водка и бабы, там поножовщина — там, конечно, и мы, милиция, уголовный розыск…

Яку-Тур был типичным вахтовым поселком привилегированного, так сказать, типа — рядом, в полутора километрах, стоял ненецкий рыбосовхоз «Путь к коммунизму». Там работяги всегда могли раздобыть отличную закуску под

водку — строганину[5] и ненецких девочек. Потому у крылец некоторых вагончиков-«балков» были свалены впрок, как дрова, заледенелые рыбины…

Наш вездеход подкатил к вагончику-«балку» с вывеской:

«КОНТОРА ЯКУ-ТУРСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ СЕЙСМОРАЗВЕДКИ»

Рядом с вывеской, на стене вагончика, висел красочный плакат:

«ДАДИМ РОДИНЕ ЕЩЕ МИЛЛИАРД КУБОМЕТРОВ ЯМАЛЬСКОГО ГАЗА!»

Возле вагончика сопели невыключенными двигателями два гусеничных вездехода и «КрАЗ». Водители не выключают зимой двигатели грузовых машин, иначе их кострами нужно отогревать, чтобы завести.

Оруджев откинул металлическую дверцу кабины, и яростный ледяной ветер снова ожег нам лица. Всего каких-нибудь десять метров от везде-

---

[5] Примечания: 5

Строганина — свежемороженая сырая рыба, нарезанная тонкими ломтиками. Строганина из осетрины, муксуна, нельмы, да еще с гранатовым соусом, — изумительная закуска под водку

хода до вагончика, но, чтобы пройти их, нужно было грудью ложиться на ветер, и ощущение было такое, будто ты просто голая на этом ветру — лицо, шея, колени замерзли мгновенно. Я снова мельком подумала о бежавших зеках: как могли они в такой буран пройти пешком больше 140 километров от лагеря до Салехарда?

Оруджев буквально отодрал дверь вагончика — с такой силой прижимал ее к «балку» этот сумасшедший ветер — и пропустил меня внутрь. За первой наружной дверью была вторая, обитая войлоком для утепления, а из-за нее слышалась нестройная песня, выпеваемая хриплыми мужскими голосами:

— Эй, баргузин, пошевеливай ва-а-ал, плыть молодцу недалечко…

Я открыла обитую войлоком дверь, и мы оказались в спасительном тепле и густом папиросном дыму, утяжеленном резким запахом спиртного. В небольшой комнатенке конторы яку-турской сейсморазведки за дощатым столом сидело на лавках, видимо, все руководство экспедиции — человек двенадцать мужчин и три женщины. Все были явно пьяны. На столе было штук десять уже пустых бутылок с бело-зелеными наклейками «СПИРТ ПИТЬЕВОЙ, 96 %», граненые стаканы,

в которых плавали окурки, а на расстеленной на столе газете «Тюменская правда» — ломти жирного, давно оттаявшего муксуна. Мой наметанный глаз машинально отметил, что грязные жирные пятна обезобразили напечатанный в газете портрет Андропова…

При нашем появлении песня оборвалась, вся компания повернулась к нам, хмельно покачиваясь погрузневшими от выпитого спирта телами. Невысокий мужичок с прозрачными, плавающими глазами оторвался от лавки и шагнул нам навстречу. Было видно, как он усилием воли заставляет себя держаться прямо.

— С-слушаю вас, т-товарищи…

— Фамилия? — брезгливо сказала я ему.

— М-моя? М-малофеев…

— Должность?

— М-моя? З-з… заместитель начальника п-по хозчасти. П-прошу к столу… — Он качнулся, но оперся рукой о чье-то плечо.

— Я следователь Уренгойского уголовного розыска Анна Ковина. Мы приехали по делу об убийстве Воропаева. Где труп?

— Может, сначала это… водочки с дороги? — сказал из-за стола кто-то. — За помин его души, а?

Теперь я поняла, что эта пьянка — поминки по погибшему начальнику. И, судя по количеству пустых бутылок на столе, начались эти поминки давно, скорее всего — с самого утра.

— Я говорю: где труп? — сухо повторила я.

— А труп ч-чего? — качнулся Малофеев. — Т-труп в гробу, где ж ему еще б-быть? Н-на улице, з-за конторой…

— Его надо в Киев, самолетом. У Воропаева там семья, — добавил кто-то.

Оруджев повернулся ко мне, спросил:

— Где будет осмотр трупа? Сюда занести?

Дико не хотелось выходить снова на мороз, в буран, но не вносить же труп сюда, на стол этой пьяной компании.

10

РАДИОГРАММА

Уренгой,

начальнику Уренгойского управления уголовного розыска майору Зотову

Выполняя Ваше указание, сегодня, 10 декабря 1983 года, произвела в поселке Яку-Тур наружный осмотр трупа бывшего начальника Яку-Турской экспедиции сейсморазведки В. Воропаева и опрос его подчиненных. Кроме того, совместно с начальником охраны лагеря № РС-549 майором Оруджевым и при участии служебно-разыскных собак произведен, несмотря на буран, подробный осмотр места происшествия. В результате вышеназванных следственных действий удалось установить:

Рано утром 6 декабря Виталий Воропаев, 37 лет, по национальности русский, возвращался в поселок Яку-Тур из расположенного в полутора километрах ненецкого становища рыбосовхоза «Путь к коммунизму» от своей сожительницы

– ненки Саване Пырерко. Допрошенная Пырерко (19 лет) показала, что В. Воропаев исчез из ее чума, когда она спала, т.е. примерно между 5 и 8 часами утра 6 декабря. При допросе Пырерко назвала приметы одежды Воропаева, похищенной его убийцами. Шапка меховая, пыжиковая, светло-коричневая; куртка брезентовая на волчьем меху, с брезентовым капюшоном; брюки-комбинезон синие, меховые; унты из собачьего меха с черной оторочкой.

Дополнительными опросами местного населения установлено, что гр. Саване Пырерко, числясь членом рыбацкой артели совхоза «Путь к коммунизму», участия в работе артели не принимает, а живет на нетрудовые доходы от проституции, сожительствуя с рабочими и инженерно-техническим составом вахтового поселка Яку-Тур. При обыске ее чума обнаружено около 3 (трех) тысяч рублей деньгами, а возле чума – несколько ящиков пустой стеклотары из-под спирта, водки и одеколона. Поскольку продажа спиртного ненецкому населению запре-

щена законом, не вызывает сомнения, что спиртные напитки в изобилии приносили с собой клиенты вышеназванной Саване Пырерко, которые посещали ее как группами, так и в одиночку.

Сообщаю подробности происшествия:

Труп убитого Воропаева был обнаружен сегодня, 10 декабря 1983 года, рано утром местным жителем, бригадиром ненецкой рыбартели «Путь к коммунизму» Яхано Тохо примерно в двухстах метрах от становища, от чума Пырерко. Таким образом, В. Воропаев, навестивший Саване Пырерко в ночь с 5 на 6 декабря, отсутствовал на работе четыре дня, что, безусловно, должно было вызвать беспокойство его подчиненных. Однако заместитель Воропаева по хозяйственной части Родион Малофеев и другие подчиненные показали, что, поскольку в период с 6 по 9 декабря все работы в экспедиции были остановлены из-за сильного бурана, они не хотели беспокоить своего начальника Воропаева, полагая его пребывающим у Саване Пырерко.

Бригадир артели «Путь к коммуниз-

му» ненец Яхано Тохо (возраст 63 года) показал, что сегодня, 10 декабря, утром (точное время назвать не может, т.к. часами не пользуется, но, по моим подсчетам, в 6.30–7 утра) он выехал из стойбища на собачьей упряжке в поселок Яку-Тур, чтобы купить в магазине-фактории табак, муку и чай. На пути к поселку его собаки остановились перед сугробом, уселись в снег и стали выть, а вожак стал царапать сугроб передними лапами. Соскочив с нарт, Яхано Тохо разрыл сугроб и обнаружил замерзшее тело В. Воропаева. Труп, по словам Яхано Тохо, был абсолютно голый, заледенелый, отрезанные уши примерзли к груди. В паху вокруг отрезанного «хотэ» заледенела корка крови.

Уверенный в том, что это «духи тундры по приказу великого бога тундры Нума» казнили Воропаева за разврат, Яхано Тохо не притронулся к трупу, а примчался на собачьей упряжке в Яку-Тур, где сообщил о своей находке заместителю Воропаева Родиону Малофееву. Малофеев вместе с шофером Малышко и другими работниками экспедиции немедленно

отправились в тундру по следам собачьей упряжки Яхано Тохо (старик, боясь «духов тундры», сопровождать их отказался), где и подобрали труп Воропаева.

Произведенный мною наружный осмотр трупа показывает, что из-за сорокаградусных морозов признаков разложения на трупе нет. Телесные повреждения: отрезанные уши и половой орган – нанесены острым холодным оружием. Этим же, по-видимому, оружием потерпевшему Воропаеву нанесен смертельный удар в сердце. На запястьях и на плече Воропаева имеются четко обозначенные синяки, что может свидетельствовать о попытках жертвы к самообороне. По моим предположениям, В. Воропаев покинул чум Саване Пырерко рано утром 6 декабря, намереваясь вернуться на работу. Буран не остановил его, поскольку накануне он и Саване Пырерко выпили вдвоем три бутылки чистого питьевого спирта. В двухстах метрах от чума Воропаев встретил убийцу или убийц, по всей видимости, заключенных, бежавших в эту ночь из лагеря № РС-549.

Однако для окончательного определения времени гибели Воропаева и для определения очередности произведенной над ним экзекуции необходимо прислать в Яку-Тур опытного судебно-медицинского эксперта.

Что касается осмотра места происшествия, вынуждена отметить, что никаких следов преступника или преступников на месте преступления не обнаружено.

Жду Ваших дальнейших указаний.

Старший лейтенант милиции, следователь Анна Ковина

Поселок Яку-Тур,

10 декабря 1983 года

Я думала, что такими темпами работы я утерла нос лучшим следователям нашего Уренгойского угро. Всего за несколько часов моего пребывания в Яку-Туре и в совхозе «Путь к коммунизму» я собрала практически весь возможный материал по факту убийства Воропаева. И это в буран, в мороз, когда брать показания нужно было не только у пьяных русских, но и у ненцев в их черных, пропахших псиной чумах…

Но короткий ответ на мою радиограмму при-

шел вовсе не от моего начальника Зотова.

СРОЧНАЯ РАДИОГРАММА

Яку-Тур,

заместителю начальника Яку-Турской экспедиции сейсморазведки Р. Малофееву

Немедленно организуйте отправку в Салехардский КГБ следователя Уренгойского угро Анны Ковиной со всеми имеющимися у нее личными делами бежавших преступников и с телом убитого Воропаева. Сообщите Ковиной, что фотографии беглых зеков, находящиеся в личных делах, крайне необходимы для поиска и задержания преступников.

В целях гарантии преодоления бурана снарядите в эту поездку не менее трех вездеходов с самыми опытными водителями. О выполнении доложить немедленно.

Начальник Салехардского управления КГБ майор Шатунов

11

Вызов в столицу Ямало-Ненецкого округа Салехард я восприняла как знак судьбы, а Оруджев — как служебная собака воспринимает команду «Фас!». Он сам сед за рычаги управления переднего вездехода, и три ревущих на полную мощь танковых двигателя заглушили рев бурана.

Оруджев гнал вездеходы по компасу — напролом через снежные торосы, через редкий тундровый кустарник, по замерзшим болотам и тундровым распадкам.

От чудовищной тряски гроб с Воропаевым развалился в первый же час, заледенелое тело вывалилось на пол вездехода.

— Стой! — орала я Оруджеву. — Стой! Ты мне труп изуродуешь! Он нужен для медицинской экспертизы! Стой!

Но Оруджев гнал без остановки. Ему было наплевать на медицинскую экспертизу и прочие тонкости криминалистики. Там, в Салехарде или возле него, он мог найти сбежавших преступников и реабилитировать самое незапятнанное имя одного из лучших офицеров караульной службы.

А я чуть не плакала от досады. Тело убитого

Воропаева представляло собой уникальную ценность для медэкспертизы, потому что труп замерз в тундре так же мгновенно, как замерзает рыба, которую ненцы добывают зимой подледным ловом. Вынутая сетями из-подо льда и едва оказавшаяся на сорока-, а то и пятидесятиградусном морозе, эта рыба замерзает в долю секунды, даже вода не успевает стечь с ее жирной спины. Именно так замерз в тундре Воропаев. Только вместо воды вокруг разинутого рта с вогнанным в горло «хотэ» запеклась-замерзла кайма алой крови. И такие же ледяные ободки крови были вокруг отрезанных ушей и в паху, вокруг отрезанного «хотэ». При этом — никаких пятен разложения на трупе, труп пролежал четыре дня в тундре, как в холодильнике, синяки на правом плече и на запястьях рук были видны идеально.

Но теперь от тряски труп швыряло по железному полу вездехода. Отгоняя от него собак, я с двумя сержантами кое-как запихнула все-таки труп обратно в развалившийся гроб и перевязала его своими ремнями. Заледенелое тело громыхало в гробу, я жалела, что не укутала его в какой-нибудь полушубок, но не открывать же гроб заново, я и так из последних сил держалась руками за железные распорки вездехода.

Наверное, я выдержала эту дорогу без рвоты только потому, что ничего не ела со вчерашнего дня и блевать было просто нечем. Шесть раз мы переворачивались, скатываясь юзом то с берега какой-то речушки, то с наледи тундрового распадка. Четыре стальных троса лопнули, когда два других вездехода ставили на гусеницы очередной перевернувшийся вездеход. При этом тундра слышала такой русский, осетинский и украинский мат, какого я не слышала за все годы своей работы в милиции.

Через три часа этой безумной езды перегрелся и задымился двигатель одного вездехода, еще через час лопнула гусеница второго. Мы бросили их в тундре и на одном вездеходе вкатили в темные улицы Салехарда. Гусеницы пролязгали по обледенелым бревенчатым мостовым, и вездеход остановился у здания местного управления КГБ. Я выползла из кабины полуживая, с обмороженной щекой, на негнущихся ногах. От ушибов болели спина, плечи, колени. Но я еще помогала солдатам вытаскивать из вездехода скулящих собак и гроб с Воропаевым.

— Брось! — отпихнул меня Оруджев. — К Шатунову!

В кабинете Шатунова сидели человек 15

мужчин — все салехардское начальство. Оперативный штаб по розыску беглых. Среди них был и Худя Вэнокан. Мы с Оруджевым, шатаясь от усталости, остановились в дверях, у меня в руках были папки с личными делами беглых. Майор Шатунов, пятидесятилетний сибиряк с крепким обветренным лицом и белесыми ресницами альбиноса, взглянул на меня одобрительно:

— Пробилась? — и кивнул кому-то: — Стул ей дайте, упадет сейчас.

Все рассмеялись. Вот так всегда, етти их мать, — сделаешь работу, на которую трех мужиков не хватит, а они только лыбятся!..

Кто-то подал мне стул, взял у меня папки с личными делами беглых и передал их на стол Шатунову. Я села и почувствовала, что от тепла меня начинает развозить — к горлу подступала икота. А Худя Вэнокан подал мне стакан крепкого чая. Он очень изменился за эти четыре года. Раньше, в университете, он был скованным ненцем с простодушным лицом оленевода. А теперь что-то взрослое, резкое и усталое появилось на этом лице. Да и не мудрено, подумала я, я вообще не представляю, как он мог сдавать экзамены и зачеты на юридическом факультете МГУ и одновременно нянчить в общежитии грудно-

го ребенка. Я там и без ребенка зашивалась по горло…

Тем временем Шатунов, не поднимая глаз отличных дел сбежавших зеков, спросил Оруджева:

— Это ты упустил зеков из лагеря?

— Виноват, товарищ майор, — стоя по стойке «смирно», сказал Оруджев.

— Будешь разжалован, — так и не взглянув на него, бросил Шатунов. Он вырвал из папок листы с фотографиями беглых и протянул их кому-то из своих подчиненных: — Немедленно размножить и раздать всему личному составу. Плакаты с портретами убийц чтобы через два часа висели на каждом столбе!

— Разрешите искупить вину, товарищ майор, — сказал Оруджев.

Только теперь Шатунов поднял на него глаза:

— Как ты ее искупать собираешься?

Белый щегольской полушубок Оруджева был мокрым от снега, лицо и руки — в синяках от ушибов о лобовое стекло вездехода, левое ухо обморожено, на небритых щеках выступила темная щетина. Он произнес жестко, твердо:

— Я этих б…й из-под тундры достану!

— Хорошо, попробуй… — ответил Шатунов и

взглянул в мою сторону — я икала уже на весь кабинет.

Он брезгливо поморщился, приказал Худе Вэнокану:

— Отвези ее в гостиницу…

Вэнокан подошел ко мне, хотел помочь мне встать, но я оттолкнула его руку, встала сама. Еще не хватало, чтобы именно Худя Вэнокан стал теперь моей нянькой! Но самое обидное — до слез! — было то, что после целого дня погони за «живым делом», после всех моих стараний в Яку-Туре и безумной дороги до Салехарда — эта идиотская, безостановочная икота! Со слезами на глазах я пулей выскочила из кабинета в коридор. Там двери на улицу были открыты настежь, солдаты вносили гроб с Воропаевым, и я не знала, куда мне деться от людей. Почему, когда человек падает или икает, всем вокруг становится так смешно? Даже Худе Вэнокану!

Он принес мне целый графин воды и сказал.

— Выпей, однако, легче станет. И поехали в гостиницу…

Я повернулась к нему в паузе между икотой, сказала с ненавистью:

— Слушай! Пошел на хер! Ик!

Он пожал плечами и ушел в кабинет Шату-

нова.

12

СЛУЖЕБНАЯ ТЕЛЕФОНОГРАММА

Тюмень,

первому секретарю Тюменского областного комитета КПСС товарищу В. Богомятову

В ответ на Вашу телеграмму-молнию о задержании заключенных, бежавших из лагеря № РС-549, докладываем:

в городе Салехарде на поиск преступников-убийц мобилизован весь наличный состав местного КГБ, милиции и военного гарнизона. Создан оперативный штаб по задержанию беглых;

производится тщательный обыск всех зданий в городе, на железнодорожной станции Лабытнанги и в близлежащих поселках, блокирован аэропорт, железная дорога патрулируется. Несмотря на буран, следователь Уренгойского угро Анна Ковина доставила из лагеря № РС-549 фотографии беглых. Фотографии размножены и розданы всем патрулям. При первом же улучшении погоды будет

применена авиация для обследования окрестной тундры.

Уверены, что выполнение Вашего партийного задания по задержанию или уничтожению убийц начальника Якутурской экспедиции сейсморазведки Воропаева и главврача Салехардской окружной больницы Хотько – вопрос нескольких часов.

Первый секретарь Ямало-Ненецкого окружного комитета КПСС Петр Тусяда

Начальник Оперативного штаба майор госбезопасности Шатунов

Салехард,

10 декабря 1983 г.

13

До контрольного срока, назначенного первым секретарем Тюменского обкома партии Богомятовым, до 18 часов 30 минут 11 декабря, оставалось несколько минут.

Мы, почти весь состав Оперативного штаба по розыску преступников-убийц, сидели в кабинете первого секретаря Ямало-Ненецкого окружкома Петра Тусяды.

Специально к приезду на открытие газопровода правительственной делегации и иностранных гостей здесь сменили советскую мебель на шведскую, стены украсили карельской березой и огромной рельефной картой Ямало-Ненецкого национального округа с зелеными вышками на местах газовых месторождений и красными нитями трубопроводов. А фигурками оленей, песцов и рыб были обозначены на этой карте прочие богатства ненецкой тундры: оленеводческие колхозы, рыболовецкие артели и фермы по разведению пушного зверя. Карта убедительно показывала, что этот дикий заполярный край, территория которого в полтора раза больше Франции, — поистине уникальная кладовая

«голубого золота» — газа, «мягкого золота» — пушнины и «красного золота» — лососевой рыбы. И формальному хозяину всего этого края, первому секретарю окружкома партии ненцу Петру Тусяде, полгода назад назначенному на этот пост Москвой специально, чтобы показать иностранным гостям рост национальных кадров в стране, было что предъявить приезжим: ненцы нескольких показательных звероферм и колхозов были спешно переселены из оленьих чумов в европейского типа поселки, ненецкий ансамбль песни и пляски «Северное сияние» разучил французские, немецкие и чешские народные песни, и даже дети местной школы-интерната подготовили концертную программу на четырех языках…

Но сейчас Петру Тусяде было не до французских песен. Плотный, коренастый ненец тридцати шести лет, еще недавно бывший простым директором ненецкого зверосовхоза, он грузно сидел в кожаном кресле и медленно, на манер своих ненецких предков, раскачивался всем телом вместе со слитой с плечами, почти без шеи, круглой головой. Его узкие глаза были открыты, но вряд ли видели нас перед собой. Похоже, впервые за шесть месяцев головокружительной партийной карьеры ему смертельно захотелось назад в

тундру, к своим оленям, песцам и черно-бурым лисам. Впрочем, такое же настроение было у всех собравшихся: нам всем хотелось в этот момент быть как можно дальше от стоявшего на столе красного телефона прямой связи с Тюменским областным комитетом партии. Потому что все чрезвычайные меры по розыску сбежавших преступников не дали никаких результатов.

Напрасно — едва к утру чуть улегся буран — кружили над Салехардом и всей приокружной тундрой два вертолета полярной авиации, засекая с воздуха каждую выходящую из города машину, вездеход и даже ненецкую нарту. Напрасно солдаты местного гарнизона обыскивали каждый дом, каждый склад, барак и вообще каждый жилой и нежилой угол, включая вмерзшие в обский лед баржи. По всему городу ветер кромсал и рвал наспех расклеенные плакаты с портретами зеков и надписью «РАЗЫСКИВАЮТСЯ ПРЕСТУПНИКИ». На железной дороге солдаты не только обыскивали каждый вагон, но сопровождали поезда почти до Уральского хребта. И зря исполосовали окрестную тундру гусеничные вездеходы, объехав все близлежащие и дальние — в радиусе сотни километров — ненецкие стойбища. Ненцы встречали там солдат открытой

насмешкой:

— Русские духов ищут, однако. Разве можно духов найти, однако?

Каким-то немыслимым образом слух о том, что двух русских начальников «казнили духи тундры», стремительно разнесся по Ямальскому полуострову. Беспроволочный телеграф ненецкой сплетни тут же украсил факты невероятным объяснением: когда русские пришли в тундру триста лет назад, чтобы отнять у ненцев меха и рыбу, духи тундры молчали, духи тундры спали под землей. Когда русские стали бурить ненецкую землю, чтобы добраться до последних богатств ненцев — нефти и газа, духи проснулись. Но русские не выпускали их из-под земли, русские закрыли дырки в земле глиной и металлическими пробками. Однако теперь, в связи с открытием газопровода, русские стали открывать буровые скважины. И духи тундры вырвались из-под земли и начали мстить русским за то, что те искромсали тундру своими железными машинами и уничтожили оленьи пастбища, негде теперь ненцу олешек пасти, убили реки, замутили их бензином, соляркой, нефтью и принесли в тундру «дурные» болезни: сифилис, триппер, туберкулез.

Конечно, никто в Оперативном штабе не придавал этим слухам никакого значения. Мы думали о другом: куда могли запропаститься трое беглых? Не духи же, в конце концов, бежали из лагеря № РС-549! Почти пять суток миновало с момента их побега, им нужны еда, тепло, жилье, а на всем их пути от лагеря до Салехарда — пути, отмеченном двумя трупами, — нет ни ограбленного магазина, ни костра — ничего. И в самом Салехарде — ни одной квартирной кражи, ни следа бежавших преступников. После того как в Яку-Туре был убит Воропаев, а в Салехарде — Хотько, беглые как в воду канули. Или они каким-то мистическим образом проскочили все-таки через железнодорожные патрули и укатили на «материк»?

Короче, у всех собравшихся сейчас в кабинете Тусяды было подавленное настроение. И именно в этот момент дверь распахнулась и Оруджев втолкнул в кабинет двух ненецких мальчишек в драных оленьих малицах. Все вопросительно и с некоторой надеждой повернулись к Оруджеву.

— Ну! — нетерпеливо сказал Шатунов.

— А пусть они сами скажут! Засранцы! — Оруджев резко дернул мальчишек за плечи.

От его прежнего бравого лоска не осталось и следа. За сутки бессонного рысканья по Салехарду

его лицо задубело, щеки ввалились. Но мальчишки молчали, зыркая на нас своими злыми узкими глазенками.

— Ну, короче! — требовательно сказал Оруджеву Шатунов.

— Застал на месте преступления, — доложил Оруджев. — Углем, засранцы, написали на памятнике Ленину: «Русские, уходите из тундры!»

— И это все? — спросил Шатунов.

— Все, товарищ майор. Они еще что-то про духов начали писать…

— Пошел вон… — устало и негромко сказал Шатунов.

— Что? — не расслышал его Оруджев.

— Я говорю: пошел вон!!! — вдруг сорвался на крик Шатунов. — К е…й матери!

При этом никто не обратил внимания на то, что в кабинет торопливо вошел начальник окружного управления милиции полковник Синий. Хотя по званию Синий был полковником, а Шатунов — только майором, но Шатунов, как начальник Оперативного штаба и представитель КГБ, вел себя хозяином, а Синий лишь старался держаться независимо. Не глядя ни на кого, он прямиком прошел к столу Петра Тусяды и положил перед ним бумаги с машинописным текстом. Тусяда

молча прочел, коротко взглянул на полковника Синего, снова опустил глаза к этому листу. Потом встал и тяжело прошел на своих коротких ногах к стенному шкафу, открыл его. Там на крючке висела оленья малица и прочая ненецкая национальная одежда. Тусяда снял с себя темный пиджак со значком депутата Верховного Совета СССР, галстук, белую рубашку. Мы в изумлении смотрели на него. Догола он, что ли, разденется? А он тем временем спокойно надевал на голое тело «ягушку» — рубашку из оленьей шкуры мехом внутрь. Затем сбросил с ног модные туфли и, не закатывая брюк, натянул меховые носки «ичиги», а поверх них — высокие оленьи сапоги «кисы» и затянул их шнурками выше колен. После этого он ловко влез в глухую, с капюшоном и рукавами оленью малицу и, так и не проронив ни слова, вышел из кабинета. Только по пути отечески-властным жестом взял двух ненецких мальчишек за капюшоны и увел с собой.

— В чем дело? — посмотрел Шатунов на полковника Синего, потом перегнулся через стол Тусяды и взял лист бумаги с машинописным текстом. Он еще не кончил читать, когда за окном, на освещенной яркими фонарями улице, Петр Тусяда остановил проезжавшую мимо ненецкую

оленью упряжку, сел в нее и уехал.

Настенные часы показали 18 часов 30 минут, красный правительственный телефон на столе Тусяды заворчал негромким приглушенным звоном. Никто не брал трубку. Белый лист с машинописным текстом шел по рукам под эти настойчивые, с ровными интервалами, телефонные звонки. Вот что было напечатано на этой бумаге:

РАПОРТ

Начальнику Ямало-Ненецкого управления милиции полковнику Н. Синему

Проводя очередной обход Полуйского района г. Салехарда, сегодня, 11 декабря, в 18 часов 10 минут дежурный патруль в составе трех человек и под командой старшего сержанта милиции Орлова заметил, что калитка коттеджа главного геолога треста «Ямалнефтегазразведка» тов. Розанова П.Р. открыта. Войдя во двор коттеджа, патруль обнаружил в снегу возле финской бани замерзший голый труп тов. Розанова со следами зверской расправы: отрезаны уши и половой орган. Отрезанный половой орган находится

во рту у жертвы. Одежда и документы убитого исчезли. В метре от убитого, на снегу, обнаружена брезентовая рукавица с биркой лагеря № РС-549 и написанными на подкладке химическим карандашом инициалами «Т.З.», что может свидетельствовать о принадлежности этой рукавицы одному из бежавших из лагеря № РС-549 преступников, а именно – Тимуру Залоеву…

Пока мы читали, Шатунов короткими фразами отрывисто переговаривался с полковником Синим:

— Район оцеплен?

— Уже оцепляем.

— Сколько следователей на месте преступления?

— Из нашего угро туда только что выехали Ковров, Вэнокан и проводник служебных собак Теличкин.

— Сколько собак?

— Три…

— Хорошо. Рукавицу — майору Оруджеву для опознания. В доме Розанова ничего не трогать до моего приезда! — распорядился Шатунов и

поднял наконец телефонную трубку. — Слушаю, товарищ Богомятов… Нет, Тусяда уехал, это майор Шатунов… Нет, к сожалению, не пойманы, но находятся в Салехарде… Знаю потому, что только что найден третий труп. Убит главный геолог «Ямалнефтегазразведки» Розанов…

Даже по непроницаемому лицу Шатунова было видно, что на том конце провода звучит далеко не печатная, но веская партийная терминология. Только изредка Шатунову удавалось вставлять:

— Нет, теперь не уйдут… Понимаю, но теперь они не уйдут…

Наконец он дослушал все, что говорил ему по телефону Богомятов, коротко ответил «Слушаюсь», положил трубку и повернулся к нам:

— Нам дали отсрочку до утра. Но если мы их не возьмем… Ну, сами понимаете. А теперь все следователи — за мной, на место происшествия! — И предупредил всех прочих, шумно поднявшихся на ноги: — Остальным там делать нечего, все — в оцепление!

14

Между тем то, что всего несколько часов назад казалось недостойной внимания бредятиной и дикими суевериями, обернулось, едва был найден труп Розанова, чуть ли не массовым безумием. Еще бы, за два дня — три убийства, да каких! С загнанными в горло «хотэ»! Короче, толпа есть толпа, сколько ты их ни воспитывай и ни учи атеизму и материализму. О найденной во дворе розановского коттеджа брезентовой рукавице, подтверждающей, что убийства — дело рук беглых зеков, а не духов тундры, никто теперь в Салехарде и слышать не хотел! «Духи тундры казнят русских», — понеслось по городу из уст в уста. И улицы Салехарда вымерли. В семейных домах русские баррикадировали двери и окна. В рабочих общежитиях горел свет: холостые мужчины упаковывали чемоданы. Бежать из тундры!.. В Лабытнангах, поселке на западном берегу Оби, где находится железнодорожная станция, на вокзале было столпотворение. Вахтовые рабочие штурмовали билетную кассу, безбилетники прорывали на перроне милицейское оцепление вагонов, и отправление поезда Салехард — Москва при-

шлось задержать на три часа.

В этой давке и драках за билетами несколько человек получили увечья, человек тридцать были арестованы за хулиганство и неподчинение милиции.

Но это не помогало. Какой-то пьяный взобрался на мусорную урну рядом с билетной кассой, истерически хохотал и выкрикивал над потной, штурмующей кассу толпой:

— Наб…ли в тундре?! От грехов бежите?! А кто у ненцев соболей за пол-литра рвал? Яйца свои спасаете?! Ха-ха-ха! А кто в реки тут нефть сливал? А? А кто ненецких девочек трахал? А теперь яички свои спасаете, п…рванцы! А кто в тундру сифилис привез, я вас спрашиваю?!

— Заткнись, падла! Сам такой… — крикнули ему из толпы.

— Правда глаза режет? — весело отвечал пьяный. — Джека Лондона на вас нет! Он бы вас всех описал, строителей коммунизма, мудозвонов тундровых!

— Я тебе сейчас сам уши отрежу! — ринулся к нему кто-то.

— Бичи! — весело крикнул пьяный. — А я что? Я не отказуюсь! Я тоже тут наб…л! Я тут тоже нашкодил! Но пусть в меня камень бросит тот,

кто без греха! А? Нету таких? Но я, тля, откуплюсь счас от тундровых духов! Я откуплюсь! — Он не то свалился, не то спрыгнул с урны, нырнул сквозь толпу на привокзальную площадь, достал из-за пазухи толстенную пачку заработанных, наверно, за год денег и стал швырять их тундровому ветру: — Все! Все отдаю! Держи, тундра! Ну, кто еще смелый отдать тундре награбленное, тля!..

Тут его, конечно, арестовали, но и в милиции он выворачивал свои карманы, швырял на пол последнюю мелочь и юродствовал:

— А в чем дело? Я их тут зарабатывал — я их тут выбросил! Имею право! Мне мои яички дороже! Прошу занести в протокол: бурильщик Трофимов свои яйца у ненецких духов выкупил!..

Наутро ни одна русская семья не пустила детей в школу, и большинство русского населения города не вышло на работу. Примерно то же самое происходило в 1960-х годах в Москве, когда милиция две недели не могла поймать убийцу-садиста Ионесяна, который каждый день убивал по ребенку…

Шатунов, чтобы пресечь распространение этого безумия по краю, приказал отрезать Салехард и Лабытнанги от связи с внешним миром: остановить отправку почты, не давать частных

телефонных звонков в другие города, закрыть аэропорт для вылета частных лиц и отменить отправление поездов.

Он назвал эту акцию «психический карантин».

15

Но в Оперативном штабе никто, конечно, не верил ни в каких «духов тундры» и прочую чертовщину.

На крутом берегу реки Полуй, притока Оби, в новеньком коттеджном поселке местного начальства, который жители Салехарда прозвали «Лауреатником», поскольку почти все местное начальство уже было лауреатами государственных и прочих премий за открытие и разработку газовых месторождений, находился коттедж Розанова. Он был оцеплен милицией, а двор освещен фарами автомашин и установленными в окнах прожекторами. При этом свете во дворе уже третий час мучились майор Оруджев и местный, салехардский, проводник служебно-разыскных собак — сержант Теличкин. Оруджев доставал из целлофанового пакета найденную на месте убийства Розанова рукавицу Залоева, давал обнюхать ее собаке, а затем делал рукой широкий круг и говорил негромко:

— Искать, Титан. След.

Титан — серый поджарый кобель-медалист — и без команды знал свое дело. Низко накло-

нив морду к снегу, он шел кругами по двору, все сужая их и сужая, и наконец возвращался туда, где несколько часов назад патрульные милиционеры нашли эту рукавицу, — на место убийства Розанова.

Тут Титан садился и зевал, всем своим видом показывая, что поиск окончен.

То же самое происходило и с другими собаками. Мы сгрудились в дверях и окнах коттеджа, наблюдая за безрезультатными попытками Оруджева и сержанта Теличкина найти хоть какие-нибудь залоевские следы. Нужно сказать, что и у нас, следователей, не было никаких результатов. Худя Вэнокан и его коллега из Салехардского угро, эксперт-криминалист Ковров, буквально на четвереньках облазили весь коттедж Розанова и стоящую во дворе финскую баню, потом доложили Шатунову:

— Все. Можете войти в коттедж. Нет никаких отпечатков пальцев или следов, кроме следов самого Розанова и его шофера.

Шатунов смотрел на них такими злобными глазами, что криминалист пояснил, или, скорее, добавил в свое оправдание:

— В коттедже месяц никто не жил. Все покрыто пылью. Поэтому следы и отпечатки пальцев

видны сразу. Розановские следы есть на кухне, на холодильнике, на бутылке коньяка, на вешалке, на кранах батарей парового отопления. А отпечатки пальцев его шофера — на двух розановских чемоданах. Вот и все.

Шатунов вздохнул и вошел в коттедж, следом потянулись остальные, в том числе и я.

Я никогда не бывала на виллах миллионеров, я видела их только в кино и лишь понаслышке знаю о правительственных дачах. Теперь я воочию увидела, что такое настоящая роскошь. Вообще и о самом «Лауреатнике» стоит сказать чуть подробней. Такие поселки для начальства есть на всех стройках союзного значения: в Братске, Усть-Илиме, на Вилюйской ГЭС и у нас на Севере — в Уренгое, Сургуте, Таежном. Не знаю, за чей счет сооружаются эти поселки где-нибудь в Братске, но у нас они явно построены за счет средств, сэкономленных «вахтовым методом освоения тундры»: вместо жилых домов, школ и больниц где-нибудь в Яку-Туре и подобных ему рабочих поселках все самые дефицитные строительные материалы шли сюда, в этот «Лауреатник». Строительство вела специальная бригада архитекторов, которая проектировала каждый коттедж с учетом личных вкусов буду-

щего хозяина. Одновременно два лагеря зеков прокладывали здесь улицы-террасы, сажали привезенные из тайги березы и сосны, возводили на берегу Полуя причал для яхт-клуба, закрытый плавательный бассейн, два теннисных корта и сооружали дачи-коттеджи с финскими банями, каминами и прочим западным комфортом. Затем, уже вселившись, хозяева поселка стали соревноваться в меблировке своих коттеджей: моющиеся финские обои с тиснением под кожу, шведская мебель, шкуры белых медведей и даже старинные ненецкие идолы украсили интерьеры этих вилл.

Коттедж Розанова был именно таким: огромная шкура белого медведя покрывала паркетный пол гостиной, и в тон ей была светлая мебель, а возле камина — три низких табуреточки с ножками из белой моржовой кости, которые при ближайшем рассмотрении оказались просто стержнями моржовых членов. Наверно, в другое время по поводу этих ножек-членов кто-нибудь тотчас отпустил бы сальную шутку, но сейчас нам было не до юмора: из больницы привезли «Сопоставительное заключение судебно-медицинской экспертизы» по всем трем трупам.

«Все три смерти,

— читал нам вслух Шатунов, –

наступили в результате точно нанесенного удара острым колюще-режущим предметом в область сердца. Обращает на себя внимание тот факт что во всех трех случаях глубина проникновения примерно одинаковая – от 14,5 см до 16 см, что должно свидетельствовать о нанесении ран одной и той же рукой… Характер порезов при удалении ушей и половых органов жертв идентичен. Это позволяет утверждать, что все увечья произведены одним и тем же острым предметом, скорей всего – ножом…

Произведя сравнительный микроскопический анализ ран и порезов, а также изучив динамику причинения телесных повреждений, экспертиза приходит к выводу, что убийца обладает средней силой удара и действует правой рукой с характерным „почерком“ – каждый порез произведен одним резким ударом снизу вверх, о чем свидетельствуют направленные вверх и обращенные наружу линии

отреза ушей и половых органов потерпевших…»

— Татарский почерк! — прокомментировал Шатунов это место в заключении.

— И ненецкий, — не удержалась я. — Ненцы так мясо режут, я сама видела. Берут в рот один конец свежей оленьей печени и отсекают ножом снизу вверх.

— По-твоему выходит, что это ненцы убивают? — тут же запальчиво вмешался Худя Вэнокан, словно я оскорбила подозрением весь его ненецкий народ.

— Не ссорьтесь, — примирительно сказал Ковров. — Ни ненцы, ни духи не носят рукавицы с лагерной биркой.

— Вот именно. — Шатунов продолжил читать медицинское заключение:

«…В связи с чрезвычайно быстрым замерзанием трупов из-за низкой температуры окружающей среды определить с помощью бактериологического анализа точное время смерти Воропаева и Хотько не представляется возможным. Что касается Розанова, то чрезмерный вес покойного (140 кг при росте 1 м 67 см)

и толстый жировой покров в области брюшины частично задержали процесс замерзания тела. Медицинское вскрытие обнаружило в желудке и кишечнике незамерзшие остатки пищи, что дает основание определить момент нападения на Розанова за три – три с половиной часа до обнаружения трупа. Экспертиза обращает внимание на то, что на трупах Хотько и Розанова нет синяков и ссадин, в то время как при первом наружном осмотре тела Воропаева следователем А. Ковиной были зафиксированы ссадины и синяки в области правого плеча и запястий рук, что может свидетельствовать о борьбе Воропаева за жизнь. К сожалению, неправильная транспортировка тела Воропаева из Яку-Тура в Салехард привела к дополнительным травмам на теле и затруднила работу экспертизы по определению расположения и характера прижизненных травм,…»

Шатунов зыркнул на меня своими белесыми глазами. Я пожала плечами:

— Синяки на запястьях он не мог получить в

гробу…

— Ладно, — сказал Шатунов и дочитал заключение:

> «Вскрытие обнаружило в организме Воропаева высокое содержание спирта. В организме Хотько признаков спиртного не обнаружено. Подписи»

— Все. Кретины! — без перехода сказал Шатунов, отшвырнув заключение на кухонный стол. Выходит, двое трезвых мужиков — Розанов и Хотько — спокойно дали отрезать себе члены и уши, а пьяный в дупель Воропаев все-таки сопротивлялся. Что это нам дает? Хер его знает… Так, Ковина, пока эти мудаки возятся с собаками, докладывай, что у тебя.

Он обвел глазами кухню и вопросительно глянул на Вэнокана и Коврова:

— Сесть тут можно? Вы стулья осмотрели?

— Обижаете, товарищ майор, — усмехнулся Ковров. — Даже коньяк из этой бутылки можете пить — все отпечатки пальцев с этой бутылки у меня уже на пленке.

Шатунов сел за кухонный стол, налил себе полстакана коньяка, выпил залпом, занюхал кулаком и глянул на меня вопросительно:

— Ну? Докладывай.

Я бы, конечно, тоже выпила, но он не додумался предложить, хотя я не меньше Шатунова проторчала на уличном морозе. Я сказала:

— Розанов попал в эту историю, как говорится, с корабля на бал. Он только сегодня приехал из отпуска, из правительственного санатория на Черном море. Жена и дочь остались в Москве, чтобы встретить Новый год в столице. А он спешил сюда на открытие газопровода и даже привез с собой целый чемодан коньяка и виски. Судя по штампам на этикетках — из спецбуфета Министерства газовой промышленности…

Но Шатунову не понравился мой «вольный тон», он перебил:

— Короче! Что по существу?

Я достала из папки протокол допроса розановского шофера, стала читать:

— Шофер Розанова показал:

> «В два часа я встретил товарища Розанова на железнодорожном вокзале в Лабытнангах. Пока мы ехали через замерзшую Обь с левого берега на правый, я рассказал товарищу Розанову о побеге зеков и двух убийствах. Товарищ Розанов

хорошо знал Воропаева и Хотько и очень расстроился. Но по поводу „духов тундры“ только рассмеялся и махнул рукой. „Эдак тут духов не хватит нам яйца за б…во отрезать! – сказал мне товарищ Розанов. – И вообще, эти ненцы нам за так называемое б…во еще должны спасибо сказать: без русской спермы они бы вообще вымерли еще двести лет назад!..“»

— Тоже верно… — усмехнулся Шатунов. — Ты видела, какие сейчас дети у ненецких баб? Выше меня ростом почти. И русые — прямо русаки! — Тут он спохватился, что стоящий рядом Худя Вэнокан — ненец, и сказал мне: — Кхм!.. Ты это, ты эти слова насчет б…ва убери из протокола.

Я кивнула и продолжила чтение протокола:

«Приблизительно в 3 часа 15 минут мы с товарищем Розановым подъехали к его дому. Я выгрузил из багажника „Волги“ два его чемодана и понес их вслед за товарищем Розановым в коттедж. Дорожка от калитки до крыльца коттеджа была почищена, двор тоже…»

— Кто чистил двор и дорожку? — резко спросил

Шатунов.

— Я проверила. Дорожку и двор в 11 утра почистил дворник. Он делает это каждое утро во всех коттеджах. Читать дальше?

— Читай.

«Товарищ Розанов своим ключом открыл дверь коттеджа и вошел в него, а я внес за ним два чемодана. Товарищ Розанов разделся и повесил свою новую дубленку в прихожей на вешалку из оленьих рогов. В коттедже было холодно, нетоплено, поэтому товарищ Розанов надел свой старый овчинный тулуп и включил краны парового отопления. Я спросил у него, не нужно ли чего от меня и не нужна ли ему сегодня машина. Товарищ Розанов сказал, что устал с дороги, что сейчас пойдет, затопит финскую баньку, попарится и ляжет спать. „Утром приезжай за мной в семь, как всегда“, – сказал мне товарищ Розанов, и я ушел. Ничего подозрительного в доме я не заметил. Когда я вышел к машине, улица была пуста. Свет в соседних коттеджах я видел, но вокруг было тихо».

— Подпись, дата, — сказала я и положила протокол в папку. — Теперь дальше, товарищ майор. Овчинный тулуп, о котором сказал шофер, исчез вместе с другой одеждой, которая была на Розанове, когда его убили. Вырисовывается следующая картина: отпустив шофера, Розанов откупорил вот эту бутылку с коньяком, выпил прямо из горлышка граммов 50–80 и пошел во двор затопить финскую баню. Баню затопил — она до сих пор не остыла — и снова вышел во двор, где его и встретил убийца — в семи метрах от бани. Это между 3.30 и 4 часами дня, то есть в полной темноте. Я обошла соседние коттеджи, в которых, по словам шофера Розанова, горел в это время свет. Оба коттеджа соседей — и слева и справа — находятся от коттеджа Розанова в ста семидесяти метрах. Если бы Розанов громко кричал или звал на помощь, там бы услышали. Но в обоих домах мужчины были на работе, а женщины говорят, что не слышали. Теперь у меня вопрос: кричит ли мужчина, когда ему отрезают, извините, половой орган, или у него от боли и страха так пережимает голосовые связки, что он и звука выдохнуть не может?

— Не знаю, — хмуро сказал Шатунов. — Мне еще никто ничего не отрезал. Но если мы не най-

дем к утру этого татарина, я тебе завтра отвечу на твой вопрос. Между прочим, позвони в больницу этим экспертам. Они самое главное не сказали: что сначала — удар ножом в сердце, а потом отрезание ушей и члена или наоборот? — Он встал, выглянул в окно, крикнул Оруджеву и сержанту Теличкину: — Ну? Долго вы будете телиться со своими собаками?

Ни Оруджев, ни сержант Теличкин не ответили: оба пристально следили за движением последней собаки — кобеля по кличке Картер. Почему-то во всех отделениях милиции обязательно есть собаки, которые носят имена американских президентов или английских премьеров. Похоже, солдатам доставляет удовольствие повелевать американскими президентами или английскими лордами, командуя «Картер, искать!» или «Тэтчер, фас!», но на сей раз Картер выкинул с Оруджевым воистину антисоветскую, империалистическую шутку: мало того, что он, как и все другие собаки, ничего не нашел, он еще, подойдя к месту, где были обнаружены труп Розанова и рукавица Залоева, поднял вдруг заднюю лапу и демонстративно написал на место преступления.

В другое время мы бы, наверно, расхохотались этой собачьей выходке, но сейчас все промолча-

ли, кроме, конечно, Шатунова.

— Твоя собака? — спросил он через окно Оруджева.

— Моя, — убитым голосом негромко выговорил Оруджев.

— На живодерню, на мыло! И тебя вместе с ней… Ладно, уберите собак, пусть теперь следователи полазят по двору. — И Шатунов повернулся к Худе Вэнокану и другим следователям: — Чтобы весь снег во дворе перекопали! С лупами!

Шум вертолета заглушил его слова. Мы посмотрели в темное небо. Прямо к коттеджу Розанова шел вертолет, освещая себе место посадки мощным прожектором. Но метрах в двадцати над коттеджем он завис в нерешительности, а потом свернул, отлетел в сторону улицы и сел на заснеженную мостовую. Из вертолета показалась маленькая фигура, и я узнала в ней своего уренгойского начальника — старика Зотова. Пригибаясь к земле, он отошел от вертолета, махнул пилоту, чтобы тот отчаливал, а спустя пару минут уже входил, шаркая валенками, в розановский коттедж.

— Вот, — сказал он, обращаясь к Шатунову, отряхивая снежную пыль с мехового полушубка. — Прилетел из Уренгоя на помощь. Чего тут у

вас? Чайком напоите?

— Чаем тебя пускай Ковина поит! — сказал ему Шатунов. — Тоже мне, Пинкертон с неба! — И ушел во двор наблюдать за работой следователей, которые теперь, действительно вооружившись лупами, обшаривали вместо собак каждый дециметр розановского двора.

А я поставила на электроплитку чайник и, пока он грелся, коротко рассказала Зотову все, что знала. Слушая меня, Зотов снял валенок, расстегнул молнию на левой штанине меховых брюк и, как всегда, принялся растирать свое подагрическое колено самодельной вонючей мазью. Затем не спеша попил чаю, закурил трубку и пошел осматривать коттедж Розанова. Вышел во двор, потоптался у финской бани и снова вернулся в коттедж.

— Так, — сказал он мне, когда я, поговорив по телефону с больницей, выяснила у врачей, что они бессильны ответить на вопрос Шатунова: как происходили убийства — сначала удар ножом в сердце, а потом отрезание ушей и членов или наоборот. Врачи мямлили, что нужна экспертиза специалиста по голосовым связкам, чтобы по каким-то остаточным явлениям определить, кричали жертвы перед смертью или нет. Но такого

специалиста в Салехарде нет, нужно вызывать его из областного центра — из Тюмени… — Так, — сказал мне Зотов, когда я положила трубку. — Ты привезла из Яку-Тура одежду Воропаева?

— С него же сняли всю одежду, похитили. Что я могла привезти?

— А другую его одежду, из его квартиры, ты привезла?

— Зачем?

— Привезла или нет?

— Нет, конечно.

— Вот и дура, — сказал Зотов и повернулся к вошедшему с улицы Шатунову: — Вы тут собак залоевской рукавицей мучаете, а нет чтобы сообразить мозгами сначала. Если убийца снял одежду с Воропаева и Хотько, он же не на рынок эту одежду отнес продавать. Он на себя надел, чтоб теплей было, верно? И в первую очередь — унты или валенки. Теперь рассуждай: сбежали трое, но убивал, как показывает экспертиза, один. Первая жертва — Воропаев. Ну, кто убивал, тому первому — вся одежда, верно? Значит, этот убийца пришел сюда в воропаевских унтах, так? А вы собакам чей запах подсовываете? По рукавице — Залоева. А залоевскими ботинками тут и не пахнет, он их давным-давно в тундре бросил…

У меня похолодело сердце — ведь действительно простая идея!

А я, идиотка, не привезла даже клочка воропаевской одежды, даже его носового платка! И сейчас мне не миновать шатуновского разноса. Вот уж как он смотрит на меня своими белесыми гэбэшными глазами!

— Но ты не дрейфь, Анна, — усмехнулся Зотов и полез за пазуху своего полушубка. — Зря я, что ли, летел сюда из Уренгоя? Я в Яку-Туре посадочку сделал, все равно почти по дороге было. И вот… — С этими словами Зотов вытащил из-за пазухи полушубка целлофановый пакет, открыл его и осторожно вытряхнул на стол несвежее мятое мужское нижнее белье: трусы, кальсоны и майку. — Все воропаевское и нестираное! — гордо сказал старик Зотов. — Потом так разит, что даже я чую. Но перед тем как опять собак мучить, надо второй такой комплект привезти, из квартиры Хотько. Потому как убийца, может быть, после убийства Хотько хотьковские унты надел, черт его знает!

Я подошла к Зотову и чмокнула его в щеку. Возьмут собаки след по воропаевским трусам или нет, но от позора старик Зотов меня в ту минуту спас.

16

Зотовская идея оказалась бесплодной. Оруджев и сержант Теличкин промучились с собаками еще три часа, давая им нюхать то нижнее белье Воропаева, то нижнее белье Хотько (дом Хотько был здесь же, в «Лауреатнике»), но собаки не унюхали никаких следов.

— Не по воздуху же ушел Залоев! — бесился к утру Шатунов. — Он ходил туда ногами, а не летел, черт возьми!

— Есть только одно объяснение, — сказал старик Зотов, сидя у камина и пыхтя своей прокуренной трубкой. — Это был не Залоев. А перчатка Залоева оставлена нарочно…

— Конечно! Это были духи тундры? — усмехнулся язвительно Шатунов. — Духи тундры отрезали Розанову уши и яйца и бросили во дворе перчатку Залоева!

— А если это был Залоев, то его поведение нелогично, — сказал Зотов. — Розанов был один в коттедже и один в бане. Любой убийца предпочел бы совершить нападение в закрытом помещении, чтобы все было тихо и никто ничего не видел. Тогда мы узнали бы об убийстве только в семь утра,

когда шофер приехал бы за Розановым. Но вместо того чтобы все делать по-тихому, вместо того чтобы утащить из коттеджа хорошую дубленку и всякое другое барахло, он убивает Розанова на открытом дворе, забирает какой-то старый тулуп, а на месте преступления демонстративно оставляет перчатку. Совсем как на вызовах на дуэль.

— Меня и бесит, что он нас дразнит, сука! — сказал Шатунов. — Я только не понимаю — зачем?

— Хочет показать, что убивают не духи тундры, а он — Залоев, — сказал Худя Вэнокан. — А это нам поможет панику остановить…

— Но зачем?! — повторил Шатунов. — Зачем он сам на себя наводит?

Худя пожал плечами:

— Для славы, однако. Бывают психи. Хинкли, например. В президента Америки стрелял. Для славы, однако. Залоев, может быть, тоже такой. Не хочет нашим ненецким духам славу свою отдать, однако…

— «Однако, однако»! — передразнил Шатунов. — Однако этот побег с твоей легкой руки случился! Грамотный ты больно! Хинкли!

— Я-то, однако, как раз предупреждал начальника лагеря, что такой побег теоретически возможен. За три недели предупреждал, одна-

ко! — обиженно сказал Вэнокан.

— Теоретически! — проворчал Шатунов, поскольку крыть тут было нечем: действительно, простой следователь милиции, ненец к тому же, предупредил руководство лагеря № РС-549, то есть кадровых офицеров КГБ, о возможности использования для побега линии высоковольтной передачи, а те и в ус не подули.

— Есть один нюанс, — сказала я. — Мы не знаем, почему он убивает только начальников. Пока это выглядит как цепь случайных совпадений…

— Короче! — нервно сказал Шатунов. — Есть идея или только болтовня?

— Есть идея, — сказала я. — Сбежали трое. Чтобы выбраться из Салехарда, им нужно было три комплекта одежды и три комплекта документов. Один из беглых — бывший художник и поддельщик икон. Вывести из паспортов фамилии Воропаева, Хотько и Розанова и вписать какие-нибудь другие — для него пара пустяков. Теперь у них есть как раз три комплекта одежды и три комплекта документов. Значит, торчать им в Салехарде больше ни к чему. Даже если этот Залоев — просто псих, как Хинкли, или кровожадный маньяк, как Ионесян, двое других должны попытаться улизнуть из Салехарда с помощью

поддельных паспортов. И делать это они будут сейчас, сегодня.

— Дельная мысль, — сказал Шатунов. — Но аэропорт и железная дорога и так закрыты, а на зимниках[6] стоят патрули.

— Зимой из Салехарда можно выехать не только по зимникам, — заметил Ковров. — В тундре сейчас наст везде крепкий…

— Над городом висят вертолеты, — сказал полковник Синий. — Сегодня ночью из Салехарда еще ни одна мышь не выскочила. Но вообще Ковина права: им незачем сидеть в городе, где мы проверяем каждый дом. Им нужно мотать отсюда, и они попробуют это сделать сегодня. Только как? Ползком не уйдешь в тундру…

— Эх! — вздохнул Шатунов. — Мне бы пару тысяч солдат — я бы сразу превратил Салехард в мышеловку!.. Но что еще могут сделать эти типы? Угнать вездеход? Смешно! Мы их с воздуха пришлепнем, как кекликов!

— Или они вас, — сказал вдруг Зотов.

Мы повернулись к нему удивленно. Зотов, почмокав свою трубку, спросил:

— Кто-нибудь знает, было ли тут в коттедже

---

[6] Примечания: 6

Зимник — временная зимняя дорога в тундре и тайге.

Розанова оружие?

Шатунов прищурился, усваивая новую идею старика Зотова. А Зотов продолжал:

— Как выяснила в Яку-Туре моя следовательница Анна Ковина, у Воропаева, когда он ходил на б…ки к своей ненке в соседнее стойбище, был при себе пистолет. Этот пистолет исчез вместе с его одеждой. Теперь вопрос: было ли при себе оружие у Хотько, когда его убили?

Конечно, ничего такого о пистолете Воропаева я не выясняла в Яку-Туре, это был еще один мой промах, но старик Зотов прикрыл меня и тут. Вот уж действительно не зря он залетал в Яку-Тур! Любой из нас, следователей, знает, что негласным приказом еще в тридцатые годы Сталин разрешил всем руководителям тундровых и таежных экспедиций, а также всем партийным руководителям от секретарей райкомов и выше иметь личное оружие — пистолеты. И тем, и другим — для защиты от рабочих беспорядков. С тех пор никто этот приказ не отменил, но пистолеты выдают только в КГБ и — строго лимитированно. Таким образом, Воропаев, как начальник заполярной экспедиции, имел право на пистолет. Как же я, дура, не подумала об этом в Яку-Туре! Интересно, имел ли пистолет доктор Хотько? Если

имел, то нелегально…

— Пистолет Хотько изъят мной у него на квартире и сдан в КГБ, — спокойно сказал Худя Вэнокан. — Это не исключает, однако, что у него мог быть второй. Оружие Хотько держал нелегально, даже жена о пистолете ничего не знала. Судя по ее рассказу, Хотько ушел на рыбалку со спиннингами и дрелью для бурения лунок во льду реки. Через три часа рыбаки нашли его голым на реке, он еще не начал рыбачить…

— У Розанова было и ружье, и пистолет, — сказал Шатунов. — Я сам с ним на диких оленей охотился в прошлом году…

— При обыске коттеджа никакого оружия не обнаружено — сказал Худя Вэнокан. — Ни ружья, ни пистолета, ни патронов, ни денег.

— Та-ак… — протянул Шатунов. — Вот тебе и духи! Значит, у преступников как минимум теперь два пистолета и ружье. Веселая история может быть при аресте! Что ж! На войне как на войне… Только где воевать? Скорей бы!

— Я думаю, теперь можно дать материалистическое объяснение тому мистическому факту, почему убиты только начальники, — заметил спокойно Зотов. — А то «духи», «духи», «месть тундры»! А преступникам просто нужно оружие

и деньги. И то и другое есть у начальства. — И, довольный собой, Зотов снова достал из кармана баночку со своей вонючей мазью.

Но в этот момент эхо оглушительного взрыва докатилось до «Лауреатника». Мы в недоумении переглянулись. Шатунов протянул руку к телефону, но телефон, опередив его, зазвонил сам. Шатунов снял трубку. Чем дольше он слушал, тем темнее становилось его лицо. Затем швырнул трубку и рявкнул всем:

— Началось! По машинам, философы! Взрыв в тресте «Ямалгаздобыча»!

17

Мы мчались по пустым улицам темного Салехарда к центру, к дирекции треста «Ямалгаздобыча», расположенной на улице имени ненецкого национального героя Ваули Пиеттомина. В тряске вездеходов никто не разговаривал, только молча изумлялись наглости преступников: три диких убийства, а теперь еще взрыв в головном тресте по освоению газовых богатств Ямала! Первое, что приходило в голову: преступники взорвали трест, чтобы отвлечь КГБ, милицию и дежурные вертолеты к центру города, а сами тем временем выскочат из Салехарда. Видимо, эта мысль пришла в голову одновременно всем: Шатунов высунулся из своей «Волги», стал шапкой махать сопровождающему нас в воздухе вертолету и кричать:

— В тундру! В тундру, етти твою мать!

Похоже, пилот его понял — вертолет, накренясь, взял курс на окраину города…

К зданию «Ямалгаздобыча» мы прикатили почти одновременно со «скорой помощью» и пожарной командой. Картина случившегося была ясна с первого взгляда. Взрыв произошел не в зда-

нии треста, а у его подъезда. Здесь, на мостовой, ярко горели остатки взорванного сорокатонного самосвала «Ураган». Возле этого факела грелись и приплясывали ненецкие мальчишки, а водитель «Урагана» — пожилой тщедушный мужичонка — разгонял их своей шапкой-ушанкой.

Насмерть перепуганные сотрудники треста — те, которые решились выйти сегодня на работу, — робко выглядывали из выбитых окон четырехэтажного здания и даже пытались ловить выдуваемые ветром бумаги и чертежи.

Конечно, водителя «Урагана» тут же допросили. Но едва он начал рассказывать, что «ни ухом ни рылом» не виноват, что он по дороге на работу заскочил в трест на минутку узнать насчет талонов на мясо, потому что его жена уже месяц как родила двойню, а мясные талоны ему на двойню не дают, поскольку его двойняшки-де мясо не едят, а только грудь сосут… короче, пока он описывал, как вошел в управление треста, поднялся на второй этаж к бухгалтеру, «а тут ка-ак шарахнет, мне вот щеку стеклом порезало, может, это бензобак воспламенился, счастье еще, что я порожний был, а если бы с грузом?».

А Шатунов тем временем кричал в телефон начальнику аэропорта: «Поднять в воздух всю

авиацию! Мне не нужно разрешение Московского управления авиации, я приказываю поднять самолеты! Или ты у меня сам сядешь в лагерь вместо этих беглых!»

В этот самый момент раздался второй взрыв. В десяти кварталах от нас, у входа в дирекцию другого треста — «Севертрубопроводмонтаж», взлетела в воздух персональная служебная «Волга» директора треста. Взрыв был потише первого, стекла в здании «Севертрубопроводмонтаж» вылетели только на первом этаже, но зато в багажнике «Волги» было шесть ящиков апельсинов, полученных директором треста в начальственном спецраспределителе, и ящик голландского, в алюминиевых баночках, пива «Хайнекен». Эти апельсины и банки с пивом разметало по заснеженной темной улице.

— Эти сволочи купили кого-то, чтобы устроить эти взрывы и под шумок выскочить из города, — запоздало сообразил полковник Синий, выходя из машины у здания «Севертрубопроводмонтаж». — Деньгами у убитых разжились…

— Да… — задумчиво произнес майор Шатунов, глядя на взорванную «Волгу». — Но это уже не игрушки с отрезанными членами. Это диверсия. И с политическим душком. — Он повернулся ко

мне. — Беглый Толмачев — политический?

Я утвердительно кивнула.

18

После этих взрывов Салехард оцепенел. Люди затаив дыхание ждали очередной диверсии. Если бы в городе были бомбоубежища, все население, я думаю, перекочевало бы в них. Но в вечной мерзлоте не то что бомбоубежище, могилу выкопать невозможно. Поэтому люди сидели по домам, забаррикадировав окна и двери и гадая, где произойдет следующий взрыв или очередное убийство. Радио призывало население к спокойствию, но радио никто не слушал. Многие считали, что следующий взрыв будет либо на электростанции, либо на городской водокачке, а поэтому запасались водой и вытаскивали из кладовок старые примусы.

А мы, сидя в здании местного КГБ у телефонов и рации, ждали сообщений от пилотов вертолетов, в каком месте пойдут беглые на прорыв милицейских заслонов или что еще они выкинут в городе.

Но все было тихо. Через час не выдержали нервы (и желудки) у рабочих в мужских общежитиях. Там работяги и бичи с утра сидели голодные: боялись выйти в столовую. К десяти примерно

утра они практически натощак выпили все свои запасы спиртного. Продуктов в комнатах мужских общежитий никогда нет, а какие-нибудь недопитые бутылки водки и спирта всегда найдутся. И, расхрабрившись, на спиртных парах, с охотничьими ружьями в руках, группами и в одиночку бичи и работяги стали стекаться к столовой-ресторану «Волна». (Днем это заведение работает с семи утра как рабочая столовая, а вечером, после семи, — как ресторан, т.е. цены на блюда повышают и продают водку.)

Но «Волна» была, конечно, закрыта: никто из поваров на работу не вышел. Рабочие — человек эдак 60 — сбили замок с двери столовой, ворвались в нее и перешли на полное самообслуживание, начав, конечно, с ресторанных запасов водки. А еще через час эта пьяная толпа, уже не боящаяся ни черта, ни тундровых духов, осадила небольшое одноэтажное здание местного КГБ. Они били стекла в зарешеченных окнах, пытались высадить входные двери и орали:

— Поезд давай! Шатунов, давай нам поезд, сука! Экспресс давай! До Москвы! Или мы тебе сами яйца поотрываем!

Кто-то шарахнул в окно шатуновского кабинета из охотничьего ружья…

Лежа на полу, мы ногами двигали к окнам тяжелые гэбэшные стальные сейфы, а Шатунов кричал в телефон начальнику городской пожарной охраны:

— Все пожарные машины — сюда! Бичей этих — из брандспойтов!

Через несколько минут сквозь рев толпы, мат, звон выбитых стекол и оружейные выстрелы мы услышали спасительный вой сирен пожарной команды и гул трех бронетранспортеров местного военного гарнизона. Еще через пару минут уже можно было выглянуть в разбитые окна: толпа разбегалась, уворачиваясь от воды, хлещущей мощными струями из пожарных брандспойтов. Тех, кто замешкался, вода сбивала с ног, и они уже не могли бежать: на 40-градусном морозе вода мгновенно намерзала на их одежде ледяным панцирем, мокрые унты и валенки примерзали к мостовой.

— То-то! — поднявшись на ноги и отряхивая с себя пыль и осколки стекла, процедил сквозь зубы Шатунов. — Это вам не Польша, суки! — И через окно приказал солдатам, которые принялись стаскивать к «черному ворону» обмороженных рабочих: — Отставить! Пусть лежат на морозе. Протрезвеют, б…ь! Тогда будут уважать Совет-

скую власть!.. — Он тут же взял телефонную трубку, набрал номер начальника аэропорта: — Агапов! Что бы ни случилось в городе, даже если, я не знаю… если комитет партии взорвут, — держи всю авиацию в воздухе! Ты меня понял? Чтобы ни одна мышь из города не выскочила! Что? Горючка кончается? Меня не касается — бери «НЗ»!

Только через час, когда ушли радиограммы о случившемся в Тюмень и в Москву и пришел первый ответ от секретаря Тюменского обкома партии Богомятова (а мы тем временем подметали кабинеты КГБ и забивали разбитые окна какой-то фанерой и листовыми плакатами «КГБ — ЩИТ И МЕЧ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ»), Шатунов разрешил солдатам и санитарам «скорой помощи» поднять с мостовой замерзающих людей. Но их уже не имело смысла везти в КПЗ или тюрьму. И их, насмерть обмороженных, отвезли прямо в больницу.

19

ТЕЛЕГРАММА-МОЛНИЯ
Срочно,
по правительственному фототелеграфу
Москва, Кремль, ЦК КПСС

…Силы Салехардского КГБ, милиции и военного гарнизона не в состоянии пресечь беспорядки и предотвратить возможные антирусские выступления ненецкого народа. Для обеспечения безопасности проведения торжественного открытия газопровода «Сибирь–Западная Европа» командующий Сибирским военным округом генерал-полковник Попов по моему требованию обратился в Генеральный штаб Советской Армии с просьбой разрешить ему перебросить в г. Салехард авиадесантную дивизию имени Октябрьской революции.

Прошу оказать содействие в получении незамедлительного разрешения Генштаба на эту операцию.

Одновременно полагаю своевременным поставить вопрос о короткой отсроч-

ке торжественной церемонии открытия в г. Уренгое газопровода «Сибирь–Западная Европа».

В. Богомятов, первый секретарь Тюменского областного комитета Коммунистической партии, кандидат в члены ЦК КПСС

Тюмень, 12 декабря 1983 г.,

12 часов 30 минут по местному времени

Часть вторая
Ловушка в Удмуртии

20

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ЧЛЕН ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС, СЕКРЕТАРЬ ЦК КПСС Константин Устинович ЧЕРНЕНКО

Срочно, секретно

Нарочными

Министру обороны СССР маршалу Устинову – одна копия

Председателю КГБ СССР генералу армии Чебрикову – одна копия

Препровождаю Вам копию письма первого секретаря Тюменского комитета партии тов. Богомятова. Поддерживаю его просьбу о срочной переброске войск в Ямало-Ненецкий округ. Беспорядки в Салехарде должны быть ликвидированы в 24 часа. Не может быть и речи об отсрочке открытия газопровода.

Прошу КГБ СССР принять решительные меры против утечки на Запад какой-либо информации о беспорядках на Севере.

Подробности – при встрече у тов. Андропова.

К. Черненко

12 декабря 1983 г.,

9.00 по московскому времени

21

Часы на Спасской башне Кремля показывали 9.35. Черный бронированный лимузин «Чайка» в сопровождения эскорта правительственной охраны мягко выкатил из ворот Спасской башни, пересек заснеженную Красную площадь. Шел мокрый тяжелый снег, в Москве была очередная оттепель накануне рождественских морозов. В такую погоду Константин Устинович Черненко всегда чувствовал себя отвратительно: при его эмфиземе легких и в сухую-то погоду дышать трудно, легкие хватают воздух только верхней своей половиной, а тут такая сырость… И до чего надоел этот утренний ритуал — вот уже третий месяц каждый день приезжать в кремлевскую больницу на совещания к умирающему Андропову. Человек, который 20 лет возглавлял КГБ и росчерком пера или просто мановением руки мог отправить на тот свет не одну сотню людей как внутри страны, так и за рубежом, — этот самый человек не хочет поверить в неотвратимую реальность своей близкой смерти. Парализованный, с серым, осунувшимся лицом, он лежит на третьем этаже кремлевской больницы, смотрит

своими выцветшими уже глазами на Москву и каждое утро сразу после больничных процедур проводит в больнице то заседания Политбюро, то совещания с Госпланом или с Громыко, то беседы с министрами. Руководит, едри его мать! Даже ежегодную Сессию Верховного Совета СССР приказал собрать 28 декабря — в самый последний день года — в надежде, что авось поднимется на трибуну с докладом. Фиг ты уже поднимешься, хрена! Коммунисты не верят в Бога, но Бог-то есть! Ты спровоцировал Брежневу два инфаркта и отправил его в могилу, а через каких-нибудь полгода сам свалился на больничную койку!

Лимузин Черненко прокатил по осевой полосе улицы Горького и свернул на тихую, закрытую для общественного транспорта улицу Грановского, где находится кремлевская больница.

Возле больницы стоял длинный ряд правительственных лимузинов и черных «Волг».

«Конечно, все уже здесь, — подумал Черненко, хотя и сам приехал за двадцать минут до совещания. — Вот машина Устинова, вот лимузин Громыко, но ближе всех к подъезду больницы — лимузин этого выскочки и любимца Андропова Горячева. Приехал первым, сукин сын! А может, он здесь и по ночам дежурит?...»

Телохранитель открыл дверь, помог Черненко выйти из машины и под локоть проводил сквозь коридор охранников к больничной двери.

В теплом вестибюле было тоже полным-полно охраны, кто-то принял у Черненко его пальто с каракулевым воротником и меховую шапку. Черненко зябко передернул плечами, хотел вздохнуть наконец поглубже и тут же уловил в воздухе слабый запах табака.

Сволочи, опять кто-то из охраны курил тут до его приезда! Но поди теперь выясни кто…

Закашлявшись, Черненко оглядел почтительно вытянувшиеся морды охранников, укоризненно покачал головой и прошел, мелко ступая, в лифт.

На третьем этаже, в просторном, украшенном пальмами вестибюле с большим персидским ковром на полу, сидели все: и Устинов, и Громыко, и новый глава КГБ Чебриков, и новый министр МВД Федорчук, и Председатель Совета Министров Тихонов, и этот моложавый, не в пример остальным, Горячев. В ожидании совещания они не теряли время даром, возле каждого стоял врач или даже два врача — Устинову и Тихонову измеряли кровяное давление, Громыко делали массаж головы, Федорчук глотал какие-то таблетки, а престарелые, старше 80 лет, члены Политбюро

Пономарев и Кузнецов просто спали. Рядом с этими тучными патриархами кремлевской власти (Кузнецов попал в Политбюро еще в 1952 году, при Сталине) 50-летний Михаил Горячев, который сидел тут же, выглядел просто юнцом.

Склонившись над толстым блокнотом, он что-то быстро писал в нем, подчеркивая написанное резкими линиями.

«Ленина из себя изображает, — вяло подумал Черненко, — а у самого-то родимое пятно на голове — сатаны отметина…» Затем оглядел весь кремлевский синклит, сокрушенно покачал головой:

— Ну и лазарет!.. Доброе утро…

Телохранитель помог ему опуститься в кресло, между Устиновым и Чебриковым. К Черненко тут же подскочили два врача. Один держал наготове аппарат для измерения давления крови, второй осторожно взял Черненко за запястье, чтобы сосчитать пульс.

— Отстаньте! — отнял руку Черненко.

— Нужно измерить пульс и давление, Константин Устинович… — мягко, как капризному ребенку, сказал врач.

— Тебе нужно, себе и мерь… — с одышкой сказал Черненко.

— Константин Устинович! — укоризненно сказал врач.

— Ну хорошо, на… — Черненко подал ему руку. — А Рейгану тоже так каждое утро меряют, едри его мать?! Мы с ним одногодки, но в этого голливудского мерина уже в упор стреляли, легкое пробили, а он, тля, хоть бы хны! На лошадях катается, сука…

— Вам курить нельзя, Константин Устинович. Категорически, — сказал врач. — А вы тайком покуриваете, я по дыханию слышу. При вашей эмфиземе…

Черненко не стал слушать эту осточертевшую докторскую канитель, повернулся к Устинову:

— Ты получил мою цидулю[7] насчет ненцев?

Устинов кивнул:

— Я уже дал команду Генштабу…

Черненко повернул голову к Чебрикову и одновременно заметил, что этот Горячев все продолжает строчить и строчить в своем блокноте.

— По нашей линии тоже все меры будут приняты, — поспешил сказать Чебриков. — Есть только одна мелочь, Константин Устинович. Я как раз хотел спросить ваше мнение…

---

[7] Примечания: 7

Цидуля — записка (укр.).

— Ну…

— За час до вашего приказания не пускать в Сибирь иностранцев в Уренгой вылетел некто Зигфрид Шерц, американец. Вы его знаете…

— Кто такой? — спросил Устинов.

Чебриков поспешно объяснил маршалу Устинову:

— Посредник между нашим Внешторгом и западноевропейскими банками. Проще говоря, маклер. Пять лет назад помог нам получить западные займы на строительство газопровода. Не даром, конечно. Леонид Ильич дал ему два с половиной процента комиссионных от этой сделки…

Черненко знал Зигфрида Шерца. Этот Шерц, продувная бестия, выцыганил у Брежнева два с половиной процента еще тогда, когда о строительстве газопровода шли только разговоры. Кажется, Юрий, сын Брежнева, Шерца Леониду Ильичу и рекомендовал как лучшего маклера: он, мол, и русский прекрасно знает, даже родился в России в семье поволжских немцев и мальчиком выехал из СССР, и немец по крови, и американский бизнесмен — лучше не придумаешь для роли посредника между СССР и немецкими банками. Потом, когда западногерманские и французские банки согласились финансировать

строительство газопровода, Брежнев сиял и потирал руки: аж 18 миллиардов дают, это ж огромные деньги! Пусть не сразу всю сумму — не важно! Мы за их счет построим газопровод в Европу, а чуть что, если начнут французы, голландцы или немцы рыпаться, мы им раз — и краник перекроем, без газа оставим, у них там вся промышленность встанет! Или будем цены на газ поднимать, шантажировать…

— Так! — вдруг громко, на весь вестибюль, сказал Горячев и поставил жирную точку в своем блокноте. — Вопрос о беспорядках в Салехарде имеет несколько аспектов. Первое: 17 декабря, когда будет подписан акт о готовности газопровода, европейские банки должны выплатить нам вторую половину кредита, то есть 9 миллиардов долларов. — И повернулся к Председателю Совмина Тихонову: — Так?

Тихонов кивнул.

— Недавно мы уже имели осложнения с получением этих кредитов, — продолжал, заглядывая в свой блокнот, Горячев. — В частности, из-за того, что по вине КГБ на Запад просочились слухи о применении труда политзаключенных на этой стройке. Товарищ Андропов никого тогда не наказал, вы хорошо знаете, что он покровительствует

органам безопасности. Но если теперь на Западе узнают о салехардских беспорядках, то можете не сомневаться — западные газеты раздуют из этого черт-те что! Особенно если узнают, что туда брошены войска. Можно не сомневаться в реакции европейских банков — они прицепятся к любому поводу, чтобы не дать нам деньги. Но это не все! — наставительно поднял руку Горячев. — Второй аспект. Я помню, что у прежнего руководства были планы за французские и немецкие деньги построить этот газопровод в Европу и потом держать пол-Европы под энергетическим контролем. Но французы и немцы не идиоты. Они одновременно финансировали строительство газопроводов из Алжира и Норвегии, и теперь неизвестно, кто кого шантажирует. Если не дать им сибирский газ сегодня, они завтра перейдут на алжирский, а послезавтра на норвежский. И еще будут диктовать нам цены на газ. Так? — повернулся он снова к Тихонову.

Тихонов опять кивнул.

— И наконец, третий аспект. Вы хорошо знаете, что о досрочном открытии газопровода собирается сообщить Сессии Верховного Совета сам товарищ Андропов. Поэтому я полагаю: Генеральный штаб армии должен не только срочно

отправить в Заполярье десантную дивизию, но и взять всю ситуацию в Салехарде под свой контроль…

Черненко смотрел на Громыко, Устинова, Тихонова и других членов старой кремлевской гвардии. Вроде бы ничего не прочтешь на их лицах, не то слушают, не то дремлют, но хорошо знал, что скрывается за их морщинистыми тяжелыми лицами. Страх. Пусти завтра этого Горячева на место умирающего Андропова, и он закидает всех своими деловыми выкладками, а то и вообще погонит из Политбюро на пенсию весь этот лазарет. И главное, как быстро он пробился в самые верха кремлевской власти. За считанные годы сделал ту карьеру, на которую у Черненко ушла вся жизнь! А все потому, что умно воспользовался нашими болезнями. Вроде бы сидел себе в южной провинции заурядным секретарем краевого комитета партии и никакими талантами не блистал. В колхозах и совхозах этого края наверняка тот же бардак, что и по всей стране, — урожай, когда он есть, гниет на полях, потому что колхозникам этот урожай до лампочки, им лишь бы на своих домашних огородах побольше помидоров вырастить для продажи на «черном рынке»… И Горячев никогда

бы не пробился из партийных пешек в ферзи, если бы крупные партийные фигуры не страдали на старости лет всякими старческими недугами и не ездили бы лечиться на курорты, которые как раз и находятся в этом южном крае. И конечно, Горячев, на правах гостеприимного хозяина края, встречал здесь приезжающих на лечение и в отпуск партийных шефов. И не только заваливал их дачи и санатории самыми лучшими продуктами, самыми свежими фруктами и овощами, но и создал вокруг этих санаториев целую зону показательных колхозов и совхозов, которые снабжали эти санатории молоком, мясом, яблоками, виноградом, раками, рыбой…

Эти колхозы и совхозы получали куда больше удобрений, чем все остальные, лучшую технику, лучших агрономов — якобы для того, чтобы обеспечить питанием кремлевские дачи и санатории. Но второй хитрой целью этого Горячева было другое: чтобы, гуляя в окрестностях своих дач и санаториев или хотя бы проезжая к ним из аэропорта, Брежнев, Андропов, Романов, Гришин, Громыко, Устинов и все прочие видели, какой он замечательный руководитель. И клюнуло, получилось! Даже он сам, Черненко, голосовал на Политбюро за назначение Горячева мини-

стром сельского хозяйства, кто же знал тогда, что это Андропов и Громыко выводят свою пешку в ферзи… А теперь иностранные журналисты, как собаки-ищейки, вынюхивают по всей Москве, у кого больше шансов наследовать андроповскую власть: у Черненко, у Романова, у Гришина или у этого Горячева. Но вот вам! Пока в Политбюро большинство мест за стариками, никуда этому Горячеву с дьявольской отметиной на лысом черепе не пробиться. Не такие мы дураки, чтобы не понимать, что любой молодой генсек прогонит нас, стариков, на пенсию…

— …А помимо того, что армия должна взять ситуацию в Салехарде под свой контроль, — говорил тем временем Михаил Горячев членам Политбюро и правительства, ожидающим в холле больницы появления Андропова, — помимо этого, КГБ обязан обеспечить стопроцентную секретность всех событий в Ямало-Ненецком округе. И, решительно покончив с беспорядками, следует тут же открывать газопровод. Это открытие должно быть отмечено страной как всенародный праздник, как свидетельство победы всей нашей системы…

Черненко усмехнулся: ничего нового этот Горячев не сказал. Все, что нужно сделать, уже

сделано, и распоряжения уже отданы. Только без этих речей и параграфов, а тихо, спокойно…

Горячев, видимо, ожидал обсуждения своих тезисов, но Черненко повернулся к Чебрикову и спросил негромко:

— Ну, так что этот Зигфрид Шерц?

— Он должен был лететь на открытие газопровода в Уренгой вместе с министром газовой промышленности Дыньковым, — сказал Чебриков. — Но вчера Дыньков заболел гриппом, и Шерц полетел один.

— Дыньков обращался к вам за помощью? — спросил Горячев у врачей.

— Нет, — ответил один из кремлевских докторов.

— Понятно! — усмехнулся Горячев. — У него такой же грипп, как у меня родовые схватки. Он просто боится уехать из Москвы, чтобы не потерять свое министерское кресло. Почему-то все считают, что товарища Андропова вот-вот не станет и состав правительства сразу изменится. Между тем врачи настроены куда более оптимистично. Не так ли?

— Безусловно! Безусловно! — поспешил сказать главврач кремлевской больницы. — У товарища Андропова гемоглобин в крови пришел в

норму…

«Хитер ты, Горячев, ох хитер, — подумал Черненко. — Вот ведь как вставил намек, что никого разгонять не собирается, если сядет в андроповское кресло. Но подожди, мы тебя похитрее».

И, не слушая доклада главврача о здоровье Андропова, спросил у Чебрикова:

— А вообще там в Уренгое есть сейчас иностранцы?

— По счастью, нет, — ответил тот. — Были французы и немцы, монтировали компьютеры и электронику на компрессорной станции, но неделю назад все закончили и сейчас в Швейцарии на лыжах катаются… Только вот этот Зигфрид Шерц летит сейчас в Уренгой. Прикажете вернуть самолет в Москву или посадить его по дороге, где-нибудь на Урале? В Москве он мельтешить будет, я думаю, постарается на другой рейс сесть. А на Урале…

— Да, сажай на Урале, — согласился Черненко.

— Слушаюсь, Константин Устинович. — Чебриков поспешно встал и пошел к лифту.

— А что касается этого… — пожевал губами Черненко, заранее предвкушая, какую мину он подложит сейчас Горячеву, — здоровья товарища Андропова, то мы все верим нашим врачам.

Но, это самое… вряд ли доктора позволят Юрию Владимировичу лететь в Уренгой на открытие газопровода. Да и мне тоже — стар уже, эмфизема легких, а там морозы собачьи. Так вот, это самое… не полететь ли вам в Уренгой во главе правительственной делегации, а? — И Черненко впервые за все это время прямо взглянул Горячеву в глаза. И взгляд его был чист, мягок и доброжелателен. — Вы у нас самый молодой…

Горячев все понял. Но улыбнулся как ни в чем не бывало:

— Конечно, я полечу. Если товарищ Андропов меня направит… — И вдруг стремительно встал, всматриваясь в глубь коридора.

Там, в глубине коридора кремлевской больницы, врачи осторожно везли по паркетному полу кровать с капельницей. На кровати под простыней лежал Андропов. Горячев поспешно и негромко сказал:

— Товарищи, прошу встать. Это Юрий Владимирович.

22

«Не курить! Пристегнуть ремни!» — вспыхнуло табло. Зигфрид Шерц испуганно выглянул в иллюминатор и одновременно почувствовал животом, что самолет резко идет на снижение. Какого черта? Ведь до Тюмени еще три часа лету!

За толстым стеклом иллюминатора было ослепительное солнце, внизу, под самолетом, — заснеженная, белая Россия с редкими проплешинами Уральских гор и серой щетиной припорошенной снегом тайги. Но Зигфриду было плевать на этот пейзаж. Черт их знает, этих русских! Может быть, какой-нибудь пьяный механик сделал что-то не то, у самолета разгерметизировался бензобак и они вот-вот взорвутся?! Или навигационные приборы отказали, как у того корейского авиалайнера?! Или все пилоты пьяные, он же видел командира при посадке — нос красный, явный алкаш, — и сейчас он просто шлепнет самолет о землю!..

Зигфрид знал, что у него аэрофобия и что скорее всего он зря паникует, но, с другой стороны, почему они так стремительно идут на посадку?

Почему ничего не объявляют по радио? И стюардесса Нюра не появляется на его вызов! Ведь он же летит в первом классе! Два года назад русские, слава Богу, решились в бесклассовом советском обществе ввести хотя бы в самолетах первый и второй класс. Не ради Зигфрида, конечно, а ради себя, начальства, чтобы не летать в одном помещении со своим народом. Как смеясь говорил ему об этом сын Брежнева Юрий: «Мы слуги народа, а слуги должны быть отдельно от хозяина!» Но что первый класс, что второй — хамство тут всеклассовое, он уже три минуты жмет на кнопку вызова стюардессы, а стюардессы нет! И раз ее нет даже по вызову единственного пассажира салона первого класса, значит, ей не до пассажиров — летчики пьяные! Господи, сделай что-нибудь! Какого черта он полетел один, когда его московская секретарша-любовница Таня и министр Дыньков свалились в гриппе?! И разве не был их грипп предупреждением ему — не лететь! Что у него за дурацкая манера всегда лезть наперекор судьбе?! Этим летом полез в Бермудский треугольник, хотя чуть не все яхтсмены Палм-Бич во Флориде предупреждали его о штормовых ветрах и силе Гольфстрима в этом районе. А он полез! Как же! Ему же нужно было показать свою

удаль сибирским гостям: Богомятову, Салахову и Розанову! Он их за свой счет привез из Москвы во Флориду и устроил им турне по островам Карибского моря на своей яхте «Dreamboat». И конечно, в тридцати милях от Багамских островов вдруг задымил и вышел из строя навигационный компьютер. Но там, у Багам, хоть что-то зависело от нею самого, там он мог сам бороться за жизнь, и он довел свою «Dreamboat» до острова, на одном двигателе, но довел! А что делать тут? На кой черт ему это открытие газопровода и все миллионы, которые он получите этой «стройки века», если сейчас, в эту минуту, они падают, падают, падают!.. Посреди России, в тайгу, в сибирский снег…

— Вниманию пассажиров! По метеоусловиям Сибири Тюмень закрыта. Наш самолет совершил посадку в столице Удмуртской автономной республики городе Ижевске. Температура за бортом минус 24 градуса по Цельсию. Просьба к пассажирам: оставаться на своих местах до полной остановки самолета. Дополнительная информация о полете будет передана по радио в аэровокзале.

«Так вот в чем дело, — перевел дух Зигфрид. — Тюмень закрыта, и поэтому сели в каком-то Ижевске! Но ведь можно было сказать, черт

возьми, можно было раньше сказать! Вечно у этих русских все через пень-колоду! Не страна, а какое-то гигантское сафари: всем на все наплевать, народ озлоблен так, что, если ты в дубленке входишь в метро или автобус, они тебя едят глазами и, кажется, вот-вот морду набьют. Дубленка для них — знак классового отличия, то есть либо ты „интеллигент паршивый“, либо „спекулянт недобитый“… И это в Москве! А представляю, что делается здесь, в этой — как она сказала? — Удмуртии… Ага, вот она, стюардесса, Нюра толстозадая! Появилась, и на лице еще эдакая недовольная гримаса!»

— В чем дело?

Ну? Он звал ее там, в небе, а она явилась, когда они уже катят по посадочной полосе, и еще эдак недовольно: «В чем дело?!»

— Сколько мы просидим здесь? — спросил он по-русски.

Он родился в семье поволжских немцев, и только когда ему было восемь лет, его родителям удалось уехать из СССР Но с немецкой бережливостью они не позволили сыну забыть русский язык, и оказались правы: в эпоху детанта его, тогда еще очень маленькая, переводческая фирма именно на русском языке сделала первые мил-

лионы. И теперь на совершенно чистом русском языке он спросил у этой стюардессы:

— Тюмень надолго закрыта?

— Там объявят! — Стюардесса, толстозадая хамка, кивнула за борт самолета и ушла.

Сволочь! Наверняка, если бы в его русском был хоть какой-то иностранный акцент, она была бы повежливей. Русские женщины обожают иностранцев, он не раз этим пользовался, но не калечить же свой отличный русский язык из-за этой толстозадой дуры…

— Пассажиров просят выйти из самолета. При выходе не забудьте свои личные вещи, — сказал по радио мужской голос. И тут же снаружи в открытую дверь самолета дохнуло обжигающим морозом и игольчатой снежной пылью.

Зигфрид надел дубленку, натянул шапку-ушанку, обмотал горло шарфом. Он был опытным пассажиром Аэрофлота — за годы его работы с русскими он немало налетал по Советскому Союзу. «Если Сибирь закрыта из-за непогоды, — подумал он, — то представляю, сколько пассажиров свалилось с неба на этот Ижевск. Сейчас пешком поведут через промороженное летное поле, в аэровокзале продохнуть негде, дети орут, люди сидят на мешках и чемоданах, и в туалете

непременно блюет какой-нибудь алкаш… Нет, нельзя летать на внутренних рейсах Аэрофлота в одиночку — без Дынькова, Богомятова или еще какого-нибудь члена правительства».

— Господин Зигфрид Шерц? — прозвучало рядом с ним по-английски, едва он ступил с трапа на землю.

— Да… — удивленно ответил он невзрачной тридцатилетней блондинке в темно-сером провинциальном пальто и валенках.

— Я ваша переводчица из «Интуриста» Вера Колесова. Пожалуйста. — Она показала рукой на черную «Волгу», стоявшую у трапа.

— Я не заказывал никакого переводчика…

— Я знаю. Но, как иностранному туристу первого класса, вам в случае вынужденной посадки положены переводчик и спецобслуживание. Прошу вас. — Она снова кивнула на машину.

Зигфрид мысленно усмехнулся: похоже, КГБ работает стандартно на всей территории СССР. Таню они тоже подсунули в Москве как переводчицу. Ему — хозяину крупнейшей в мире переводческой фирмы, которая ежегодно переводит с десятка языков на русский и обратно несколько тонн технической документации! Но четкостью работы гэбэ нельзя не восхититься

— даже на вынужденной, никем не предусмотренной посадке глаз с него не спускают! Если бы у них сельское хозяйство работало так, как КГБ!..

И, уже оглядев эту Веру Колесову как свою собственность (н-да, это, прямо скажем, не Брук Шилдс, но что вы хотите в Удмуртии!), Зигфрид, садясь в машину, усмехнулся:

— А в вашем «Интуристе», случайно, не известно, как долго будет закрыта Тюмень?

— Известно, — ответила Колесова, садясь на переднее сиденье рядом с водителем. — По прогнозу — трое суток. Буран накрыл всю Тюменскую область…

Зигфрид ужаснулся: ведь сибирские бураны длятся порой и неделю. Как же тогда открытие газопровода?

— А если я пересяду на поезд? Сколько отсюда поездом до Тюмени? — спросил он, глядя, как их «Волга» подъезжает к грузовому отсеку самолета, откуда грузчики выгружали чемоданы пассажиров.

— Те же трое суток, — ответила Колесова. — Но если буран усилится, поезд тоже может застрять…

Нет, его совсем не соблазняла перспектива застрять в поезде среди снежных сибирских

заносов!

Японский бог, как говорят в России! Конечно, грипп Тани и Дынькова был знаком ему, Зигфриду, чтобы он никуда не летел! А теперь сиди трое суток в этом Ижевске, и максимум развлечений — эта «переводчица». Конечно, сифилиса у нее нет — в этом КГБ можно доверять полностью, но ее английский ужасен, а во рту две золотые коронки. Впрочем, если ее раздеть… Черт ее знает, в России вы иногда можете встретить Афродиту в кирзовых сапогах, телогрейке и с металлической коронкой на переднем зубе!..

В руках у грузчиков, выгружавших багаж из самолета, мелькнул его, Зигфрида, чемодан, и он показал на этот чемодан водителю машины. Еще через минуту «Волга» выкатила из аэропорта мимо одноэтажного аэровокзала с огромным портретом Ленина на фронтоне. Лицо у Ленина на этом портрете было какое-то лунообразное, и Зигфрид вспомнил, что во всех советских городах, куда он попадал, Ленин выглядит на портретах по-разному: в Грузии — как грузин, в Салехарде — как ненец, а в Ташкенте — как узбек. А тут, значит, живут луноликие удмурты? Так уж лучше бы КГБ подсунул ему какую-нибудь удмурточку, а не эту Колесову. Все-таки была бы экзотика. «Мо-

жет, дать им заявку?» — подумал он с усмешкой, вспомнив одно из своих давних, самых первых приключений в Салехарде…

«Волга» миновала аэровокзал и вымахнула на шоссе, окруженное валами снежных сугробов. Над сугробами высились мачты-опоры стереотипных плакатов — призывов повысить производительность труда и крепить рабочую дисциплину. «Даже трудно себе представить, — подумал Зигфрид, — что в стране, увешанной такими лозунгами от Ленинграда до Владивостока, на самом деле царит не общий трудовой энтузиазм, а поголовная сексуально-алкогольная озабоченность». И он, Зигфрид, волей-неволей заразился здесь этим. Русские вообще не понимают, что такое бизнес без водки и баб. Даже когда сын Брежнева — Юрий, заместитель министра внешней торговли, привез Зигфрида на дачу к своему папаше и сказал: «Отец, вот человек, которого мы ищем. Родился у нас, знает русский, немецкий, английский, а по гражданству американец. Талантливый бизнесмен, хозяин переводческой фирмы „Глобус“. Идеальная кандидатура на роль посредника между нами и европейскими банками в деле получения займа на постройку газопровода», — даже в тот вечер они напились

до чертиков, и Брежнев сказал с хмельной щедростью: «Если выбьешь заем у европейских банков, получишь два процента комиссионных!» «Два с половиной, Леонид Ильич», — осторожно сказал тогда Зигфрид. «Черт с тобой, два с половиной!»

Машина въехала в Ижевск — засыпанный снегом провинциальный город с одноэтажными и двухэтажными облезлыми домами.

— Куда мы едем? — спросил Зигфрид у своей переводчицы.

— В гостиницу «Ижевск», — сказала она.

…А в это время в Ижевском аэропорту, из которого двадцать минут назад уехал Зигфрид Шерц, в аэровокзале прозвучало по радио объявление: «Пассажиров рейса Москва — Тюмень — Уренгой просят пройти на посадку в самолет!»

Все пассажиры, матерясь и радуясь одновременно, вернулись в самолет. Все, кроме пассажира первого класса, посредника между западноевропейскими банками и советским Внешторгом, господина Зигфрида Шерца. Черная «Волга» с господином Шерцем остановилась у подъезда гостиницы «Ижевск».

23

Приказ главы КГБ генерала Чебрикова трое суток развлекать в Ижевске господина Зигфрида Шерца поставил начальника управления КГБ Удмуртской автономной республика полковника Ханова в безвыходное положение. «Нужно его так развлечь, — сказал Ханову по телефону генерал Чебриков, — чтобы он суток на трое забыл про Уренгой. Ты продумай что-нибудь по линии „Интуриста“, и побыстрей — самолет садится у тебя в Ижевске через тридцать минут. Через два часа доложишь о своих действиях».

Ханов не стал объяснять Чебрикову, что в закрытом для иностранцев Ижевске нет никакого «Интуриста» и развлекать господина Зигфрида Шерца нечем. Приказ есть приказ. Но не вести же его в Удмуртский театр, куда и местное население не ходит! Или на экскурсию по Ижевскому мотоциклетному заводу, где он сразу увидит, что знаменитые на всю страну мотоциклы «Иж-7170» — лишь побочная продукция огромного танкового завода.

Ханов сказал генералу Чебрикову: «Слушаюсь...» — поднял трубку местного телефона

и набрал кафедру иностранных языков педагогического института. Исполнение приказа Председателя КГБ он не может никому перепоручить, он займется этим Шерцем сам, лично. «Говорит Ханов, — сказал он в трубку, зная, какое цепенеющее действие производит его имя на удмуртских граждан. — Веру Колесову, срочно!»

Восемь лет назад студентка Колесова на партийном собрании педагогического института гневно осудила «некоторых студентов», которые «докатились до того, что тайком читают таких подонков, как Солженицын и Оруэлл!». Назавтра в кабинете Ханова Вера Колесова назвала фамилии этих студентов, и Ханов поощрил ее политическую бдительность: включил Колесову в состав молодежной делегации Удмуртии, прокатившей в «Поезде дружбы» по всем братским странам Восточной Европы. Колесова поняла тогда, какие выгоды сулит ей тесное сотрудничество с полковником Хановым, и стала главным осведомителем в пединституте, за что после окончания института была принята в аспирантуру. И — в свою очередь отблагодарила Ханова уже не только официальными доносами, но и постельными удовольствиями. За что после аспирантуры осталась в институте на преподавательской работе и

вот-вот должна была стать доцентом…

— Слушаю!.. — прозвучал в трубке запыхавшийся голос Колесовой.

— Выходи на улицу, сейчас я за тобой заеду.

— Но у меня лекция! — возмутилась Колесова, думая, наверное, что у Ханова очередной приступ похоти. С ним это действительно бывает — иногда вдруг становится невтерпеж, аж живот внизу холодеет. Но сейчас был совсем другой случай.

— Без разговоров, это по делу! Выходи! — сказал он.

А через несколько минут, наставляя Колесову перед ее поездкой в аэропорт, продолжил:

— Это задание Москвы, понимаешь? Лично Председателя КГБ!

— Я с немцем спать не буду! — вдруг решительно заявила Колесова. — Я сразу предупреждаю: у меня оба деда погибли во время войны! Поэтому гидом я быть могу, но спать с этим немцем не буду!

— Подожди, какой он немец? Он американец…

— Если он Шерц, да еще Зигфрид — он немец. А что написано у него в паспорте — меня не интересует. Спать я с ним не буду!

Ханов озадаченно почесал затылок. Вообще политическая принципиальность Колесовой ему

нравилась, но…

— Хорошо, — сказал он. — Провезешь его по городу, покажешь центр, а потом — в гостиницу…

— И что? — насмешливо перебила Колесова. — Ну, приехали в гостиницу, и как его там развлекать? Я повторяю: спать с ним не буду!

Ханов считал невозмутимость главной чертой своего характера. Потому, пощипывая свои черные, чуть подкрученные усы, он сказан все тем же спокойно-размеренным тоном:

— В гостинице, в ресторане, ты меня с ним познакомишь. Как будто случайно. Скажешь, что я директор заповедника в Затайке…

Колесова удивленно встрепенулась. Затайка была в 120 километрах от Ижевска, в глухом таежном заповеднике — одна из дач Совета Министров СССР, знаменитая своими угодьями для лосиной охоты и прочими легальными и тайными радостями. И хотя, кроме московских министров и самого Ханова, никто эту дачу не посещал, в Ижевске бродили глухие слухи о каких-то немыслимых затайских оргиях. Поэтому Колесова спросила заинтригованно:

— Вы повезете его в Затайку?

— Если он согласится поехать, — ответил Ханов.

И подумал: «А если не согласится, то вообще непонятно, что с ним делать. Чебриков через два часа ждет моего доклада…»

24

Вот уже второй час Ханов и Колесова везут его куда-то к черту на рога, в глубь заснеженной тайги. Зигфрид, завернувшись в свою дубленку, полудремлет на заднем сиденье машины, и чем дольше они едут, тем меньше он понимает, почему в этом Ижевске такая вдруг услужливая опека КГБ — переводчица, заповедник, лосиная охота! Конечно, при маниакальной страсти русских засекречивать все, вплоть до механизма действия копировальных машин и курса акций на Нью-Йоркской бирже, какой-нибудь завод по производству удмуртской туалетной бумаги, дым которого был виден из гостиничного номера, может показаться этому Ханову стратегическим суперсекретом. Но неужто ради того, чтобы по цвету этого дыма Зигфрид, не дай Бог, не определил, какое химическое отравляющее вещество выпускают на этом заводе помимо туалетной бумаги, Ханов и Колесова везут его подальше от Ижевска, в заповедник, и завтра подставят под выстрел зубра или лося…

То, что Колесова — вовсе не «интуристовское обслуживание» и что Ханов никакой не «дирек-

тор заповедника», в этом у Зигфрида не было сомнений с первых минут. Стоило взглянуть на армейскую выправку этого лунолицего удмурта, на его пиджак, застегнутый, как военный китель, на все пуговицы, на серый галстук, подпирающий воротник нейлоновой белой рубашки, и на черные типично армейские полуботинки — и уже не было сомнений: гэбэшник, и никак не ниже майора.

Но именно потому, что Зигфрид сразу определил в Ханове офицера КГБ, он почти без колебаний согласился ехать с ним в Затайку на лосиную охоту — он уже привык идти навстречу маленьким прихотям КГБ, поняв однажды и навсегда, что то, что удобно им, выгодно и удобно ему тоже. Разве шесть лет назад он пожалел, что не отказался от так называемой «переводчицы» Тани? Хотя с первой же минуты было ясно, что она такая же переводчица, как он солист Большого театра, да и не нужна была ему, говорящему по-русски свободно и грамотно, никакая переводчица. Но им было удобней ее, Таниными, глазами следить за каждым его шагом в Москве и на черноморских курортах, ее руками составлять ему расписание делового дня. Так что же? Зато Таня стала не только его бесплатной секретаршей, но и пре-

красной бесплатной любовницей. И какой! Как жаль, что в этой промозглой Москве все время гуляют эпидемии то гонконгского, то афганского, то еще черт-те какого гриппа! А то бы они вдвоем с Таней ехали сейчас на лосиную охоту…

Зигфрид зашевелился, открыл глаза, выглянул в окно «Волги».

— Подъезжаем, — сказала Колесова с переднего сиденья, увидев, что гость проснулся. — Красиво, правда?

Было и правда красиво: вдоль дороги разлапистая тайга была накрыта пушистым снегом, слева таким же чистым, сияющим под солнцем снегом сверкала замерзшая река, а в просветах таежных сосен наперегонки с «Волгой» бежало яркое рыжее солнце. Но почему русские считают, что такие красоты есть только в России? Любой лес под Мюнхеном или в Вермонте выглядит ничуть не хуже…

За очередным поворотом примятой в снегу дорожной колеи Зигфрид увидел Затайку: на высоком берегу реки — отгороженный забором кусок леса, за забором — двухэтажный дом с дымящейся трубой. Какой-то «газик»-пикап стоит у крыльца.

Женская фигурка торопливо пробежала от

дома к небольшому строению прямо на берегу реки, над этим строением тоже курилась дымом печная труба.

— Это что? Баня топится? — спросил Зигфрид, оживляясь.

— Кх-м… — неопределенно протянул Ханов. — Баня, да…

Он не любил, когда люди опережали события. Генерал Чебриков одобрил его действия, и теперь главное — выполнить все, что задумано. Этого господина Шерца ждут веселые сюрпризы. Удмуртия не ударит лицом в грязь перед Америкой.

25

На столе еды столько, сколько съесть нельзя. На просторном блюде дымилась гора горячих вареников, отдельно стояло блюдо с запеченными карпами, дальше — расстегаи с рыбой и с икрой, кулебяка с мясом, маринованные и соленые грибочки, огромный салат из свежих овощей и еще один салат — «оливье», и еще какие-то пирожки и закуски, которым Зигфрид, уже искушенный в русской кухне, не знал названий. И выпивки на столе столько, сколько ни втроем, ни вдесятером не выпить: и коньяк, и водка, и шампанское, и вина, и в простых белых бутылках — знакомый Зигфриду по поездкам в Уренгой «СПИРТ ПИТЬЕВОЙ, 96°». Но самым примечательным на даче в Затайке были не закуска и не выпивка, а три молоденькие, разбитные, черноглазые и круглолицые удмурточки — поварихи и официантки. В их глазах столько откровенного бесстыдства, что Зигфрид сразу понял — предстоит не только охота на лося. Уже в том движении, которым одна из них сняла с Зигфрида его дубленку, было больше порнографии, чем в ее явно накинутом на голое тело ситцевом и укороченном до попки ха-

латике. «Бордель в Удмуртии», — тут же подумал про себя Зигфрид и усмехнулся мысленно: в КГБ просто мысли его читают! Не успел он подумать, и — пожалуйста, три удмурточки! Они, правда, куда старше тех неночек, которые были когда-то в Салехарде…

— Н-да! Действительно заповедник! Но за какие заслуги мне лицензию дают? — сказал он с улыбкой Ханову, как бы сразу предлагая деловой разговор бизнесмена с бизнесменом.

— Кха… Кхм… — усмехнулся в темные усы Ханов и по своей обычной манере произнес выжидательно: — Покушаем пока…

— Садитесь, садитесь… — хлопотали вокруг них три «официанточки», подставляя стулья Зигфриду, Ханову и Колесовой. Их юная удмуртская плоть выпирала из укороченных халатиков с такой силой, что, казалось, пуговички, стягивающие эти халатики на груди, вот-вот отлетят с силой пистолетного выстрела.

Глядя на этих девиц, Колесова опять вспомнила глухие слухи об оргиях в Затайке и возбудилась заинтригованно. При этом она старательно отводила глаза от Зигфрида, словно смущалась двусмысленной ситуации. Но тут Ханов налил ей в бокал не вино, не коньяк и даже не водку, а

чистый спирт из бутылки с этикеткой: «СПИРТ ПИТЬЕВОЙ, 96°», и Колесова ухватила этот фужер за ножку так, словно сжала копье в руке. Все ее смущение тут же исчезло. Теперь рядом с Зигфридом сидела женщина-воин — так жестко держалась она за фужер, будто за державный жезл. «Да она просто алкоголичка», — вдруг подумал Зигфрид.

— Ну что? — повернулась к нему Колесова. — Попробуем вас на спирт, товарищ Шерц?

В ее глазах и голосе, разом осевшем до хрипоты, был вызов.

— Вера! — резким окриком, как хлыстом, одернул ее Ханов. И прибавил уже мягче, явно для гостя: — Господин Шерц к спирту не привык. Мы с ним с водочки начнем, да?

— Я начну с закуски, — решительно сказал Зигфрид.

Он немалому научился у русских за эти шесть лет, но он не любил эту русскую манеру напиваться еще до ужина, чуть ли не до первых закусок.

— Ну и мужики пошли! — усмехнулась Колесова. Теперь, когда у нее в руке был бокал со спиртом, она не боялась ни черта, ни Ханова. — Неужели даже за историческую русско-немецко-удмуртскую дружбу спирту выпить не можете?!

А еще говорят, «великая Германия»! Полмира во время войны завоевали! Эх, жалко, что у нас шнапса нет!..

Зигфрид обозлился. Кажется, у этой идиотки какие-то исторические претензии к Германии. Придется поставить ее на место. Сам он никогда не придавал значения своей национальности. Рожденный в России, но будучи немцем по крови и американцем по паспорту, он считал себя гражданином мира, бизнесменом вне расовых предрассудков и политики, даже его бизнес был интернациональным. Если обращать внимание на политические игры, расовые барьеры и прочее, денег не заработаешь. Но тут…

Он протянул руку к бутылке с питьевым спиртом. Спокойно, под взглядами всех, налил себе полный фужер, затем чиркнул зажигалкой и поднес огонь к спирту сначала в своем, фужере, потом в фужере Колесовой. Оба фужера вспыхнули голубым, потрескивающим в тишине пламенем. «Сейчас я тебя проучу, сучку», — подумал с усмешкой Зигфрид, глядя прямо в изумленные глаза этой Колесовой. Подняв свой полыхающий голубым огнем фужер, он произнес:

— Я хочу сказать несколько слов. Вот уже больше десяти лет я веду дела с Советским Союзом.

Конечно, как президент своей фирмы, я мог послать в Россию своего вице-президента или еще кого-нибудь. Но я всегда прилетаю сюда сам. И знаете почему? Потому что поездка в Россию — это всегда приключение! И самое замечательное в этих приключениях — русские женщины. Это всегда загадка, которую не терпится разгадать. Я хочу сейчас выпить за вас, Вера, и в вашем лице — за всех русских женщин! Надеюсь, вы не откажетесь выпить за это?

Сказав это, он поднес полыхающий голубым огнем бокал ко рту и спокойно выпил горящий спирт. Этому фокусу его научил еще при первом знакомстве главный геолог салехардского треста «Ямалнефтегазразведка» Розанов — толстый весельчак и любитель ненецких девочек. Нужно, поднеся горящий бокал ко рту, носом дышать на пламя, и тогда от силы дыхания пламя гаснет прямо у ваших губ…

«Официанточки»-удмурточки зааплодировали, а Колесова, так и не рискнув выпить горящий спирт, вдруг восхищенно чмокнула Зигфрида в щеку.

— Браво! — сказала она. — Откуда вы так хорошо говорите по-русски?

— Я родился в Саратове, на Волге… — сказал

Зигфрид.

— Тогда вы вообще наш! — Она задула огонь в своем бокале и залпом выпила остатки спирта. Так она покончила со своими историческими претензиями к Германии. А Зигфрид подумал: «Вот она, уникальная способность русских женщин перестраиваться „под мужика“. Немки, шведки, француженки, а уж тем более — англичанки или американки остаются сами собой с любым мужчиной, сохраняя внутреннюю автономию, как тибетские ламы в Китае. Но русские женщины выше феминизма…»

Через двадцать минут за русско-немецко-удмуртскую дружбу, за мир во всем мире, за женщин вообще и за каждую присутствующую здесь даму в отдельности было выпито бутылки четыре чистого спирта. Колесова включила магнитофон с песнями ансамбля «АББА» и требовала, чтобы Зигфрид пил с ней на брудершафт.

«Просто сюрреализм какой-то, — подумал с усмешкой Зигфрид, — в сибирской тайге под шведскую музыку американский бизнесмен пьет с гэбэшниками и удмуртскими проститутками! Действительно каждая поездка в Россию — приключение!»

Он наклонился к Хагнову и сказал негромко:

— Слушай, Ханов. Не физди мне больше, что ты директор заповедника. Скажи честно, на кой хрен эта пьянка? За что мне такой почет в Удмуртии?

Однако Ханов лишь снова усмехнулся в свои черные усики.

— Я думаю, мы сейчас все в баньку пойдем, — сказал он. — Пусть нас девочки помоют…

26

Бревенчатая баня стояла у реки, и красное закатное солнце освещало всю компанию, когда они, пальто внаброску, а в руках по бутылке водки и коньяка, бежали по заснеженной тропинке от дачи к бане.

В бане, в темном предбаннике, стояли деревянные лавки, а на них — ящики с жигулевским пивом. Разогретый спиртом, хорошей закуской и бедовыми взглядами черноглазых удмурточек, Зигфрид, раздеваясь вместе со всеми в предбаннике, уже не чувствовал никакого стеснения. Все было ясно, как в борделе, только церемония тут, видимо, другая, тем все и интересно.

Быстро сбросив одежду, но все же рефлекторно прикрывая низ живота ладонями, Зигфрид шагнул вслед за Хановым в парилку. Это была не сухая парилка, как в саунах. Наоборот, одна из «официанточек» плескала здесь на раскаленные шипучие камни ковши воды и пива, и воздух был утяжелен белым и пахучим паром. Вслед за Хановым Зигфрид сразу полез на верхнюю полку парилки — и почувствовал, что хмелеет. Но хмель был веселый, воинственный. «И вообще, —

подумал Зигфрид, — с верхней полки парилки на мир смотришь иными глазами!» Смешно, например, наблюдать, как, больше инстинктивно, чем сознательно, прикрывая руками грудь и пушисто-рыжеватый лобок, вошла в парилку воинственная Вера Колесова и тут же попала под ушат воды, которым плеснули на нее девчонки-«официантки». Колесова тут же забыла свою стеснительность.

А вскоре и вообще все перемешалось в парилке. Здесь стояли хохот и визг, на нижней полке девочки стегали друг друга вымоченными в пиве березовыми вениками, подбавляли парку и выскакивали в предбанник хлебнуть холодного пива. Четыре женские фигуры с округлыми линиями бедер и задниц, с подрагивающими грушами грудей то выныривали из завесы пара, то скрывались в ней, чтобы в другом месте возникнуть с очередным визгом и хохотом. Потом, сговорившись, они полезли на верхнюю полку и с тем же визгом стащили с нее Ханова и Зигфрида. Они распластали обоих мужчин на нижней лавке лицами вниз и стали хлестать их спины березовыми вениками, периодически смачивая зеленолистые эти веники в ведре с холодным пивом.

От хлестких, но не болючих, а истомительно-обжигающих ударов этих веников тело становилось словно легче в весе, а от запахов березовых листьев, пива и от женских рук, пробегающих по мокрому телу, было приятно и, словно на взлете, кружило голову. И когда, отдавшись этому кайфу, Зигфрид воспарил над миром и душой и телом, чьи-то руки перевернули его с живота на спину, и обжигающе-знобящий веник зачастил своими трепещущими листьями по его груди, плечам, животу и по ногам, отчего Зигфрид ощутил необыкновенно резкий и мощный всплеск желания. Даже не открывая глаз, только по голосам и хохоту вокруг, он понял, что того же они добились от Ханова.

Дальнейшее было подобно карусели: три черноволосые удмуртские амазонки и одна русская блондинка поочередно седлали мужчин, не задерживаясь ни на одном дольше минуты, но успевая за эту минуту продемонстрировать разницу и темперамента, и опыта. От этой карусели ощущений душа Зигфрида взвилась уже в космическую высь, а из тела вместе с дыханием исходили стоны. Затем Вера Колесова, встав на колени, обмыла его подрагивающую от нетерпения плоть все тем же питьевым спиртом и с ритуальной

торжественностью в строгих голубых глазах медленно склонила голову к этой теперь стерильно чистой плоти и стала поглощать ее. Зигфрид обмирал — он ясно почувствовал, что теперь и тело его устремилось вверх — вдогонку за витающей в космосе душой…

Через два часа Зигфрид и Ханов продолжали трапезу за обильным столом. «Официантки» подали запеченного целиком молочного поросенка. Зигфриду казалось, что он может съесть и целого борова.

— Не слышны в саду даже шорохи… — вдруг запел он с такой непосредственностью, словно мотив этой популярной советской песни только что сам родился в его душе. — Все здесь замерло до утра…

— Если б знали вы, как мне дороги подмосковные вечера… — тут же подхватили Ханов, «официантки» и Колесова.

И они еще долго пели в этот вечер. Пели и пили, и снова пели, словно не было меж ними греха и, как пишут в газете «Правда», «ожесточенной борьбы двух идеологий»…

Когда Ханов провожал Зигфрида наверх, в его комнату, Зигфрид сказал ему с хмельной безмятежностью:

— Знаешь, старик! Даже если ты гэбэшник и сфотографировал в бане все эти художества, чтобы потом меня шантажировать, я не жалею! Это было клево.

Ханов только молча усмехался в свои черные усы: он ничего не фотографировал и не собирался ничем шантажировать Зигфрида. Он честно развлекал гостя, и завтра их действительно ждала охота на лося, а вечером — новое застолье и очередная пьянка, и так — до сигнала из Москвы, по которому Зигфрида можно будет выпустить из этой веселой клетки. Все шло хорошо, точно по плану, и Ханов уже полюбил этого покладистого американца, как какой-нибудь естествоиспытатель любит своего подопытного зверька…

Оставшись один в своей комнате, Зигфрид вытащил из чемодана ночную пижаму и маленький, но мощный транзисторный «Грюндиг»: из любой части света Зигфрид должен был каждую ночь перед сном слышать курс акций на Нью-Йоркской, Лондонской и Гамбургской биржах и другие экономические и политические новости. Иначе он не мог уснуть. Улегшись, он включил приемник, и первое, что услышал, — голос русского диктора:

«Прослушайте сводку погоды. На всей территории Сибири, от Урала до Иркутска, второй день стоит ясная безветренная погода. Температура сегодня была: в Свердловске – минус 27 градусов, в Тюмени – 32 градуса, в Уренгое – 37 градусов, в Салехарде – 39 градусов мороза. Синоптики обещают, что завтра в Сибири удержится ясная, безоблачная погода, местами возможна легкая метель. Теперь передаем легкую музыку для покорителей Крайнего Севера».

«А нам не страшен ни вал девятый, ни холод вечной мерзлоты! — грянул тут же бодрый комсомольский голос. — А мы ребята, а мы ребята семидесятой широты!!!»

Зигфрид выключил радио. Весь хмель и прочие радости этого вечера отлетели от него мгновенно, и все тело отяжелело страхом. Значит, они наврали про непогоду в Тюмени. Значит, его сняли с самолета и увезли в этот заповедник нарочно для того, чтобы…

Ледяное подозрение вдруг сковало сердце. Конечно, КГБ хочет отнять его проценты! 17 декабря, когда Международная экспертная ко-

миссия подпишет акт о готовности газопровода, западноевропейские банки выплатят русским 9 миллиардов долларов, из которых комиссионные Зигфрида составляют 225 миллионов. Но одно дело — щедро пообещать 2,5 процента, а другое — отдать 225 миллионов. Зигфрид не первый год в бизнесе, он-то знает, как неохота расставаться с деньгами. А русские любят деньги, особенно — валюту! Он нужен был русским раньше, чтобы вытянуть у немецких и французских банков этот гигантский заем — 18 миллиардов! Даже под гарантии французского и западногерманского правительств этот заем не так-то легко было выбить, черт возьми! И гарантии эти тоже не сами собой с неба упали! Хоть он и не знает подробностей и нет у него в руках никаких фактов, но он хорошо чувствовал, что кто-то в высших правительственных сферах Германии и Франции здорово ему подыгрывал в этой игре, или, как говорят русские блатные, кто-то там очень «тянул мазу» за СССР. Потом, правда, французы спохватились, и прошлым летом Миттеран вдруг выгнал из Франции чуть не сотню советских дипломатов-шпионов.

Но получить у банков согласие дать Советам заем — это еще не все, деньги-то текли порциями

каждые два-три месяца по мере строительства газопровода, и каждый раз очередная выплата зависала в воздухе, потому что русские, что ни день, дестабилизировали международную ситуацию: то Афганистан, то Польша, то покушение на папу римского, то ссылка Нобелевского лауреата Андрея Сахарова в Горький, то зеки на стройках газопровода, то корейский авиалайнер! И каждый раз — мировая шумиха в прессе, банки нервничают и хотят остановить выплату очередной порции займа…

В СЕТЯХ ДОЛГОВ

…результат некоторых политических промашек. А желание России получить дополнительно 300 миллионов долларов в конце декабря на финансирование строительства газопровода в Сибири заставило банкиров поспешить в Бонн за консультациями.

В то время как банкиры и правительства раздумывают о том, открывать кредиты или не открывать, продлевать России сроки платежей или нет, это решение имеет первостепенную важность не только для самих банкиров, но в первую очередь влияет на взаимоотношения двух стран…

Журнал «Экономист»
Март, 20, 1982 г.

ФРАНЦИЯ ВЫДЕРЖИВАЕТ ХАРАКТЕР

…ряд несогласий. Одна из причин – сотрудничество Франции и Москвы в строительстве транссибирского газопровода для Западной Европы, проекте, который Соединенные Штаты совершенно отвергают. Госсекретарь Александр Хейг заявил, что, к сожалению, французские банки с займами, гарантированными правительством, все еще продолжают финансировать этот проект. Франция отклоняет протесты США, которые считают, что газопровод станет источником неприятностей…

Журнал «Ю.С. ньюс энд уорлд рипорт»
Апрель, 5, 1982 г.

РУССКИЙ ГАЗОПРОВОД: БАНКИРЫ «ПЕРЕКРЫВАЮТ КРАНЫ»

Со временем по газопроводу будут перекачивать около 40 миллиардов кубометров газа в год из отдаленных районов Сибири, Уренгоя и Ямальского полуострова в Западную Европу через Польшу. Западногерманские банки постоянно рискуют в Польше, и это сделало их опытнее, особенно когда стоит вопрос о

предоставлении займов другим странам коммунистической ориентации, включая Россию.

В результате, когда представители 20 банков встретились во Франкфурте на этой неделе для подписания соглашения об отсрочке польского долга, во время неофициальных бесед стало очевидно, что большинство западногерманских банков не одобряют последнее желание России на получение дополнительных 75 миллионов марок (около 30 миллионов долларов) под негарантированные долговые расписки для строительства транссибирского газопровода. Эта сумма не спасет и не ликвидирует проект, стоящий по крайней мере 15 миллиардов марок. Западногерманские банки уже обеспечили кредит в 2,5 миллиарда марок и теперь пребывают в состоянии нерешительности, подписывать ли соглашение на следующие 300 миллионов марок, которые русские просили на декабрь.

Подобные колебания имеют немаловажное значение, так как отражают

потерю энтузиазма, что может привести к затягиванию сроков строительства газопровода.

Заем в 2,5 миллиарда западногерманских марок предоставил консорциум из 16 западногерманских банков под гарантии государственного экспортно-кредитного страхового агентства «Термес». Оно было основано на обещании русских осуществлять 15 % всех платежей из своих собственных средств. Однако в декабре русские не смогли сдержать свое обещание и попросили дополнительно 300 миллионов марок.

Мнения членов банковского совета разделились из-за того, что некоторые из них посчитали опасным отступать от своих принципов. Некоторые банкиры готовы были предоставить кредиты, однако несколько банков, возглавляемых Байерши Ланденбанком, отказали. Тем более что эти банки с неодобрением отнеслись к желанию России получить дополнительно 75 миллионов марок. Даже такие крупные банки, как Немецкий, Дрезденский и Коммерцбанк, не

намерены больше давать деньги под негарантированный заем. Подобный поворот в событиях может быть объяснен тремя основными причинами – год назад еще шел разговор о финансировании проекта одной Германией в размере 10 миллиардов западногерманских марок.

Во-первых, крах кредитоспособности в Комеконе охладил пыл энтузиастов. Перенесение сроков платежей Польшей и Румынией заставило банкиров побеспокоиться о размерах займов Советского Союза. Оплата займов предварительно гарантирована, но замедление темпов строительства может повлечь отсрочки в выплате платежей.

Во-вторых, оппозиция Америки по отношению к проекту выразилась в действиях президента Рейгана – торговых санкциях к Польше.

Американский экономический банк заблокировал работу над одной из жизненно важных турбин газопровода, производство которой осуществлялось в США. Именно это застопорило все дело быстрее, чем болтовня политиков.

Три европейские фирмы – «АФГ», «Телефункен», «Нуово Пигнан» – и «Джон Браун инжиниринг», подписавшие прошлой осенью контракты на поставку 125 турбин, базируемых на ротационных частях американской «Дженерал электрик», ищут выход из тупика, так же как и русские. По сведениям шведской консультативной фирмы «Петростадиз», русские ускорили сроки прокладки труб и проектирования программ для производства турбин прямо на месте, чтобы по возможности заменить американские. Однако этот шаг может отбросить завершение проекта на 1984 год.

В-третьих, так как цены на нефть упали, а на газ повысились, потребителям в Европе ни к чему долгие ожидания советского газа, тем более что два других новых газопровода уже на подходе – из Алжира и Туниса (уже в действии) в Италию и в Норвегию через Северное море (должен быть готов к середине 80-х).

Только Западная Германия и Франция подписали соглашение с Россией. Италия, сознавая выгоду этого дела, одобрила со-

глашение еще в прошлом году, однако до сих пор не получила решения правительства. Голландия, Бельгия, Швейцария и Австрия все еще ведут переговоры.

Россия же планирует получать от 8 до 10 миллиардов долларов в год от продажи 40 млрд кубометров газа. Контракты с фирмами гарантируют России меньше половины этого дохода.

Журнал «Экономист»
Апрель, 10, 1982 г.

НОВЫЕ НАДЕЖДЫ

Западногерманские банки согласны предоставить России 1,13 млрд долларов на строительство сибирского газопровода.

Журнал «Экономист»
Июль, 17, 1982 г.

В истории строительства газопровода «Сибирь–Западная Европа» таких эпизодов было не один и не два, каждый Раз Зигфрид метался в самолетах между Москвой, Парижем, Уренгоем и Бонном и тратил немыслимые деньги, чтобы

спасти ситуацию. Это только русские думают, что первую половину комиссионных он целиком положил себе в карман. А кто организовал поездку французских банкиров в Уренгой, чтобы они своими глазами увидели, что никаких зеков там нет? А кто по сей день содержит агентов на строительстве алжирского и норвежского газопроводов, чтобы точно знать, когда конкуренты подадут газ и с какими фирмами у них контракты? И вообще, кто все эти четыре года ночами не спал, добывая русским каждые три-четыре месяца триста — пятьсот миллионов долларов? Конечно, тогда они ублажали его, как могли, и носились с ним как с писаной торбой: и тебе лучшую московскую девочку в любовницы, и пьянки на правительственных дачах, и бесплатный отдых на лучших черноморских курортах, и никакого таможенного досмотра в: аэропортах, хоть иконы вывози! А про Уренгой, Салехард и Тюмень и говорить нечего — там он был королем, лучшим другом партийных, гэбэшных и геологических вождей края. Но теперь-то — все, газопровод построен, через три дня комиссия подпишет акт о приемке газопровода, русские получат 9 миллиардов. Потому они так спешат с открытием газопровода, а он, Зигфрид, оказал-

ся полным идиотом: дал русским возможность заманить себя в эту удмуртскую ловушку. Ханов — ничего, мелкий чиновник удмуртского КГБ, но завтра сюда нагрянут московские гэбэшники. Они преподнесут Зигфриду альбом с фотографиями его б…а в СССР — с Таней в Москве и на черноморских курортах, с чудными метисочками в Алма-Ате и вот с этими удмурточками сегодня. Они преподнесут этот альбом и скажут: либо подписывай, что добровольно жертвуешь свои 225 миллионов в фонд Международного движения за мир и разоружение, либо завтра эти фото получит журнал «Шпигель» или «Плейбой». А если, не дай Бог, им известна еще и та пятилетней давности история в Салехарде, то они с ним вообще и церемониться не станут, а просто сгноят его в одном из тех лагерей Заполярья, которые он сам попросил убрать подальше от глаз западноевропейских банкиров, — никакое американское гражданство не поможет. КГБ умеет стряпать дела на иностранных граждан.

Кстати, где-то здесь, не то в Удмуртии, не то в Мордовии, у них и лагерь есть для иностранных заключенных, он сам читал об этом в газетах…

Да, здорово они обвели его вокруг пальца. Шесть лет они позволяли ему «гулять по буфету»,

кайфовать с русскими девочками, а сами, конечно, собирали этот «альбомчик» и готовили ему ловушку в Затайке.

Зигфрид лежал, одеревенев от сознания непоправимой беды. Даже если он сбежит сейчас с этой дачи в Москву, они его и там накроют, он не успеет доехать из московского аэропорта до ворот американского посольства. Сволочи! Все сволочи! Даже Танька — гэбэшная сволочь! Ее и Дынькова грипп — вранье… Нужно что-то делать! Сейчас! Немедленно! Но что? Сходить в баню и проверить, есть ли там скрытые фотокамеры?…

Дверь приоткрылась, и в комнату без стука скользнула фигурка одной из «официанточек». Она была в прозрачной нижней сорочке, в руках — бутылка шампанского и два бокала. Поставив их возле кровати на тумбочку, она, хотя Зигфрид лежал с закрытыми глазами, притворяясь спящим, без спроса юркнула к нему в постель, прижалась к Зигфриду горячим телом и жадно поцеловала в губы, Но теперь даже юная, налитая соком плоть этой удмурточки вызвала у Зигфрида только отвращение. Наверняка ее прислал Ханов, чтобы и ночью не оставлять его одного. Зигфрид отодвинулся, пробормотал:

— Не надо… Я хочу спать…

Девушка удивленно замерла в постели:

— Мне уйти?

— Да. Я устал…

Она вздохнула:

— Жалко! Я тебя на всю ночь выиграла…

— Как это — выиграла? — удивился Зигфрид.

— Ну! — сказала она, откинувшись на подушку. — Сюда же одни старики из Москвы прилетают — министры. С ними тоска одна. А нас тут, как в гареме, взаперти держат. Чтобы на любого старика бросались, даже если у него не стоит. А тут вдруг такой молодой мужик, да еще американец, а спирт глушит лучше русского! Вот мы с девочками тебя и разыграли все три ночи. Но может, я тебе не нравлюсь? Может, тебе другую прислать?

— Нет, просто я устал очень. Давай на завтра отложим.

— Завтра уже не моя очередь, — сказала она, вставая с постели. — А может, ты эту хочешь — русскую? Так она все равно с Хановым занята.

— Нет, я буду спать.

— А хочешь, я под утро приду?

— Спасибо, не нужно…

Она поглядела на него жалеюще — сокрушенными глазами, даже головой покачала. Глубоко и

печально вздохнула и ушла, разочарованная. На прощание презрительно щелкнула выключателем, гася в его комнате свет…

Зигфрид лежал, прислушиваясь к шумам в доме. Минут через двадцать все стихло внизу, в комнате «официанток», и на втором этаже, в комнате Ханова. Но Зигфрид пролежал еще не меньше часа, чтобы быть уверенным, что все уснули У него созревал план побега. Он встал, оделся и тихо, боясь скрипнуть каждой ступенькой, спустился по лестнице вниз. Если его застанут здесь — не страшно, он скажет, что ищет, чего бы выпить…

Но в доме стояла полная тишина. Зигфрид добрался до прихожей, надел свою дубленку, шапку, ботинки, закутал горло шарфом. В конце концов, он просто хочет выйти на свежий воздух!

Впрочем, оправдываться было не перед кем — дом спал.

Зигфрид обшарил карманы висевшего на вешалке пальто Ханова и извлек из них ключи от черной «Волги». С этой минуты пути назад нет.

Он взял на кухне острый кухонный нож, сунул в карманы дубленки две непочатые бутылки водки и вышел во двор.

«Волга» стояла у ворот, рядом с пикапом, на

котором, видимо, прикатили сюда заранее эти «официанточки». За машинами были ворота дачи, не на замке, а так, прикрытые. А за воротами — он помнил — спуск к реке, вдоль которой шла дорога в город.

Конечно, можно пробежать до бани и проверить, есть ли там где-нибудь под потолком скрытые фотокамеры. Но стоит ли терять время? Если даже нет этих камер, это еще не значит, что их не было там три часа назад, во время той легкомысленной оргии…

Зигфрид медленно, словно гуляя, дошел до грузового пикапа, обошел его и кухонным ножом проткнул шины. Пикап тихо осел. Выждав несколько секунд — не вспыхнет ли свет в доме? — Зигфрид взобрался на забор дачи, дотянулся до столба с телефонным проводом и тем же кухонным ножом перерезал провод. Конец провода упал во двор, на снег. Зигфрид спустился вниз и отрезал упавший провод у самого дома. Метров тридцать телефонного провода лежало теперь в снегу, он смотал и положил их в черную «Волгу». Как и его немецкие родители, он все делал тщательно в жизни, обдумывая каждую деталь. Если обнаружится его побег, у Ханова не будет ни машины для погони, ни телефонной свя-

зи, чтобы поднять тревогу в Ижевске. Во всяком случае, на какое-то время…

Теперь предстояло открыть ворота. Они заскрипели негромко, но Зигфриду показалось, что этот скрип может разбудить всю планету. Тем не менее в доме никто не проснулся. «Перепили», — усмехнулся про себя Зигфрид.

Осмелев, он, уже почти не таясь, поставил в черной «Волге» рычаг переключения скоростей на нейтралку и, держа одной рукой руль, а плечом уперевшись в дверной косяк кузова машины, покатил «Волгу» через ворота вниз, к реке, к лесной дороге. Под откос машина шла легко и скоро даже покатилась сама. Зигфрид запрыгнул на ходу в салон и вырулил машину как можно дальше. И лишь внизу, у реки, закрытый от дачи заснеженными таежными кедрами и соснами, он включил зажигание.

«Волга» сорвалась с места и понеслась по ночной таежной дороге. Форсированный двигатель, сделанный специально для Ханова на Ижевском танковом заводе, позволял Зигфриду даже на глубокой снежной колее выжимать почти сто километров в час.

Поначалу ночная дорога была пуста: ни встречной машины, ни огоньков деревень или поселков.

По обе стороны дороги фары выхватывали лишь темные заснеженные кедры и сосны. Казалось, что он мчится один в безлюдье сибирской тайги.

Но через полчаса таежная дорога вывела его на такое же темное, неосвещенное и плохо расчищенное от снега шоссе. Никаких указателей тут не было, русские дороги — это не американские хайвеи. Зигфрид понятия не имел, в какой стороне шоссе находится Ижевск. Но, по счастью, вдали появились огоньки какого-то грузовика.

Зигфрид остановил машину, выскочил из салона, быстро поднял капот мотора и, обжигая руки, чуть отвернул пробку радиатора. Горячий пар ударил из-под капота. Зигфрид выскочил на середину дороги, замахал руками приближающемуся грузовику.

Грузовик остановился, из кабины высунулось лицо водителя.

— Чего тебе?

— Радиатор потек, бля! — в чисто русской манере, с непременным шоферским матом сказал Зигфрид.

— Нет, я «Волгу» не потащу, ну тебя на хер! — тут же сказал водитель. — У меня у самого прицеп — не видишь?

Действительно, грузовик был с прицепом — с

какой-то цистерной, но Зигфриду и не нужно было тащить «Волгу» куда-то.

— Вижу. Ты меня подбрось до Ижевска, в аэропорт. Я заплачу. Вот. — Зигфрид вытащил из карманов дубленки две бутылки водки. — И денег дам. У меня жена прилетает, понимаешь? Если я ее не встречу — п…ц, сразу учует, что я на гулянки ездил…

Мужская солидарность в сочетании с двумя бутылками водки и деньгами сделала свое дело — через час грузовик лихо подкатил к ижевскому аэропорту.

В холодном и пустом аэровокзале не было, конечно, ни пассажиров его вчерашнего рейса Москва–Тюмень–Уренгой — они еще вчера улетели, ни скопления какой-нибудь другой транзитной публики, как это бывает в нелетную погоду. Это еще раз убедило Зигфрида в том, что вчерашняя «вынужденная посадка из-за бурана» — просто уловка КГБ, чтобы завлечь его в Затайку.

«Заканчивается посадка на рейсы Ижевск–Москва и Ижевск–Сыктывкар, — прозвучало по радио. — Пассажиров просят пройти на посадку. Повторяю…»

И хотя первым движением души было рвануть-

ся на московский рейс, Зигфрид сдержал себя. Именно в Москву лететь сейчас опасней всего. До Москвы почти четыре часа лету, за это время там уже наверняка будут знать о его побеге, и отряд гэбэшников будет ждать его прямо в аэропорту, у трапа. Нет, только не в Москву!

— Сколько лету до Сыктывкара? — спросил он у заспанной кассирши.

— Час пять минут, — сказала она.

Вот это то, что ему нужно. Через час он будет в Сыктывкаре, там немедленно — новая пересадка и желательно — куда-нибудь на Север, в тундру или тайгу, где никто и не подумает его искать. А через пару дней, когда в Уренгой прилетят на открытие газопровода десятки западных журналистов, — вот тогда он свалится туда как с неба и будет при этих журналистах неотлучно, и на глазах у западных журналистов его, конечно, никакой КГБ не тронет. А потом вместе с ними он улетит из СССР.

Теперь оставалось решить последнюю задачу — взять билет на самолет, не показывая своего иностранного паспорта и не называя своей фамилии.

— Сколько стоит билет до Сыктывкара и обратно? — спросил он.

— Семьдесят четыре рубля…

Зигфрид вытащил из кармана сторублевую купюру, положил перед кассиршей и сказал:

— Сдачи не надо.

Толстая, укутанная в тяжелое пальто кассирша удивленно взглянула на него своими заспанными глазами. Простая арифметика — 25 рублей — разом разбудила ее.

— Паспорт, — сказала она, доставая из ящика бланк авиационного билета.

— В том-то и дело, дорогая! — сказал Зигфрид, двигая ее сторону сторублевую бумажку. — В том-то и дело! Я за этим паспортом лечу! Дружок по пьянке улетел в моем пиджаке в Сыктывкар, в пиджаке паспорт и все документы. А мне они сегодня вот так нужны, — он провел рукой под подбородком показывая, что документы ему нужны позарез, — я тут на работу оформляюсь на бумажную фабрику. Поэтому я — туда и обратно. Прилечу назад — покажу тебе паспорт, ей-богу! Выручи! Я ж говорю, сдачи не надо… — И он опять подвинул сторублевку еще ближе к кассирше и умоляюще заглянул ей в глаза.

Она разглядывала его несколько секунд. Глаза у Зигфрида светились неподдельной искренностью, и весь его вид: дубленка, дорогая шапка,

чистое, неиспитое лицо — говорил о том, что это приличный человек, инженер, а не какой-нибудь уголовник, которого может разыскивать милиция.

Кассирша молча спрятала сторублевку в ящик своего стола, потом, подняв авторучку над пустым бланком авиабилета, спросила:

— Фамилия?

— Вот спасибо! — сказал Зигфрид. — Иванов я, простая фамилия. Иванов Борис Иванович…

27

Только в самолете, маленьком, сорокаместном «ИЛе» Зигфрид позволил себе перевести дух. Расслабившись, он откинулся на спинку кресла и вдруг подумал с ужасом: «Что я натворил! Бежал от КГБ! И где — внутри СССР!»

Пока он угонял машину, пока лихорадочно мчал по ночной тайге к аэропорту, брал в кассе билет и шел на посадку, все было напряжено в нем динамикой действия, и мысли были заняты самоконтролем — не выдать себя, не сказать лишнего слова, не сделать неосторожного жеста. Но теперь, когда они взлетели и когда уже ничего от него не зависело, а нужно было лишь пассивно ждать посадки в Сыктывкаре, страх вернулся. «И вся моя аэрофобия, — подумал он, — ничто по сравнению с этим страхом».

Он огляделся. Рейс был транзитный, с юга, с Кавказа. Самолет был забит черноусыми грузинами в огромных кепках-восьмиклинках. Они шумно разговаривали друг с другом по-грузински, от них дурно и сильно пахло потом, чесноком и чачей, и каждый из них, помимо ящиков, сданных в багаж, вез под своим сиденьем еще мешок или

ящик помидоров, мандаринов или цветов. Пожалуй, впервые за все эти годы визитов Зигфрида в СССР он попал из высшего, привилегированного уровня жизни советской элиты в нормальную, будничную. Но обилие грузинских спекулянтов фруктами в самолете и то, что стюардесса явно за взятку разрешила им везти в салоне эти пудовые ящики и мешки, — именно это больше всего успокаивало сейчас Зигфрида. Значит, хотя бы в самолете нет сотрудников КГБ. А то, что сосед-грузин снял ботинки и воздух сразу загустел запахом его давно не мытых ног, — черт с ним! Лучше свобода с запахом пота, чем чистый воздух ловушки-заповедника в Затайке. «А кроме того, — вдруг подумал Зигфрид, — через пару дней от меня самого будет пахнуть не лучше — чемодан с вещами остался в Затайке, а дезодорант от пота в России не купишь…»

Между тем его сосед, сняв ботинки, вытащил из большой плетеной сумки завернутую в промасленную газету «Вечерний Тбилиси» жареную курицу, а точнее — цыпленка табака, остро пахнущего чесноком и специями. Потом из той же сумки появились бутыль красного вина, круг свежего сыра, зелень, спелые помидоры…

Зигфрид вдруг остро почувствовал голод —

аж рот заполнился слюной. Грузин же, словно прочитав его мысли, а скорее, просто по законам грузинского этикета, разломил пополам килограммового цыпленка табака и протянул Зигфриду половину.

— Бэри, бэри! — сказал он с грузинским акцентом. — Я Сосо из Тбилиси. А ты?

— Меня зовут Зигфрид, — невнятно произнес Зигфрид принимая цыпленка.

— Еврей, что ли? — спросил Сосо.

Зигфрид, впиваясь зубами в сочное куриное мясо, промычал в ответ не то утвердительно, не то отрицательно.

— А чем занимаешься? — спросил Сосо, наливая в пластмассовые стаканчики вино себе и Зигфриду.

— Я… переводчик… — нашелся Зигфрид.

Сосо усмехнулся:

— Ты переводчик, а я перевозчик! — И поднял свой стакан с вином. — Ладно! Будь здоров, дарагой!

Они выпили, и словоохотливый Сосо спросил снова:

— А с какого языка переводишь, генацвале?

— С английского, немецкого… — сказал Зигфрид.

— Вах-вах-вах! — сокрушенно сказал Сосо. — Если такие языки знаешь, зачем в Америку не уехал, когда Брежнев отпускал?

Зигфрид уже не рад был, что взял курицу и ввязался в разговор. Он неопределенно пожал плечами.

— Теперь жалеешь, конечно, — уверенно сказал Сосо с форсом вытащил из кармана пачку американских «Мальборо», протянул Зигфриду, но Зигфрид отказался, он не курил. — Я тоже дурак был, — продолжал Сосо. — У нас в Тбилиси можно было за десять тысяч на еврейке жениться и уехать. А я сидел, думал: ехать, не ехать. В Израиль если ехать — страна чужая, а в Америку если ехать — язык надо знать, правильно?

— Правильно… — поддакнул Зигфрид.

— Неправильно! — решительно отверг Сосо. — Надо было ехать! Здесь нет жизни! Вообще нет, понимаешь? Вот я мандарины везу на Север. Раньше, при Брежневе, я за такой рейс свои восемь тысяч делал. Ну, в Грузии дашь милиции взятку, чтобы вывезти товар, ну, в Уренгое, например или в Норильске тоже нужно милиции платить, чтоб не трогали. Две-три тысячи терял. Но пять тысяч мне оставалось, можно было жить! А теперь? Теперь я лечу — жизнью рискую. Даже

если половину своего дохода взятками раздам — все равно никакой гарантии нет, что в тюрьму не посадят. Андропов! — Сосо вздохнул: — Нет, прозевали свой шанс, прозевали! Надо было ехать, не думать! Я бы сейчас в Америке «кадиллак» водил!..

Спустя короткое время Зигфрид уже знал немало подробностей о подпольном бизнесе фруктами, овощами и цветами в СССР. Стоимость этого товара поднималась по мере нарастания полярных широт, но и за Полярным кругом были различия.

«В Мурманск фрукты сейчас возить нельзя, — рассказывал словоохотливый Сосо. — В Мурманске вся милиция поменялась, потому что Андропов туда зятя Брежнева сослал начальником милиции. Теперь в Мурманске ни один милиционер взяток не берет — боятся. А в Архангельске нам делать нечего — там одна нищета живет. Другое дело — Уренгой или Сургут! Там геологи богатые, там простой работяга до тысячи рублей в месяц загребает. Но риск, конечно, — в Салехарде начальник КГБ Шатунов — зверь…»

«Н-да, — подумал Зигфрид, — подпольная торговля фруктами в СССР сродни нелегальной торговле оружием или наркотиками: государство,

владея монополией на торговлю и не справляясь с ней, преследует своих конкурентов так, словно они продают людям не цветы и мандарины, а пистолеты и гранаты…»

— Новый анекдот про Андропова знаешь? — говорил между тем словоохотливый Сосо. — Как только в ЦК все проголосовали за Андропова, чтобы его назначить генсеком, Андропов говорит: «Проголосовавшие, опустите руки и можете теперь отойти от стенки!» А потом на пресс-конференции какой-то иностранный корреспондент спросил у Андропова: «Товарищ Андропов, а вы уверены, что советский народ пойдет за вами?» «Не пойдут за мной, пойдут за Брежневым!» — ответил Андропов. А знаешь, какую новогоднюю речь нам скажет Андропов по телевизору? Если доживет до Нового года, конечно. «Дорогие товарищи! Поздравляю вас с наступлением нового 37-го года!»

«Пристегнуть ремни» — вспыхнуло красное табло. Самолет сделал разворот и быстро пошел на посадку в Сыктывкар, столицу еще одной этнической мини-республики — Коми АССР. И теперь уже двойной страх — аэрофобия и страх перед КГБ — сжал сердце Зигфрида.

Самолет чиркнул лыжами по заснеженной

посадочной полосе и после короткой пробежки замер. Зигфрид со страхом смотрел в иллюминатор. Если у трапа появится черная «Волга», то это за ним, конечно…

Но никто не встречал его у трапа.

Огромный портрет Ленина, похожий теперь не на круглолицых удмуртов, а на раскосых коми, спокойно смотрел со стены бетонного здания аэровокзала на то, как грузинские спекулянты потащили в аэровокзал ящики с фруктами, цветами и прочими дарами советских субтропиков.

Зигфрид помог своему новому «другу» Сосо тащить его ящики с пахучими мандаринами и хризантемами.

Едва они преодолели промороженное ночное пространство и вошли в аэровокзал, как в лицо им пахнуло волной спертого воздуха. В здании вокзала скопилось несколько сотен транзитных пассажиров: рабочие вахтовых смен и кавказские спекулянты фруктами и овощами. И тем и другим нужно было в Салехард: рабочим — на буровые и газопровод, а спекулянтам — на рынок. Но по приказу Шахунова Салехард уже вторые сутки был закрыт для пассажирских рейсов. В зимнее время нелетная погода и отмена рейсов — не редкость на Севере, потому рабочие привычно

спали вповалку — на полу, на подоконниках. А спекулянты не спали, нервничали: у них был скоропортящийся товар. Прибытие еще тридцати грузин вызвало у них взрыв смеха. Особенно потешались спекулянты из «братской» республики Армении: армяне и грузины любят друг друга примерно так, как бельгийцы датчан.

— На Мурманск занимайте очередь, генацвале! — крикнул прибывшим какой-то молодой армянин.

— Почему на Мурманск? — сказал другой. — Как раз грузины могут в Салехард лететь. У них в штанах ничего нету, рисковать нечем.

Взрыв хохота покрыл конец фразы.

Новоприбывшие растерянно смотрели по сторонам. Наконец какой-то старик сжалился над ними, прояснил ситуацию:

— В Салехарде духи тундры русским половые органы отрезают. Поэтому ни с Ямала, ни на Ямал никого не пускают, чтобы паники не было.

— Какие духи тундры? — спросил Сосо.

— А никто не знает какие, — сказал старик и показал руками в воздухе. — Духи, понимаешь? Они никакие! А русским яйца отрезают!

— Слава Богу! — сказал Сосо.

— Что — слава Богу? — не понял старик.

— Слава Богу, что он начал эту операцию, — сказал Сосо. — Обидно только, почему на Севере начал. Не мог в Грузии начать, с наших русских?!

Теперь расхохотались все: и грузины, и армяне. Конечно, никто и на йоту не верил в каких-то «духов тундры», но при «большой» любви кавказских народов к «старшему русскому брату» все охотно смаковали фантастические слухи о наказании русских таким «интересным способом».

Но Зигфриду было не до смеха и не до этих дурацких анекдотов о духах тундры. Он отошел от кавказской компании и с опустившимся сердцем вышел из аэровокзала налетное поле. Ситуация была безвыходной. Ханов, проснувшись, без труда выяснит, какие рейсы были в эту ночь из Ижевска, и, значит, нужно срочно, немедленно исчезнуть из Сыктывкара, но в расписании значится только один полет на ближайшие три часа: «Сыктывкар — Ижевск — Тбилиси» — тот самый, которым прилетел Зигфрид из Ижевска.

От сознания того, что он снова в западне, еще худшей, чем Затайка, у Зигфрида стало на душе как после тяжелой пьянки. Он осмотрелся.

Справа, в нескольких метрах от аэровокзала, стоял обутый в лыжи маленький двухмоторный

«Антон» с красной полосой по фюзеляжу. Возле самолета стоял грузовик с надписью «ПОЧТА». Какой-то молоденький парень, не то пилот, не то механик, в летном меховом комбинезоне бросал из кузова почтового грузовика мешки и какие-то ящики в открытую дверь самолета. Там чьи-то руки принимали ящики, заталкивали дальше в самолет.

Зигфрид медленно подошел поближе. Теперь он смог разглядеть на посылочных ящиках адреса назначения. «НОВЫЙ ПОРТ», «АМДЕРМА», «ДИКСОН»… Новый Порт — это на Ямале, километров 150 северней Салехарда…

Парень, грузивший почту в самолет, отер пот со лба.

— Закурить не найдется? — спросил он Зигфрида.

Зигфрид не курил и, кажется, впервые в жизни остро пожалел об этом.

— Сейчас! — сказал он парню. — Подожди минуту!

И бегом кинулся назад в аэропорт. По дороге уже вытаскивал из кармана пиджака советские деньги. Поскольку СССР нет ни кредитных карточек, ни системы расчетов чеками, Зигфрид, приезжая в Москву, всегда сразу менял десять

— пятнадцать сотен долларов на советские рубли и постоянно таскал в кармане толстую пачку советских банкнот Теперь, отделив от этой пачки две сторублевки, Зигфрид подбежал к Сосо. Тот, сидя на своих ящиках с фруктами, шумно играл с приятелем в нарды.

— Сосо, будь другом! — возбужденно сказал Зигфрид. — Продай мне мандарины, десять кило!

Сосо взглянул на него изумленно. Зигфрид соврал:

— Друга встретил! У его жены день рождения! И сигареты я у тебя видел американские — продай мне пачку, десять рублей дам за пачку!..

Через минуту он пробирался обратно к выходу с плетеной сумкой Сосо, набитой мандаринами, и с пачкой «Мальборо» в руке. Выскочив на летное поле, увидел почтовый самолетик. Оба двигателя уже работали, вращая пропеллеры, а молодой парень в летном комбинезоне, стоя в двери самолета втаскивал металлический трап. Зигфрид подбежал, протянул парню пачку «Мальборо».

— Держи! Бери всю пачку!

— Да ты что?! — удивился парень. — Нет, мне одну. Я курить бросил, потому у меня своих нет…

— Да бери всю пачку! Американские! — энергично совал ему Зигфрид редкие в СССР амери-

канские сигареты.

— Вот тля! — сокрушенно усмехнулся парень. — Ну как тут курить бросишь?! — Он закурил с явным наслаждением и сунул пачку сигарет в карман мехового комбинезона, спросил у Зигфрида: — А тебе куда лететь-то?

— В Новый Порт, — сказал Зигфрид и словно ненароком открыл сумку с мандаринами.

При виде этого субтропического «багажа» парень воровато огляделся вокруг — нет ли начальства или свидетелей. Затем сказал Зигфриду грубо и торопливо:

— Ну так садись! Живо давай! Фули ты стоишь?!.

Через минуту они уже взлетали в темное заполярное небо.

Зигфрид ликовал: было 6 утра, даже если Ханов поднимет сейчас весь КГБ СССР, кому придет в голову искать Зигфрида Шерца в Новом Порту, в ямальской тундре!

Когда самолет лег на курс, молоденькие летчики, пилот и механик, с аппетитом пожирая мандарины, сообщили Зигфриду:

— Повезло тебе, паря, с нами! Подфартило, друг! На Ямал сейчас и мышь не проскочит! Все перекрыто!

— Почему?

— А там полный бордель — ненецкое восстание! Не веришь? Бля буду! Несколько дней назад три зека дернули в побег из лагеря и по дороге прирезали в тундре каких-то геологов, поотрезали им уши и яйца. Нам сам начальник аэропорта рассказал! Но хохма в другом — хохма в том, что ненцы решили, будто это духи тундры подали им сигнал к восстанию, и по всей тундре стали наших русских резать. А в Салехарде даже два взрыва устроили. Но ни хера! Сегодня в Салехард наши десантники высадятся. Они там живо наведут порядок!..

И Зигфрида вдруг осенило: так вот почему его задержали в Ижевске, вот почему была Затайка со всеми ее неожиданными удовольствиями! На Ямале восстание! Но, черт возьми, это дурацкое восстание может сорвать открытие газопровода! Тем более ему нужно срочно в Уренгой, тем более! Он просто гений, что сбежал из Затайки! Если из-за этого восстания европейские банки не выплатят русским 9 миллиардов, то прощайте, миллионы! Нет, дудки, теперь его уже никакой КГБ не остановит!

Часть третья
Ледоход в декабре

28

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА

Срочно

Секретно

Салехард, окружному комитету КПСС

Для ликвидации беспорядков в нашем округе сегодня, 12 декабря, в Салехард прибывает авиадесантная дивизия имени Октябрьской революции под командованием генерал-майора Гринько.

Второму секретарю окружкома товарищу Рогову вступить в обязанности первого секретаря и мобилизовать партийную организацию города и все силы местного КГБ и милиции в помощь прибывающим в город войскам. Бывшего первого секретаря Петра Тусяду за самовольный уход с поста исключить из рядов КПСС.

Председателем партийной комиссии по ликвидации беспорядков назначен первый секретарь Тюменского обкома партии товарищ Богомятов.

А. Еремин, заведующий орготделом ЦК КПСС

Москва, Кремль,
12 декабря 1983 г.

29

В четыре часа дня кавалькада служебных машин и вездеходов под охраной трех бронетранспортеров Салехардского военного гарнизона отчалила от здания окружного комитета партии. Новый первый секретарь окружкома партии Владимир Рогов, начальник Салехардского управления КГБ майор Шатунов, начальник местной милиции полковник Синий и прочее начальство ехали в аэропорт встречать авиадесантную дивизию имени Октябрьской революции. Шатунов обещал по дороге в аэропорт забросить меня в гостиницу: в ночь расследования убийства Розанова я не спала ни минуты, потом были два утренних взрыва у зданий «Ямалгаздобыча» и «Северотрубопроводмонтаж», потом — нападение толпы рабочих на местное управление КГБ, и от всех этих переживаний и бессонницы я просто валилась с ног.

Над Салехардом висела полная и красная от мороза луна. Под ней в черном небе полярной ночи кружили над городом три вертолета и три «Аннушки» местной полярной авиации.

Но преступники даже во время двух утренних

взрывов не пытались выскочить из Салехарда.

И вообще в то утро из города не выезжал и даже не пытался выехать ни один вездеход, ни одна ненецкая нарта.

Мы катили по Салехарду, по его пустым, будто вымороженным улицам, мимо зданий, изгаженных надписями и рисунками. Обычно время с четырех до семи вечера — самое оживленное в городе. Открыты магазины, парикмахерская, столовая, почта, и на центральной, освещенной фонарями улице имени Ленина царит нормальная городская сутолока. Еще три дня назад здесь так и было, тем более что накануне торжественного открытия газопровода тресты «Ямалторг» и «Ямалпродснаб» выбросили в магазины, как это делается перед праздниками, импортную обувь, женское белье, мужские финские костюмы, транзисторные приемники и магнитофоны, а в продовольственных магазинах появились настоящее сливочное масло и даже куры! Конечно, салехардские улицы тут же заполнились людьми с санками, груженными увесистыми сумками с добытыми в очередях продуктами. И никакой буран не мог стереть улыбок счастья с лиц этих людей.

Мы победили, мы покорили тундру, и нам есть

теперь чем украсить праздничный стол!..

Но сегодня вся эта праздничная суета исчезла из Салехарда. Город был как в осаде — только вооруженные милицейские патрули, гусеничные вездеходы и… ненецкая детвора. Поскольку русские учителя и воспитатели интернатов не вышли на работу, дети безбоязненно шастали по центральным улицам, катались на санках, запряженных собаками, а некоторые даже цеплялись металлическими крючьями за вездеходы и с хохотом катили за ними по скользкой мостовой. 16-17-летние ненецкие подростки разгуливали по улицам в празднично нарядных малицах и кисах, осмеивая по-ненецки милицейские патрули и гэбэшные вездеходы. Что они говорили — почти никто из русских не понимал, но жесты их были красноречивы — при приближении патруля или вездехода они словно бы ненароком вынимали из висящих на поясе ножен красивые ножи с костяными рукоятками (неизменная принадлежность ненецкой национальной экипировки) и делали вид, что пробуют рукой острие — хорошо ли оно отточено. Конечно, надписи вроде «Русские — вон из тундры!» и «Духи тундры за нас!», а также кровоточащие мужские члены, пририсованные на праздничных плакатах, — это их работа…

Кавалькада машин остановилась у гостиницы «Север» — трехэтажного здания со свежепокрашенным к приезду европейских гостей фасадом и огромным фанерным транспарантом с алыми буквами:

«ПАРТИЯ – УМ, ЧЕСТЬ И СОВЕСТЬ НАШЕЙ ЭПОХИ!»

Шатунов вместе со мной вышел из машины, и мы вошли в гостиницу. Посреди пустого вестибюля в креслах сидели и играли в карты майор Оруджев и патрульный милицейский наряд — молоденький лейтенант милиции и два дружинника. У ног Оруджева дремали две привезенные из лагеря караульно-разыскные собаки.

Увидев Шатунова, милицейский наряд и майор Оруджев испуганно вскочили. Молоденький лейтенантик громко отрапортовал:

— Товарищ майор! Разрешите доложить! На вверенном мне объекте все спокойно, происшествий нет!

Шатунов хмуро кивнул на пустую стойку администратора:

— А где администратор гостиницы?

— Служащие гостиницы на работу не вышли, товарищ майор, — доложил лейтенантик и

добавил с улыбкой: — По домам сидят, забаррикадировались, товарищ майор. Духов боятся.

— Та-ак… — проговорил Шатунов. — А кто, по-твоему будет здесь военное начальство расселять? Пушкин? Живо вызови вездеход и — в объезд по домам! Чтобы через полчаса все были на местах! И во всех номерах чтобы белье было чистое! Здесь будет штаб дивизии, ты понял?

— Так точно, товарищ майор. Разрешите исполнять?

— Исполняй. — Шатунов проводил взглядом выскочивших из гостиницы милиционеров и повернулся к Оруджеву. Тот все это время стоял перед ним по стойке «смирно». — А ты почему не уехал? Тебе в лагере надо быть, а то у тебя там вообще все зеки разбегутся!

— Солярки нет, товарищ майор, — сказал Оруджев. — Ехать не на чем. Нас ни транспортная база КГБ, ни милиция не заправляют — на нас нет разнарядки. Мне даже мясо для собак не дают. Второй день собаки не кормлены.

— Не заработали твои собаки на мясо, вот и все! — сказал Шатунов. — Ладно, пока они будут собирать работников гостиницы, посидишь тут, поохраняешь. А потом я прикажу — дадут тебе солярку. И чтоб с глаз моих долой, в ту же минуту

понял?

— Слушаюсь, товарищ майор.

Шатунов вздохнул, обвел взглядом вестибюль гостиницы и молча вышел. Его «Волга» тут же умчалась в аэропорт встречать десантную дивизию, а мы с Оруджевым остались в гостинице одни. Я стала подниматься по лестнице на второй этаж. Даже спиной чувствовала на себе собачье-просительный взгляд Оруджева. Один мой жест, один поворот головы — и он бы взлетел по лестнице в мой номер. Но я не оглянулась. Все, что было между нами всего три дня назад в лагере № РС-549, там и осталось — на соломенном матраце в комнате для свиданий заключенных с их близкими родственниками. Но там был один Оруджев, а здесь — совсем другой. Пусть и за то, что было, скажет спасибо…

Я поднялась к себе в номер и на всякий случай дважды повернула ключ в замке. Не было сил принять ванну, я стряхнула с ног валенки, сбросила овчинный полушубок, стянула меховой комбинезон и плюхнулась в постель. Последнее, что я слышала, — тяжелый авиационный гул где-то в стороне, над Обью.

30

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ

Военной спецсвязью

Министру обороны СССР, члену Политбюро ЦК КПСС маршалу Дмитрию Устинову

от командира авиадесантной дивизии имени Октябрьской революции генерала В. Гринько

Согласно Вашему приказу сегодня, 12 декабря 1983 года, в 16.30 авиадесантная дивизия имени Октябрьской революции в составе трех десантных полков, двух отдельных бронетранспортных батальонов и Девяти вертолетных эскадрилий высадилась в аэропорту г. Салехарда.

Разобравшись в оперативной обстановке, я принял решение: окружить город кольцом имеющихся в моём распоряжении воинских сил и, постепенно сужая это кольцо, войти в город и обыскать каждый дом, оставив за городской чертой заградительные патрули и вертолеты-наблюдатели.

Выполняя это боевое задание, дивизия закончила операцию к моменту прилета из Тюмени первого секретаря Тюменского обкома партии тов. Богомятова и сопровождающих его лиц, т.е. к 20 ч 40 мин местного времени.

В результате проведенной операции арестованы:

– 42 спекулянта фруктами – все лица кавказского происхождения, находящиеся в Салехарде с целью продажи по спекулятивным ценам привезенных с Кавказа овощей и фруктов;

– 39 подростков в возрасте от 14 до 18 лет – все лица ненецкого происхождения, позволявших себе насмешки над проводимой операцией и другие антирусские выходки;

– 132 проститутки, проживающие в Салехарде без прописки;

– 7 лиц татарского происхождения, внешне похожие на одного из разыскиваемых преступников, а именно Т. Залоева (все семь выпущены на свободу после тщательной проверки милицией).

НЕСМОТРЯ НА ВСЮ ТЩАТЕЛЬНОСТЬ

ПРОВЕДЕННОЙ
ОПЕРАЦИИ, ПРЕСТУПНИКИ-УБИЙЦЫ В Г. САЛЕХАРДЕ НЕ ОБНАРУЖЕНЫ.

Совместно с прибывшим из Тюмени партийным руководством области, а также при участии руководителей местных органов КГБ, милиции и уголовного розыска приступаем к разработке операций по более широкому охвату Ямало-Ненецкого округа.

Генерал В. Гринько

Салехард, Штаб дивизии в гостинице «Север»

12 декабря 1983 г., 21 час 30 мин.

31

Поспать мне удалось ровно три часа, а потом гостиница наполнилась грохотом армейских сапог и голосами военных команд — в гостинице начал размещаться штаб прилетевшей десантной дивизии.

Поднявшись с постели, я вытащила из рюкзака хромовые сапожки, серую форменную юбку, офицерскую рубашку с галстуком и свой китель с погонами старшего лейтенанта милиции. Отутюжить их было негде, но, если слегка смочить морщины ткани водой, то на моей далеко не самой худшей в мире фигуре китель и юбка сядут в обтяжку, и все будет о'кей.

Я огляделась, подвела глаза, еще раз осмотрела себя в зеркале и спустилась вниз, в вестибюль.

Еще недавно пустой и тихий, он был теперь заполнен гулом мужских голосов, треском раций, державших непрерывную связь с кружащими над городом вертолетами, беготней вестовых и особым, чисто армейским запахом — сложной смесью мужского пота, кирзовых солдатских сапог, махорки и скрипучей кожи офицерских портупей.

В глубине вестибюля офицеры милиции и КГБ допрашивали арестованных грузинских и армянских спекулянтов фруктами, проституток, ненецких подростков, а также татар, похожих и не похожих на Залоева. Многие ненецкие подростки демонстративно отказывались говорить со следователями по-русски.

Ощущая на себе заинтересованные взгляды офицеров-Десантников — не зря я все-таки надела парадную форму! — я прошла через весь вестибюль к столу майора Зотова, козырнула:

— Следователь Ковина явилась в ваше распоряжение.

— Выспалась? — спросил он и, не дожидаясь моего ответа, посмотрел на четырех арестованных подростков — трех парней и девушку. Они стояли перед его столом, сузив свои и без того узкие глазки, бледные, набычившиеся. — Кто писал На стенах «Русские — вон из тундры»? — спросил их Зотов по-русски.

Ответом было молчание, Я перевела вопрос на ненецкий — за четыре года работы на Ямале я волей-неволей освоила этот довольно простой язык, хотя, честно говоря, так ни разу и не открыла подаренные мне когда-то Худей Вэноканом «Ненецкие сказки и былины».

— Ты думаешь, они не понимают по-русски? — усмехнулся Зотов. — Надписи-то русские, без ошибок. — И снова обратился к парням: — А зачем ножи понадевали?

Молчание. Я снова перевела вопрос.

— Ненцы всегда с ножами ходили, — ответил мне по-ненецки старший из парней. — Ненец без ножа не может в тундре, однако.

Зотов прекрасно понял ответ по-ненецки, но спросил все же по-русски:

— Здесь не тундра, однако. Здесь город. Зачем тебе нож в городе?

Молчание.

— Русские тебя из тундры в интернат привезли, грамоте научили, электрический свет дали, — сказал Зотов. — Чем тебе русские не нравятся? Я, например.

— Русские свет дали, а тундру отняли, однако, — усмехнулся самый младший, ему было лет 14.

— Они меня из тундры украли, привезли в интернат, в комсомол, а потом секретарь комсомола хотел меня в кабинете изнасиловать, — сказала девчонка, ей было лет 16, не больше.

В этом заявлении не было для нас ничего необычного. Каждую осень, перед началом нового учебного года, работники окружного отдела

народного образования летят на вертолетах к ненцам, пасущим оленей в самых северных, у Ледовитого океана, тундрах, собирают детей в интернаты. Ненцы ни в какую не хотят отдавать подростков старше восьми — десяти лет: они лучшие помощники и в оленеводстве, и в домашнем хозяйстве. Любой десятилетний ненчонок знает, как заарканить дикого оленя, как принимать отел у важенок, как найти в тундре сбежавшего оленя и массу прочего. Тогда работники отдела народного образования применяют простой, испытанный годами способ: спаивают упрямых родителей — и отца, и мать — водкой. А потом за дополнительные бутылки водки выменивают детей — по бутылке за подростка. Этих подростков свозят в интернаты Салехарда, Надыма и Уренгоя, и там местное комсомольское, а подчас и некомсомольское руководство позволяет себе порой баловство с юными неночками. Конечно, с точки зрения закона и 16-летняя ненка формально считается несовершеннолетней, но, с другой стороны, разве не сами ненцы выдают своих дочерей замуж в 13, а то и в 11 лет?! Вообще переспать с ненкой — до сравнительно недавнего времени у наших мужиков с этим не было никаких трудностей. Любой бывалый

сибиряк расскажет вам о ненецком ритуале гостеприимства: русскому гостю, остающемуся на ночь в ненецком чуме, хозяин сам подкладывал в постель свою жену — угощал. И даже оскорблялся, если «угощение» было отвергнуто. И еще каких-нибудь пятнадцать — двадцать лет назад женщины в ненецких становищах, увидев в небе вертолет русских геологов, выбегали ему навстречу с радостными криками: «Люча[8] прилетели! Жениться будем!..»

Но за последние годы ситуация стала меняться. То ли выросло новое поколение более-менее грамотных ненцев, то ли спрос на женщин неимоверно возрос в связи с притоком в Заполярье сотен тысяч холостых мужчин, и ненецкие девчонки узнали себе цену, а скорее, и то и другое вместе — и вот некоторые юные ненки из школ-интернатов перестали быть безотказными. Больше того! В нашем Уренгойском городском суде уже несколько раз даже разбирались иски на алименты несовершеннолетних ненецких мамаш к местным геологам и инженерам!..

Я взглянула на Зотова. Интересно, как он будет реагировать на заявление этой 16-летней нен-

---

[8] Примечания: 8
Люча — русские (ненецк.).

ки? Наверно, в другое время он тут же стал бы выяснять фамилию того распутного секретаря комитета комсомола, который пробовал соблазнить ее в своем кабинете. Но сейчас Зотов только устало махнул рукой:

— Ладно, пусть идут. Запиши ее фамилию, потом разберемся…

Я записала к себе в блокнот: «Аюни Ладукай, 16 лет, 8-й класс школы-интерната № 3, улица Гагарина, 9».

32

Все смолкло, когда в гостиницу вошел Богомятов. Черт возьми, все-таки лица руководителей нашей партии стали здорово меняться за последние годы. Разве можно сравнить лица Андропова, Алиева, Горячева с теми, кто был в Политбюро раньше?! Если сделать фоторобот типичного члена наших старых правительств, то есть сложить воедино лица Хрущева, Брежнева, Подгорного, Булганина и прочих, чьи портреты сопровождают меня с первой минуты моего появления на свет, то получится сытое, румянощекое, с двойным подбородком лицо, а глаза будут начисто лишены печати интеллекта, романтики или хотя бы элементарной воли. Помню, когда мне было лет 12–13, меня это очень огорчало. Мне хотелось, чтобы нашей страной, прокладывающей всему миру дорогу в светлое будущее, управляли красивые молодые мужчины — например, как киноартист Вячеслав Тихонов, который сыграл князя Болконского в «Войне и мире».

Первый секретарь Тюменского областного комитета партии Богомятов не был похож ни на князя, ни на киноартиста. Но это явно был чело-

век новой, нашей формации. То есть старше меня, конечно, пятидесятилетний, но уже не с хрущевско-брежневской расползшейся физиономией, а с умным, волевым, даже жестким лицом толкового руководителя. И одет он был не в коверкотово-стандартное пальто, а в современную, ладную, по фигуре, дубленку. Стремительной походкой он и его свита — руководители Тюменского областного управления КГБ и милиции — прошли через вестибюль и поднялись в номер-люкс командира авиадесантной дивизии генерала Гринько. Там секретарь Ямало-Ненецкого окружного комитета партии Рогов, майор Шатунов и полковник Синий должны были доложить Богомятову сложившуюся в Салехарде обстановку. Нас, простых следователей, включая Зотова, на это совещание, конечно, не пригласили.

Но я не успела почувствовать ни укола самолюбия, ни огорчения — в гостиницу вошел Расим Салахов — человек-легенда, геолог, который 22 года назад первым нашел нефть в Западной Сибири. Расим Салахов — это отдельная страница в моей биографии, и я бы сказала — особая страница. Теперь о нем снимают кинофильмы и пишут пьесы, теперь он начальник треста «Главтюменьнефтегаз», лауреат Ленинской премии и

Герой Социалистического Труда. Но еще восемь лет назад, когда я приехала в Тюменскую область на свою первую студенческую практику, он был лишь начальником одной из геологических экспедиций. Тогда у нас с ним дело чуть не дошло до постели только потому, что я была молоденькой 18-летней дурой, девственницей, которая трясется над своей невинностью. Но я до сих пор помню, как на таежной поляне над Иртышом, где воздух был тягучим от жаркого летнего зноя и таежных цветов, Салахов с кавказской горячностью укрывал меня своим телом, а я, судорожно сжимая ноги, стыдливо шептала: «Только не туда! Только не туда, прошу вас!..»

Конечно, если бы я выросла где-нибудь в Москве или в Париже, у меня, наверно, не было бы этого идиотского стопора — во всяком случае, в 18 лет его бы уже не было. Но, проучившись в МГУ лишь первый год, я все еще была провинциальной воронежской девушкой с крепкими ногами волейболистки, и он, Салахов, не вошел «туда», чего я не могу простить ему, кажется, до сих пор. А все остальное меж нами было, больше того — я сама тогда умирала от желания.

Салахов смеялся над моей «дурью» и, возможно, чтобы отвлечься от очередного приступа

желания, рассказывал мне историю открытия тюменской нефти и газа.

В горячечности тех белых летних ночей, в путанице мыслей и желания я почти не слышала его и ничего не запоминала, кроме отдельных урывков его 20-летних приключений в дикой сибирской тайге и ненецкой тундре. Кажется, еще в 30-е годы знаменитый геолог академик Губкин предсказал наличие нефти в Сибири. По каким-то идентичностям в строении Западно-Сибирской платформы с другими нефтеносными районами мира он вычислил, что в сибирской тайге должна быть нефть. Но где? В каком месте вести поиски? Этого академик не знал. А Сибирь огромна, один только Ямало-Ненецкий национальный округ по площади больше Франции. Правда, Салехард — не Париж, а тайга и тундра — не Булонский лес с гаревыми дорожками. Тридцать лет геологические партии бродили по непроходимой тундре, тонули в летних болотах и замерзали в полярной ночи. Тридцать лет государство выбрасывало деньги на разведывательное бурение скважин, которые не давали ничего, кроме опровержения теории знаменитого академика. Среди этих геологов-неудачников был молодой, двадцатитрехлетний геолог из Баку — Расим Салахов. На

своем кауром жеребце Казбеке он кочевал по тайге и тундре, кормил гнус своей молодой кровью, проваливался в болотах, дрался с рабочими — бывшими уголовниками (а кто еще работал тогда подсобными рабочими в таежных экспедициях?!) и с упрямством истинного кавказца «выбивал» в Москве новые деньги для новых экспедиций.

Но в 1960 году всему этому пришел конец. Министерство геологии закрыло поиски нефти в Сибири по причине полной бесперспективности. Последние энтузиасты-геологи покидали тайгу.

Баржи осенней навигации увозили из тундры бурильные станки и прочее громоздкое оборудование нефтеразведки. Лишь одну бурильную вышку не успели вывезти: лед сковал тундровую речку Плотьву. И, скрыв от своих рабочих приказ Москвы об эвакуации, Салахов заложил под Сургутом последнюю скважину — но совсем не там, где по законам геологии положено быть нефти. «Панимаешь, — говорил он мне с кавказским акцентом, — нефть легче воды, и геологи всегда находили ее в шапках нефтеносных сводов. А здесь не было нефти в этих шапках. Тридцать лет люди бурили скважины к этим шапкам, и — нету нефти, ничего нету! Но ненцы еще сто лет назад видели на озерах „жирные пятна“. Они считали,

что это „земля потеет“. А то была нефть, нефть! Ну вот я и решил бурить не по правилам, не в шапку свода, а наоборот — в самый нижний конец этого свода. Пять месяцев шло бурение, представляешь, пять месяцев! Зимой, без зарплаты, без хлеба, только оленину ели. Сколько раз рабочие хотели меня убить — у меня в палатке были канистры со спиртом, я за этот спирт оленину у ненцев выменивал. Ну а работяги хотели спирт — сразу все выпить… В марте 61-го года скважина взорвалась фонтаном нефти, бурильный станок упал, факел горящей нефти ревел над тундрой так, что шесть ненецких стойбищ от страха удрали в тундру, а мы плясали вокруг этого огня и мазали друг друга нефтью… Теперь из этой истории хотят сделать кино, ко мне даже прилетал какой-то писатель из Москвы, но черта с два они сделают все так, как было на самом деле! Черта с два они покажут в кино, как после этого фонтана меня полгода держали в КГБ и хотели пришить вредительство — мол, кто мне разрешил жечь нефть, народное достояние!..»

Мы сидели над Иртышом, Салахов, вспоминая прошлое, горько усмехнулся, а я гладила его черные, но уже с проседью, вьющиеся волосы, целовала его в жесткие усы, и через несколько

минут мы снова катались по зарослям жарков и иван-чая. Однако в сексе Салахов не был так несокрушимо настойчив, как в поисках сибирской нефти, и я уехала девственницей со своей первой студенческой практики. Через два года вышел фильм о Салахове, а затем и пьеса, но ни в кино, ни в театре не было, конечно, эпизода с КГБ. Не то писатель побоялся вставить этот эпизод, не то цензура вырезала…

Еще через два года я получила диплом юриста и — не без романтических мечтаний — попросила распределить меня на работу в Тюменскую область. Приехав в Тюмень, я узнала, что Салахов теперь — глава всех геологов Западной Сибири, начальник треста «Главтюменьнефтегаз», лауреат Ленинской премии. Куда было мне, одной из тысяч прилетевших в те годы в тайгу молодых специалистов, пробиться к такому высокому начальству! Да и по какому вопросу записаться к нему на прием? Доложить ему, что я уже не девственница, но что в студенческом общежитии МГУ я десятки раз мечтала по ночам снова оказаться с ним, с Салаховым, над Иртышом, на той поляне, полной жарков и иван-чая?…

Я пробыла в Тюмени неделю, вышагивая, как полная идиотка, все свободное от работы время

подокнами треста «Главтюменьнефтегаз». И дождалась — увидела, как Салахов подъехал к тресту на своей персональной «Волге». Он прошел в здание треста в трех шагах от меня — стремительный, как всегда. Конечно, он не заметил меня — мало ли прохожих на улице! Да и мало ли студенток-практиканток побывало с ним после меня на тех полянах — уж, наверно, не таких упрямых, как я! Ведь Салахов стал знаменитостью, героем фильмов и пьес…

Короче, в тот же день я подала начальнику Тюменского областного уголовного розыска заявление с просьбой перевести меня на работу в какой-нибудь новый и молодой тундровый поселок — подальше от Тюмени…

Теперь Расим Салахов — романтический герой моих девичьих снов — входил в вестибюль гостиницы «Север». Короткий овчинный полушубок, брезентовые брюки мехового комбинезона, унты из собачьего меха и совершенно седые, но по-прежнему жестко вьющиеся волосы пышной шевелюры над темными кавказскими глазами. За ним шли еще несколько человек — тоже, видимо, из тюменских, но я смотрела только на Салахова, и какая-то томительно-теплая волна нежности и горечи окатила меня с ног до головы.

— Ань торово, хасава![9] — весело и громко поздоровался он со всеми по-ненецки. — Ну что? Дают вам прикурить духи тундры?!

Конечно, только Салахов мог себе позволить ерничать в такой обстановке! Его тут же окружили местные начальники геологоразведочных направлений, которые к вечеру стекались сюда, в гостиницу, под разными предлогами, а на самом деле под защиту десантников. Он здоровался с ними за руку, шутил, хлопал кого-то по плечу, а затем в просвете меж фигурами увидел меня. Несколько томительно-длинных секунд он смотрел мне в глаза и вдруг, отодвинув кого-то рукой, пошел прямо ко мне. Мне показалось, что он в эти мгновения гладит меня взглядом по плечам, волосам, ресницам…

— Аня? — сказал он, подойдя.

Вблизи я увидела, как он постарел за эти годы. Морщины и морщинки прорезали лоб и лицо. И в глазах была усталость очень, очень пожилого человека.

— Зачем вы-то сюда приехали? — негромко спросила я.

— Ты ведь Аня, правда? — снова спросил он,

---

[9] Примечания: 9
Здравствуйте, товарищи! (ненецк.)

удивленно переводя взгляд с моего лица на мой мундир старшего лейтенанта милиции.

— Да, я Аня. Я теперь следователь. Но вы-то зачем сюда приехали?

Он словно разгадал суть моего вопроса.

— Я? — сказал он весело и громко, на весь вестибюль. — Я приехал поближе к ненецким духам. Уж если они кастрируют тех, кто открыл тут нефть и газ, то должны были начать с меня! Короче, я хочу в одиночку погулять по Салехарду. Чтобы доказать, что нет никаких этих идиотских духов тундры, и чтоб кончилась эта паника. А то уже по всему Ямалу люди перестали работать, но если ты хочешь — можешь составить мне компанию. Я не думаю, что женщина может испугаться духов. Пойдешь?

— Вы что? Серьезно?

— Конечно, серьезно! — сказал он мне негромко. — У меня третий день все экспедиции не работают. Люди бегут из Уренгоя, Тарко-Сале, Надыма. Ты представляешь, что это такое? Идешь?

Я пожала плечами. Может быть, он и прав. Может быть, для того чтобы покончить с общей паникой, начальству нужно действительно не прятаться здесь, в гостинице, под крылышком десантников, а выйти на улицы. Но только Салахов

мог додуматься до этого. Завтра по всему краю разнесется слух о том, что САМ Салахов свободно, без всякой охраны разгуливает по Салехарду и никакие «духи» его не трогают. Это отрезвит и русских, и ненцев…

Конечно, как атеистка, я не верю ни в какую мистику. И вообще, когда вокруг вас добрая сотня наших доблестных офицеров-десантников, вам сам черт не страшен, даже если бы его существование было доказано научно. Поэтому мы с Салаховым выходили из гостиницы как на лирическую прогулку, под шутки всех собравшихся.

— Ты взяла с собой пистолет? — спросил Салахов в двери.

— Да.

— Оставь его тут.

— Зачем?

— Оставь, я сказал.

Я вытащила из кобуры свой «ТТ» и на глазах десантников, следователей, геологов и арестованных ненецких подростков передала его Зотову.

— Чистота эксперимента — прежде всего! — сказал кто-то из геологов. — Но нужно проверить, захватил ли Салахов свое мужское снаряжение!..

На улице перед гостиницей рычали двигателями и курились сизыми дымами бронетранспор-

теры десантников. Но дальше улица была пуста и мертва. Мороз пощипывал лицо, снег скрипел под ногами.

— Трусишь? — спросил Салахов.

— Еще чего! — соврала я, потому что в действительности чем дальше отходили мы от гостиницы, тем неуютней становилось на душе.

Кажется, я начинала понимать людей, которые так легко ударились в панику. Можно быть хоть сто раз атеистом, но когда остаешься один на один с замороженным и вымершим городом, в темноте полярной ночи каждый шорох, каждая выскочившая из-за угла собака может показаться призраком, убийцей, духом тундры.

— Ладно, — сказал Салахов, взяв меня под руку. — Расскажи мне о себе. Ты давно в Салехарде?

— Второй день. А вообще я работаю в Уренгое. Уже пятый год.

— И ни разу не позвонила, не зашла… Ты замужем?

Мы пропустили кативший по мостовой патрульный броневик, потом я спросила:

— А вы женаты?

— Да, у меня уже трое детей. Догоняю упущенное. Ты не замерзла?

— Нет пока… Смотрите!

Необыкновенное северное сияние возникало над нами, над городом, над ямальской тундрой. Сколько бы раз вы ни видели это — привыкнуть к такому зрелищу нельзя. Темное небо вдруг стало как бы отлетать от земли — ввысь, ввысь, ввысь! И во всех концах этого огромного и разом светлеющего неба возникали широкие, сияющие, призрачно-замороженные, многоцветные полосы не то зыбкого огня, не то сияния. Они были похожи на светящиеся ленты, пляшущие по небу, меняющие высоту, тона, цвет. И все это — в полной тишине, беззвучно, будто действительно, как говорят ненцы, это духи умерших летают по небу…

Неживой, но меняющий краски свет этого сияния осветил низкие заснеженные дома Салехарда, его вымершие темные улицы и — прямо перед ними, на стене какого-то официального здания — большой красочный плакат с надписью:

«БОГАТСТВА
ТУНДРЫ – НАШЕЙ ЛЮБИМОЙ РОДИНЕ!»

Плакат был стандартным — под призывом был нарисован молодой рабочий с открытым и чистым русским лицом. Он стоял на фоне тундры,

а за ним разбегались по тундре буровые вышки. Но на этом плакате лицо рабочего было, обезображено все той же непристойностью: к его рту был пририсован кровоточащий мужской член. И корявыми, неровными буквами было написано:

«РУССКИЕ – ВОН ИЗ ТУНДРЫ!»

Салахов молча рассматривал плакат. За углом вдруг прозвучали топот ног, негромкие, будто придушенные, голоса и глухие удары. Мы с Салаховым, не сговариваясь, ринулись в ту сторону и, свернув за угол, увидели, что происходит.

При свете северного сияния под окнами рабочего общежития человек десять работяг били какого-то ненца. Ненец был низкорослый и скорей всего пьяный — он не кричал и не сопротивлялся. В своей глухой оленьей малице он валился от их ударов на землю, как куль, а они поднимали его и били зло и с удовольствием — кулаками, ногами. В окнах общежития стояли фигуры удовлетворенных зрителей.

Когда мы с Салаховым подбежали, избивавшие приняли нас за своих и раздвинулись, чтобы и мы могли внести свою лепту в это избиение. Но Салахов не стал, конечно, бить ненца, а схватил кого-то из работяг за ворот, спросил резко:

— В чем дело?

— А ни в чем! Бей его! — по инерции драки рвался к ненцу работяга, отдирая руку Салахова от ворота своего полушубка.

А остальные продолжали бить ненца. При этом кто-то из них удерживал ненца за малицу, чтобы тот не падал.

— Прекратить! — крикнула я.

Удивленные моим женским голосом (в зимней одежде бабу у нас легко подчас спутать с мужиком), они на миг оставили ненца, тот кулем упал на землю.

— Что он сделал? — спросил Салахов.

— Да ничего! Ненец, падло! Мы им покажем духов тундры теперь! — И работяга изо всей силы саданул унтом лежащего ненца.

В ту же секунду Салахов врезал этому мужику кулаком так, что тот, взбрыкнув ногами, упал на обледенелый дощатый тротуар.

— Ты чё своих бьешь, сука?! — ринулись к Салахову остальные, и я тут же пожалела, что оставила пистолет в гостинице.

— Стойте! Это — Салахов! — крикнула я им.

— А нам насрать — Салахов или кто! Мы ненца били — зачем он лез?! Мы их всех теперь передавим, гадов! Танками! Наши войска при-

шли! — кричали они в запарке.

Однако легендарное имя Салахова, которое знает в тундре каждый рабочий, удержало их уже сжатые для драки кулаки.

— А ты правда Салахов? Тот самый? — спросил кто-то, остывая.

— Тот самый… — проговорил Салахов, поднимая ненца с земли.

Глаза у ненца были закрыты, широкое скуластое лицо разбито, изо рта выплеснул фонтанчик крови, и голова, как у куклы, упала на грудь.

— Вы убили его, — сказал Салахов, опуская ненца на землю.

— Ну и хер с ним! — сказал тот, которого Салахов сбил с ног. Он уже поднялся. — Одним чучмеком меньше, по думаешь!..

Но слово «подумаешь» он договорить не успел — прямым ударом в зубы Салахов заставил его подавиться концом этого слова и снова брякнуться на мостовую, рядом с убитым ненцем.

— Ты что, начальник? Ошалел? — изумленно сказал один из работяг. И показал рукой на дважды битого: — Что он тебе сделал?

— Я тоже «чучмек»! — крикнул им всем Салахов, и я впервые в жизни увидела разъяренного кавказца. Он шел на них и кричал: — Я азербай-

джанец! Для вас, русских свиней, я «чучмек», как этот ненец! Ну! Кто будет меня бить? Ну!

— Ну, хорошо, хорошо, начальник, остынь!.. — отступали они, уворачиваясь от его кулаков. — Кто тебя имел в виду? Тебя же никто не трогал…

Но если бы я не вмешалась и не повисла на Салахове, он бы, пожалуй, довел их до новой драки. Но чему-чему, а схватить мужика сзади так, чтобы он не мог шевельнуться, — этому меня в милиции научили.

— Паскуды дешевые! С танками они сильны! — вырывался Салахов и вдруг крикнул мне: — Да отпусти ты меня, русская дура!

Я вздрогнула, как от пощечины, и выпустила его.

Он повернулся и сказал мне в лицо:

— Драть тебя надо было тогда, а не жалеть! Всех вас надо… — Он не договорил, пошел прочь.

А я снова пожалела, что оставила в гостинице пистолет. Впрочем вряд ли бы я решилась выстрелить в него. Салахова! К тому же эхо нового взрыва прокатилось в этот момент над Салехардом.

33

Из «БОЕВОГО ЖУРНАЛА» авиадесантной дивизии имени Октябрьской революции:

…Вечером 12 декабря, после вступления в Салехард боевых частей дивизии, местные рабочие в пьяном состоянии начали вылавливать и избивать ненцев. Зарегистрировано шесть случаев избиений со смертельным исходом и 23 – с нанесением тяжелых увечий.

В 22 часа 17 минут по местному времени двенадцатилетний ненецкий подросток, ученик школы-интерната № 3 Ваули Лыткой, поджег стоявший у гостиницы «Север» бронетранспортер, сунув в бензобак вездехода сверток тлеющей оленьей шкуры. Взрывом повреждено здание гостиницы, ранены семь солдат и два офицера. Сразу после этого избиения ненцев приняли массовый характер…

34

Мы подбежали к гостиница «Север», когда поднятая взрывом снежная пыль еще не успела осесть. В разных концах мостовой догорали куски взорванного бронетранспортера, тут же валялся рухнувший с фасада гостиницы транспарант

«ПАРТИЯ – УМ, ЧЕСТЬ И СОВЕСТЬ НАШЕЙ ЭПОХИ».

Из выбитых окон гостиницы выглядывали бледные лица партийных руководителей, солдаты тащили в гостиницу раненых.

В вестибюле десантники, геологи и милиция плотной толпой стояли вокруг дивана, на котором лежал 12-летний смертельно раненный ненецкий мальчишка. Вслед за Салаховым я пробилась сквозь эту толпу и увидела: у мальчишки осколками взорванного бронетранспортера были разворочены плечо и бок. Его старенькая вытертая малица была вся в крови. Военврач десантников выпрямился над ним и жестом отстранил санитаров: мальчишке уже никто не мог помочь — с его бледного широкоскулого лица

быстро исчезали последние признаки жизни. Но Худя Вэнокан, стоя перед мальчишкой на коленях, кричал ему:

— Зачем?! Зачем ты это сделал? Кто тебя просил?!

Мальчишка открыл свои узкие глаза и, как мне показалось, даже чуть улыбнулся.

— Ваули… — ответил он негромко.

— Какой Ваули?

Видно было, что мальчишка собирает дыхание для ответа. Мы замерли.

— Ваули Пиеттомин, — произнес он. — Он пришел.

Рядом со мной кто-то из офицеров-десантников спросил:

— Кто этот Ваули? Один из беглых?

— Это их национальный герой, — сказал Зотов. — Как Спартак. Двести лет назад поднял восстание против русского царя. Его поймали, он бежал с каторги, поднял еще одно восстание и погиб. Но ненцы верят, что он вернется…

— А те два взрыва — тоже ты? — спросил Вэнокан у мальчишки.

— Мы… — выдохнул мальчишка, и в этом коротком «мы» была гордость.

— Но зачем? Зачем?! — снова в отчаянии вы-

крикнул Вэнокан.

— Потому что я… — слабым голосом выдохнул мальчишка. — Я — Ваули. А ты… — Он, собрав последние силы, явно хотел плюнуть Худе в лицо. Но сил не хватило — кровавый плевок застыл на его губах, и глаза у мальчишки закрылись.

Врач взял его руку, нащупал пульс.

— Все, — произнес он через несколько секунд.

Худя Вэнокан встал, обвел нас всех своими узкими и почти белыми глазами. Казалось, он сейчас крикнет нам что-то, скажет. Но он, не проронив ни звука, медленно, тяжело и вразвалку, как все ненцы, прошел сквозь расступившуюся толпу к выходу из гостиницы на улицу.

В наступившей тишине четко прозвучали слова дежурного по штабу офицера. Держа в руках какие-то радиограммы, он подошел к командиру авиадесантной дивизии генералу Гринько, козырнул и сказал:

— Товарищ генерал, разрешите доложить. Авиация сообщает: в тундре, в районе Анагури, Нугмы и Юнарты горят три буровые. На радиозапросы ни одна из этих буровых не отвечает…

Горят три буровые! В другое время даже одного пожара было бы достаточно для всеобщего переполоха. Но сейчас это сообщение не произвело

на нас особого впечатления. Только Шатунов вздохнул и сказал:

— Началось. Этого я и боялся…

Озера Анагури, Нугма и Юнарта были в разных концах ямальской тундры, в трехстах и даже четырехстах километрах на север от Салехарда, и, конечно, не могло быть и речи о том, что эти поджоги совершены беглыми зеками. Они лишь подожгли бикфордов шнур веками сдерживаемой ненецкой ненависти к нам, русским.

Я видела, как Салахов, побледнев, подошел к генералу Гринько, сказал:

— Свяжите меня с вашими летчиками, которые видят эти пожары.

— Зачем? — спросил генерал.

— Если горят только буровые вышки, это полбеды, но если произошел выброс газа…

— Я думаю, туда нужно лететь во всех случаях, — сказал генерал и повернулся к какому-то моложавому полковнику: — Три эскадрильи поднять по боевой тревоге!

35

Четкости работы десантников может позавидовать кто угодно. Уже через несколько минут военные вертолеты поднялись в салехардском аэропорту и взяли курс на Анагури, Нугму и Юнарту. При этом три огромных вертолета «Ми-10» «присели» прямо возле гостиницы на заснеженную деревянную мостовую, забрали следственные бригады и всевозможное начальство, включая Шатунова, Салахова и Зотова. Но ни в одну следственную бригаду по выяснению причин пожара на буровых меня не включили. Зотов, пряча глаза, сказал мне:

— Детка, ты устала за эти дни как лошадь. И кроме того, нужно срочно выяснить, кто распускает среди ненцев слухи о том, что их Ваули Пиеттомин вернулся.

— Для этого есть Худя Вэнокан, — ответила я, обозлившись. — Это его район, пусть он и выясняет. Тем более что он ненец.

— Я ему не доверяю, — сказал Зотов.

— ?!

— Ты видела, что с ним было, когда умер этот мальчишка? Нет, лучше ты займись этими слуха-

ми о Ваули. Кто их распускает? Зачем? Пройдись по интернатам, ты же знаешь ненецкий. Тебе, как женщине, дети скорей расскажут…

Конечно, это поручение было просто так, чтобы не брать меня на горящие буровые. Хотя ясно, что там произошли преступления похлеще поджога бронетранспортера каким-то мальчишкой, но этим, мол, займемся мы, мужчины, а ты посиди в Салехарде, пошпионь за ненцами…

Похоже, Зотов прочел все это в моих глазах, поскольку добавил поспешно:

— А если на буровых будет что-то интересное, я тебя вызову, детка, ей-богу!..

Я презрительно хмыкнула и ушла в гостиницу к себе в номер.

Там я плюхнулась на кровать и разревелась. Нет, вовсе не потому, что Зотов не взял меня с собой на расследование причин пожара на буровых. А потому, что случилось у меня с Салаховым два часа назад. Впрочем, даже пореветь по-человечески было невозможно: сквозь выбитое взрывом окно задувало 30-градусным морозом. Я встала с постели, отерла слезы и подошла к окну, чтобы заткнуть его подушкой. За разбитым окном, ревя двигателями, взлетел последний «Ми-10». Сволочи! Все сволочи! И Зотов, и Сала-

хов, и Худя Вэнокан, и вообще — все!

Я открыла рюкзак и вытащила свой «НЗ» — бутылку «Столичной». Налила полстакана и залпом выпила.

Теперь можно было продолжать работу — выполнять зотовское поручение. Двенадцатилетний Ваули Лыткой, который поджег бронетранспортер, был учеником школы-интерната № 3. Я открыла свой блокнот. Судя по моим записям, в этом же интернате жила и 16-летняя Аюни Ладукай, которая заявила мне и Зотову, что ее пытался изнасиловать какой-то секретарь комитета комсомола. Что ж, вполне приличный повод навестить эту Аюни, а заодно и весь интернат.

36

Толстый щенок, смешно переваливаясь на еще нестойких ногах, обрадованно подбежал ко мне из глубины школьного коридора, едва я открыла дверь школы-интерната № 3. В безлюдном коридоре, наполовину заставленном ученическими партами, гулко звучал высокий мальчишески-ломкий голос:

…И как волки на добычу,
Потекли тогда потоки
Русских орд на нашу землю.
Оттесняя нас все дальше,
Дальше к Морю Ледяному,
Отбирая наши земли,
Наши реки, нашу рыбу,
Зверя, птицу и оленей
И насилуя повсюду
Наших жен, сестер и дочек…[10]

---

[10] Примечания: 10

Здесь и далее — подлинные стихи из ненецкой баллады XIX века «Янгал-Маа». Баллада на русском языке была опубликована только один раз — в 1933 году.

«Та-а-ак! Ничего себе стихи», — подумала я, прикрыла за собой входную дверь и осторожно, чтобы не наступить на глупого щенка и не задеть сваленное в коридоре барахло: унты, малицы, продырявленный глобус и т.п., — двинулась в глубину коридора, к двери какого-то класса, откуда доносился этот мальчишеский голос:

…Слушай, слушай, бог Великий, –
Это голос всех народов,
Всех народов подневольных,
Истомленных тяжкой ношей –
Беспрерывною борьбою
За свое существованье…

Я заглянула в приоткрытую дверь. Это был обычный школьный класс, из которого, видимо, только что выбросили в коридор парты. Но классная доска осталась, на ней мелом было начертано:

«ДОЛОЙ РУССКИХ ОККУПАНТОВ!!!»

Под классной доской стоял невысокий узкоглазый мальчишка лет тринадцати, держал в руке точь-в-точь такую книгу, какую когда-то подарил мне Худя Вэнокан, — «Ненецкие сказки

и былины», — но читал наизусть, не заглядывая в книгу:

…Сам ты знаешь, бог Великий,
Как пришли чужие люди
В нашу землю:
Рус пришел с огнем пушканов,
Топором и зельем смерти,
Он пришел с попом-пронырой.
Рус был вор – он крал железом,
Поп – крестом и сладкой речью…

Однако самым примечательным в этом классе были не мальчишка-декламатор и даже не кощунственно обезображенный портрет Ленина на стене, а слушатели. Они сидели прямо на полу, плотно, тесно — человек двести. Совсем дети — лет по 8-10 и старшие подростки — 16, 17 и 18-летние. В распахнутых от жары оленьих ягушах, длинноволосые, широкоскулые, узкоглазые. Их фигуры были словно одним движением наклонены вперед — к чтецу-декламатору. И глаза были прикованы только к нему.

…Эти русские отряды
Покорили нас железом,

Умертвили всех старейшин
И поставили над нами
Лиходеев и бандитов
Суд творить, чинить расправу,
Собирать ясак тяжелый
И бесчестить наших женщин!
И теперь все наши жены
Нас рожают слишком слабых,
Как щенят седьмых, последних,
Старой сукою рожденных, –
Слишком слабых для сраженья
За свободу…

Тут произошло нечто неописуемое. Дикий и гневный крик «НЕ-Е-ЕТ!» вдруг вырвался изо всех ртов. Часть зала вскочила в бешенстве, кто-то бросился к мальчишке-декламатору, выхватил у него из рук книгу, вырвал из этой книги страницу и гневно порвал ее на клочки, крича:

— Все! Хватит! Так было раньше! Теперь — все! Ты отсюда читай! — Он показал мальчишке текст на другой странице.

Мальчишка поднял руку, призывая к тишине. Но зал еще бушевал гневными выкриками. Тогда, словно опытный оратор, мальчишка сказал

совсем тихо:

«Нут и шар» – Клянусь медведем!
Я хочу, чтоб каждый ненец
Крикнул громко и победно:
«Смерть коварным чужестранцам!..»
«Нут и шар!..»

Уже после первых двух строк зал утих. А после жесткого, спокойного, с узкими глазами произнесенного: «Смерть коварным чужестранцам!» — зал уже говорил вместе с мальчишкой — хором:

«Нут и шар» – Клянусь медведем!
На земле Ямала будут
Все народы вновь свободны!
«Нут и шар!..»

Они вскочили, их глаза горели, их широкоскулые лица пылали. Среди них я узнала 16-летнюю Аюни Ладукай. Конечно, ни о каком разговоре «по душам» с ней не могло быть и речи — вместе со всем залом она клялась:

«Нут и шар» – Клянусь медведем!
Страшно будет! Вы не бойтесь!

Будет смерть, пожары, голод;
От старухи – алой смерти,
Как испуганные волки,
Бросив все, покинув тундру,
Побегут за горы люди –
Люди русские от смерти!
«Нут и шар!..»

Над этим громким хором взлетал высокий и ломкий голос мальчишки-декламатора:

«Нут и шар» – Клянусь медведем!
Вижу зарево пожаров,
Гарью пахнет, ночь настала,
Дым застлал, как тучей, небо –
Это русские бандиты
Из туманов убегают!..

Он словно ввел себя в транс, в экстаз шаманства. Трясясь всем телом, он выкрикивал свои пророчества:

«Нут и шар» – Клянусь медведем!
После этого настанет
Время новое, иное,
Время правды и свободы

От проклятых Богом русских!..

— Бубен! Тащите ему бубен! — крикнул кто-то.

Сидевший у двери подросток вскочил, ринулся в коридор и… наткнулся на меня. Я не успела ни отскочить в сторону, ни спрятаться за дверью — я была обнаружена, и на секунду все смолкло и застыло, как в мертвой театральной паузе. Но уже в следующее мгновение они узнали меня, и рев голосов сотряс всю школу-интернат:

— Русская! Шпионка! Лягавая! Держи ее! — Старшие, лет по восемнадцать, парни бросились ко мне, и по их узким глазам я поняла, что тут не до шуток и не до слов. Я выхватила пистолет.

— Стой! Стрелять буду!

Парни остановились.

Я стала медленно, спиной отступать назад по коридору.

Но коридор был загроможден разбитыми школьными партами и прочим школьным инвентарем, отступать но прямой было трудно, а под ногами путался этот дурацкий щенок. Вдруг из-за спин взрослых парней выступил мальчишка-декламатор и пошел прямо на меня, декламируя в упор:

Ну стреляй! Стреляй, паскуда!

Мало вам ненецкой нефти?
Мало вам мехов ненецких?
Мало вам ненецкой рыбы?
Пусть же кровь моя прольется!
«Нут и шар!» Стреляй, паскуда!..

Он был явно в том трансе, в который когда-то вводили себя ненецкие шаманы. Но не могла же я стрелять в мальчишку! Я повернулась и побежала к выходу.

Кожаное лассо-аркан настигло меня у самой двери, петля захлестнула шею. Что-что, а метнуть аркан так, что даже здоровый бык-олень падает на всем скаку, — это ненецкие подростки умеют с детства. Я почувствовала резкий рывок, словно меня подсекли за горло, и, теряя сознание, рухнула на пол.

37

«Вижу зарево пожаров» — то пророчество маленького шамана из интерната № 3 сбывалось в ту ночь с устрашающей быстротой.

Из
«СРОЧНОГО
ДОНЕСЕНИЯ ПАРТИЙНОЙ КОМИССИИ ПО ЛИКВИДАЦИИ
БЕСПОРЯДКОВ В ЯМАЛО-НЕНЕЦКОМ ОКРУГЕ СОВЕТСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ И ПОЛИТБЮРО ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС»

…Приблизиться к буровым площадкам и произвести высадку десантов невозможно: на всех трех буровых горят газовые факелы высотой 220–275 метров, диаметр горящих газовых воронок – 45–85 метров. В радиусе 400–700 метров вокруг факелов растаяли вечная мерзлота, болота и озера. Облет горящих буровых показал, что все оборудование, включая бурильные вышки, а также все рабочие-бурильщики либо сгорели, либо утонули

в оттаявшей вечной мерзлоте и болотах.

Поскольку на местах бывших буровых бушует пламя, следственные бригады не в состоянии определить, кем и как были совершены поджоги. Однако об умышленном характере этих поджогов говорит факт их одновременного возникновения Б разных концах ямальской тундры. К 4.15 утра поступили сообщения об аналогичных пожарах на буровых в районах озера Мириги, на реке Хайде и возле поселка Каменный.

По подсчетам специалистов-геологов, в этих горящих фонтанах ежеминутно сгорают тысячи кубометров газа, но погасить факелы можно лишь с помощью бурения наклонных скважин, которые отведут газ от устьев горящих фонтанов. Бурение таких скважин займет не меньше 3–4 месяцев.

Одновременно с возникновением пожаров наблюдается массовое бегство рабочих из тундры, что привело к остановке бурильных работ, замерзанию глинистого раствора в скважинах и выходу из строя двадцати двух буровых.

Ежедневные убытки исчисляются в миллионы рублей, а слухи о «белом терроре тундры» грозят вообще парализовать все русское население края, спровоцировать восстания в лагерях заключения и сорвать введение в строй газопровода «Сибирь–Западная Европа».

По предположению руководства местного КГБ и милиции, поджоги буровых совершаются коренными жителями края – ненцами под влиянием слухов о возрождении Ваули Пиеттомина, который в прошлом веке дважды руководил антирусскими восстаниями ненецкого народа. Однако не исключено, что побег трех заключенных из лагеря № РС-549, зверские убийства руководителей строительства газопровода и георазведки, взрывы в Салехарде и поджоги буровых – не исключено, что все это является заранее спланированной акцией американской разведки с целью срыва пуска газопровода «Сибирь–Западная Европа».

Учитывая вышеизложенное, партийная комиссия полагает, что одной авиадесантной дивизии имени Октябрьской

революции ЯВНО НЕДОСТАТОЧНО для немедленного наведения порядка в округе. Комиссия считает, что во избежание тотального бунта ненецкого населения, распространения этого бунта в Ханты-Мансийском, Таймырском, Эвенкийском и других соседних округах, населенных северными национальными меньшинствами, а также во избежание восстаний в лагерях заключенных и угрозы разрушения газопровода и газопромыслов необходимо немедленно перебросить в Ямало-Ненецкий округ дополнительные воинские части, занять этими частями все без исключения населенные пункты округа и пресечь местному населению все возможности передвижения по Ямалу…

Председатель партийной комиссии, первый секретарь Тюменского обкома партии Богомятов

Салехард,

13 декабря, 5 утра по местному времени

38

Я пришла в себя от знакомого сочетания боли и наслаждения. Совсем рядом, буквально возле уха, громко и ритмично бил бубен, и в такт этим ударам чужая мужская плоть с силой входила в мое тело, вызывая и боль, и сексуальную истому. Я рефлекторно дернулась всем телом, чтобы выскочить из-под насильника, и только теперь поняла, что происходит.

Я лежала абсолютно голая на каком-то столе: руки, ноги и голова были жестко привязаны к этому столу узкими кожаными ремешками, на глазах — темная плотная повязка, а во рту — кляп. Я не могла шевельнуться, не могла кричать и не видела, кто меня насилует. Только по весу налегающего на меня тела, да еще по тому, что финал наступил очень быстро, я поняла, что это был мальчишка лет 15.

— Следующий, — сказал девичий голос по-ненецки.

Я ужаснулась: неужели они все здесь — вся школа-интернат, даже девчонки?..

Очередной мальчишка вошел в мое тело и, не слушая ритма бубна, кончил буквально через

секунду — мальчишке было, наверно, лет 12…

— Следующий!

Теперь нечто огромное, как у слона, вламывалось в меня, буквально разрывая внутренности. Кажется, даже сквозь тряпичный кляп прорвался мой вскрик. Но боль утихла так же мгновенно, как возникла, поскольку он выплеснул в меня обжигающую жидкость еще раньше, чем целиком вошел в мое тело…

— Следующий!

И вдруг сквозь все те же ритмичные удары бубна негромкий мальчишеский голос, знакомый голос маленького шамана-декламатора.

— Я не хочу… — сказал он по-ненецки.

— Что?! — взвился от возмущения девичий голос.

— Я не буду, однако…

— Ах ты, е… твою мать! — на чисто русском языке выругался этот девичий голос. — А нас русские мужики могут е…?! Мне уже два аборта сделали! Окку на тот свет отправили! А ты, трусливый сын вороны, русскую бабу боишься тронуть? Ну-ка, где твой хотэ? Сейчас ты все сможешь, однако. Зря меня русские учили, что ли?

Я не видела, что происходило дальше, я только слышала многоголосый хохот и все те же удары

бубна. А через полминуты, не больше, очередной мальчишеский «хотэ» вошел в мое тело и тут же опростался.

— Следующий!

Я поклялась себе, что, если останусь в живых, убью эту девчонку. Остальных — тоже. Но ее — первую.

Удары бубна разламывали мозг.

Еще одна тоже почти моментальная инъекция спермы — я уже потеряла им счет…

Собственно, именно эта неспособность мальчишек к длительному сексу спасла меня в тот вечер от увечий, или, как пишут в судебно-медицинских заключениях, «повреждений внутренних органов». Подростки просто выплескивали в меня свою влагу, накопленную ими в разбухших от похотливых мальчишеских снов мошонках, и стол под моими ягодицами был уже весь мокрый. Наверно, эта влага пролилась даже на пол — я вдруг услышала глухой удар и жалобный визг щенка, отлетевшего куда-то в сторону. И тот же девчоночий голос распорядился:

— Уберите собаку, однако! А то привыкнет сперму лизать!..

Бил бубен.

Очередной «хотэ» вошел в мое тело.

Над ухом прозвучал голос все той же девчонки:

— Ну что, русская собака? Нравится тебе, однако? Вы нас вот так триста лет е… Хорошо? Меня тоже так…

Она не договорила: издали послышалось хлопанье дверей, топот бегущих ног и голос Худи Вэнокана!

— Прекратить! — орал он.

Бубен смолк. Я не видела, что происходит, я только поняла, что пришло запоздалое спасение и что можно расслабиться, впасть в забытье. «Еще бы лучше, — подумала я, — потерять сознание час назад и не понимать, что Худя Вэнокан, тот самый Худя, который был по уши влюблен в меня пять лет назад, видит теперь меня голую, изнасилованную мальчишками, привязанную к какому-то столу…»

Я не потеряла сознания. Я ждала, что сейчас от голоса Худи эти подростки бросятся врассыпную, но нет — и этого не произошло. Я только почувствовала, что руки мои, голова и ноги стали освобождаться от ремней — Худя, обходя стол, перерезал ремешки одним резким движением острого ножа.

И при этом кричал:

— Зачем?! Зачем вы сделали это?! Вас же всех посадят!

Почувствовав, что тело мое уже свободно от ремней, я медленно повернулась на бок и поджала ноги, сворачиваясь клубком. Худя вытащил кляп у меня изо рта и ножом перерезал закрывающую глаза повязку. Я не кричала, не плакала, меня просто била дрожь и ужасно хотелось пить. Но даже попросить воды не было сил. И не хотелось открывать глаз, не хотелось видеть, знать, жить… И все-таки я видела и слышала.

К Худе Вэнокану подошла та самая 16-летняя Аюни Ладукай, которую несколько часов назад мы допрашивали с Зотовым в вестибюле гостиницы. Она подошла к Худе и сказала голосом, который я теперь не спутаю ни с одним другим голосом в мире:

— Мы отомстили за Окку! Ты же не мужчина — сам не можешь русским отомстить. Наоборот, служишь им, как пес, однако! Тьфу!..

Я не знаю, кому предназначался этот плевок — мне или Худе. Наверно, нам обоим. Но я хорошо помню, что Худя вообще не ответил этой девчонке. Он нагнулся, поднял мою одежду, валявшуюся на полу, и заглянул в кобуру моего пистолета. Кобура была пуста.

— Отдайте ее пистолет! — сказал он жестко.

Так жестко, что кто-то из мальчишек без пререканий отдал ему мой пистолет. Худя вложил его в кобуру, потом закутал меня в мой полушубок, поднял на руки и вынес из школы-интерната на улицу.

— А русского суда мы не боимся! — крикнул кто-то нам вслед. — Дальше тундры тюрьмы все равно нету!..

Тридцатиградусный мороз ожег мне дыхание и заледенил голые, торчащие из-под полушубка колени. Но и освежил голову, привел в себя. Я разревелась, уткнула голову в грудь Худе. Держа меня на руках, он ускорил шаг.

На пустой ночной улице не было никого — Салехард выглядел замороженным.

39

Худя принес меня к себе домой. Он жил в трех кварталах от интерната, на втором этаже бетонно-свайного дома, в крохотной однокомнатной квартирке — чистой, застеленной оленьими шкурами и с книжными полками во всю стену. Мебели в комнате не было никакой, только шкуры на полу, как в чуме, да посреди комнаты стояла, заменяя, наверно, очаг, самодельная печка-голландка с жестяной трубой, уходящей в форточку…

Худя пронес меня через комнату в ванную, посадил там на табуретку, включил горячий душ и вышел, закрыв за собой дверь. Я сбросила полушубок, заставила себя встать с табуретки и шагнула под душ. Но и стоять не было сил, я села в ванну и слушала, как течет, течет по телу теплая, согревающая и оживляющая вода. Я сидела не двигаясь, как мумия, как истукан. Только из глаз сами собой текли слезы. Душ смывал их с лица.

Минут через десять Худя обеспокоенно постучал в дверь ванной.

Я не ответила, даже не шевельнулась — мне было все безразлично, я словно отупела до пол-

ной глухоты и слепоты.

Он открыл дверь в ванную, увидел, как я сижу без движения под душем в уже переполняющейся ванне — просто сижу и реву беззвучно. Он подошел ко мне и стал мыть меня мылом и мочалкой, приговаривая негромко:

— Ничего… Ничего, однако… Забудь про это… Этого не было… Хочешь, я тебе сказку расскажу? Нашу, ненецкую. Про то, как мышонок со всем миром разговаривал. Вот слушай. Была у мышонка норка на самом изгибе реки. Весной вышло наконец солнце в небо и стало всю землю греть. На земле снег начал таять, а на реке — лед. И поплыли по реке льдины, друг на друга наскакивают и так трещат от ударов, как будто гром гремит или кто-то из ружья стреляет, однако. Испугался мышонок, вылез из норки и сказал: «Эй, льдины! Плывите подальше! А то норку мою разломаете!» А тут льдины заговорили, сказали: «Эй, мышонок! Ты что там разговорился?! Мы льдины! Уж если мы понеслись по реке, никто нас не остановит и никто не прикажет, где нам плыть! Будут чьи-то норки на нашем пути — мы и норки разломаем!» Тут мышонок сказал: «Эй, вы, льдины! Что вы о себе воображаете, однако! Вот выбросит вас на берег, тут вас солнце и растопит…»

Я знала эту ненецкую сказку — ее очень часто передают по радио. Мышонок по очереди разговаривает со льдинами, солнцем, облаками, горами и так далее, защищает свою норку. Но сейчас у сказки появился второй смысл, подтекст, — про сокрушительное движение льдин, которое уже ничто не остановит… Впрочем, эта мысль пришла и исчезла, забылась или затерялась на краю сознания — скорее всего потому, что от теплого и чуть хрипловатого голоса Худи, от прикосновений к моим плечам, спине и лопаткам его грубых, шершавых, но таких осторожных рук мне стало уютно и трогательно, как в детстве. И с каким-то неожиданным для себя порывом я вдруг повернула голову, поймала у себя на плече его руку и прижалась к ней щекой. Так в детстве я прижимала у себя на плече руку отца…

— Как ты оказался в интернате? — спросила я.

— Я обходил все интернаты. Наши дети остались без присмотра, ведь все воспитатели разбежались. Я просил детей остановиться, перестать взрывать машины и бронетранспортеры…

— А где твоя дочка?

— Она в тундре, у моих родителей…

Потом, закутанная в простыни, укрытая медвежьей шкурой, я лежала в его комнате, на полу,

на оленьих шкурах. Кровати у Худи не было. Все-таки он, как все ненцы, предпочитал спать на полу, несмотря на все его студенческие попытки привыкнуть спать в кровати.

Я полулежала на шкурах. Худя поил меня из блюдечка крепким чаем, а в печке-голландке уютно потрескивали дрова…

…Вспоминая об этом сейчас, я думаю о полной нелогичности моего поведения. Казалось бы, придя в себя от этих; унижений, от насилия, я, «уренгойская овчарка», должна была немедленно мчаться в гостиницу, в штаб десантной дивизии, взять роту десантников и арестовать, к чертовой матери, весь интернат, всех этих ненецких подростков! А я лежала и пила чай из рук Худи. Почему? Да очень просто! Могла ли я прийти в штаб дивизии или в управление уголовного розыска и сказать: «Только что меня изнасиловали ненецкие подростки!» Как сказать такое? Кто решится? При всем том, что и закон, и официальная общественная мораль на моей стороне, я все равно стала бы посмешищем в глазах всего Салехарда и Уренгоя.

Именно из-за этих насмешек, из-за презрительного отношения публики к жертве насилия тысячи, десятки тысяч женщин и молодых дев-

чонок в рабочих общежитиях Севера, да и по всей стране, не приходят в милицию или даже в больницу после изнасилований. Любопытную статистику преподнес нам как-то на следственной практике прокурор Москвы Мальков: 70 процентов женщин, заявивших в 1979 году о совершенных над ними насилиях, были… проститутки, сводившие таким образом счеты со своими клиентами или любовниками.

А нормальной женщине легче перетерпеть, перестрадать факт насилия, чем открыто выставить себя в качестве жертвы на публичное — что? обозрение? Нет, почти всегда — на тайное осмеяние… В угаре оглушающих пьянок в мужских и женских общежитиях молодых покорителей Севера нет ночи без насилия, чаще всего — группового, но даже от жертвы группового изнасилования вы не добьетесь правдивых показаний…

Теперь я сама попала в число женщин, скрывающих насильников от правосудия. Но, ей-богу, я не думала обо всем этом в ту ночь в квартире Худи Вэнокана. Я вообще ни о чем не думала. Я просто пила горячий чай из рук Худи и почти натурально ощущала себя маленькой обиженной девочкой, а не следователем уголовного розыска.

Худя сидел передо мной на полу, поджав под

себя ноги по-ненецки, наливал чай в блюдце и подносил к моим губам. Я пила, полузакрыв глаза, и вместе с крепким горячим чаем отходило сердце и успокаивалась боль внизу живота. Негромкий Худин голос звучал неторопливо; как все ненцы, Худя смягчал «д» почти до «т», и был в этом еще какой-то дополнительный шарм, как будто не взрослый мужчина, а ребенок рассказывает вам увлекательную историю, уводя от боли, салехардских взрывов и насилий…

— Когда я был еще совсем малышом, однако, — говорил Худя, — мой дед Ептома часто рассказывал нам про одну страну. Если пройдешь льды, идя все к северу, говорил он, и перекочуешь через стены ветров кружащих, то попадешь к людям, которые только любят и не знают ни вражды, ни злобы. Но у тех людей по одной ноге, и каждый отдельно не может двигаться. Но они любят и ходят обнявшись, любя. Чем больше любят, тем крепче обнимаются и тем лучше могут ходить, и даже бежать быстрей ветра. Но если они перестают любить, то сейчас же перестают обниматься и умирают. А когда они любят, они могут творить чудеса. Так говорил мой дед. И я все мечтал пойти на север, перекочевать через стены ветров кружащих и найти ту страну, где нет ни

вражды, ни злобы, а только любовь… Ты спишь?

— Нет, Худя. Расскажи еще что-нибудь… — Я дотянулась рукой до его руки и погладила эту руку. — Пожалуйста…

Худя встал, подложил несколько сухих березовых поленьев в печку-голландку, и огонь легко побежал по березовой коре. Затем он погасил свет в комнате, и только блики оранжевого огня в печке освещали теперь темные окна и стены. А Худя, не раздеваясь, лег рядом со мной на шкуры.

— Хорошо. Слушай, — сказал он, заложив руки за голову и лежа рядом со мной на расстоянии локтя. — Но это не сказка, это было со мной, когда я был мальчишкой. Последние дни я все вспоминаю эту историю…

— Это страшная история, Худя? — Я свернулась клубком и придвинулась к нему, совсем как я делала в далеком детстве, когда забиралась к отцу на диван и устраивалась у его крепкого офицерского плеча. Мой отец был военным, дослужился до звания полковника и теперь тихо жил на пенсии в Воронеже…

— Нет, не страшная. Лирическая… — Худя, мне показалось, улыбнулся в темноте. — Как-то летом мы привели оленей на самый север Ямала, на берег Ледовитого океана. Там были хорошие

пастбища. Не то, что сейчас, однако. Я был мальчишкой, мне было десять лет. У нас было большое стадо оленей, две тысячи оленей у нас было. Но собаки хорошо знали свое дело, поэтому я мог уйти от стада, мог гулять по тундре. Я уходил от стада на берег океана. Там каждый день можно было найти что-нибудь интересное. Океан после шторма выбрасывает на берег самые разные вещи. Я находил там американские бутылки из-под виски, цветные поплавки с названиями яхт и даже резиновые сникерсы — порванные, конечно. Но главное, что я искал, — доски с гвоздями. Гвозди и шурупы — это тут у нас дефицит, целое богатство… Ты не спишь?

— Нет, Худя, рассказывай…

Кажется, мне еще никогда не было так тепло, просто и уютно — ни с одним мужчиной, я имею в виду. Я лежала на Худином плече, чувствовала виском небритость его щеки, блики от огня бродили над нами. Я знала, что Худя своими рассказами хочет отвлечь меня от пережитого, помочь мне уснуть. Но как ни уютно мне было в эти минуты, уснуть я не могла. Внутри меня, кроме огромной усталости, боли и слабости, было еще что-то нервное, бьющееся в пульсе и в висках, что не давало спать. И я просто слушала.

— И вот однажды, после очередного шторма в океане, — говорил Худя, — я нашел на берегу двух чаек. Океанских чаек. Вообще птиц много на севере Ямала, там есть целые базары гагар, гусей, но чайки к нам залетают редко. Эти две чайки лежали неподвижно на берегу, одна из них была уже мертвой. А вторая, точнее — второй был еще жив. Но совершенно без сил, даже не пошевелился, когда я подошел к нему. Только смотрел на меня своим круглым глазом, и я хорошо помню, что была в этом глазу уже какая-то тихая смертельная пелена, однако. Я и до этого находил мертвых чаек, поэтому не обратил на них никакого внимания — ну, умерла одна, а второй отлежится и улетит. Но на другой день я пришел на это же место и нашел этих двух чаек там же. Живой сидел неподвижно возле мертвой. Когда я подошел, он попробовал встать, но у него не было сил подняться на ноги, хотя он даже на клюв пробовал опереться, чтобы встать. Я убежал и вернулся обратно с мелкой рыбой. Я хотел накормить эту чайку, то есть его. У вас в русском языке нет отдельного слова для чайки-мужчины. А у нас есть. Но он не стал есть. Я совал ему рыбу в клюв, но он брал рыбу в клюв и отбрасывал ее в сторону. Он не хотел есть. Если бы у него были

силы, он бы, наверно, покусал меня своим клювом, но у него не было сил даже встать на ноги. Но и есть он отказывался. И тогда я понял, что происходит. Он хотел умереть возле своей чайки. Он решил умереть возле нее, и даже я со своей вкусной рыбой не мог изменить его решения. Я понял, что случилось с этими чайками. Над океаном они попали в шторм. Она не выдержала, не долетела до берега, упала на волны и уже не взлетела. А он, наверно, все летал и летал над ней, над штормовым океаном, кричал ей, звал. Ты слышала когда-нибудь крики чаек во время шторма? Это они зовут тех, кто сдался, кто упал на волны и уже не может взлететь, однако. Но они не бросают своих любимых. Этот, которого я нашел на берегу, — он, может быть, всю ночь летал над волнами, над телом своей любимой, видел, как волны швыряют ее, заливают пеной и несут, несут к берегу. И он долетел до этого берега, долетел из последних сил и увидел, как волны выбросили ее на берег. И сначала он, бездыханный, лежал возле нее и ждал, когда она встанет. Но потом начался день, океан ушел от берега, и шторм улегся, и он понял, что его любимая уже не встанет никогда. И тогда он решил умереть возле нее. Если бы он был старый, он бы умер, наверно,

в первый день. Но я приходил к нему целую неделю, каждый день я приносил ему рыбу и воду, в жаркие дни я поливал его океанской водой и все пытался его кормить. Но он отбрасывал пищу и не пил воду. На шестой день, ночью, снова начался шторм. Когда после шторма я прибежал на берег, я не нашел ни его, ни его мертвой подруги. Шторм унес их туда, откуда они прилетели. И он — он дождался своей смерти, он умер возле нее — так, как он хотел, однако. И я понял, что страна, о которой рассказывал мой дед Ептома, есть на самом деле. Эти две чайки были из той страны. Поэтому они умерли вместе. Ты спишь?

— Да, Худя… Я совсем-совсем сплю, — прошептала я и спросила: — Худя, а ты меня любишь?

Худя молчал. Никогда до этого я не задавала этот вопрос ни одному мужчине. Тем более — в постели. Хотя бы потому, что, когда вы УЖЕ в постели, мужчина вам скажет что угодно, лишь бы получить от вас все, что взбредет ему в голову в эту ночь. И чем разнообразней его желания, тем больше он врет.

Сегодня я не могла бы удовлетворить даже простейшего мужского желания: все мои внутренности были разворочены и ныли, как одна затихающая, но еще открытая рана. Но, по-моему,

Худя думал сейчас не об этом.

— Да, я люблю тебя, — произнес он после паузы, произнес спокойно, как оглашают в суде непреложный факт. — Я люблю тебя четыре года, даже больше, однако. Поэтому я не пошел с тобой тогда на концерт. Я не хотел подчиняться этой любви. Но я назвал свою дочку Анной — из-за тебя. А теперь спи, однако, пожалуйста…

«Однако»! Я приподнялась на локте и поцеловала Худю в его небритую щеку. А потом — в губы. У него были сухие, крепко сжатые губы. Они не ответили на мой поцелуй. Худя лежал как каменный, ни один мускул не дрогнул на его лице.

Я откинулась на спину. Нет, я не стремилась к сексу — куда мне! После всего, что произошло только пару часов назад! Но разве он не мог хотя бы просто шевельнуть ответно губами? Разве я виновата, что меня изнасиловали? Разве я стала прокаженной? Даже для ненца? Второй раз этот Худя говорит мне «нет», второй раз! Смесь униженного женского самолюбия и обиды заставила меня сжать челюсти, чтобы не разрыдаться.

И тут я почувствовала его руку у себя на щеке. Сухая, жесткая, шершавая рука — я резко отвела голову в сторону. Нет, не надо мне его участия, его снисходительной ласки!

— Аня, — сказал он спокойно, в темноте, потому что дрова уже догорели в печке-голландке. — Ты не понимаешь меня. Я не могу сказать тебе больше, чем уже сказал. Но то, что я сказал, — правда, однако. Я не имел права любить тебя в Москве и не имею права любить сейчас. А теперь спи, пожалуйста…

И тут бешеная волна злости подняла меня — нет, подбросила на этих шкурах. Простая мысль пришла мне в голову, и резкие, злые слова сами слетели с языка — раньше, чем я успела даже обдумать их.

— Врешь! Ты все врешь! — кричала я. — И про любовь, и про своих чаек — врешь! Ты просто боишься, что я арестую этих сопляков, которые насиловали меня в интернате! И ты покупаешь меня своими сказками и враньем! А на самом деле ты трус! Трус, да! Ты влюбился в меня в Москве — да! Но нет чтобы завоевать меня, нет! Ты сбежал в лес! Пусть со мной спят другие! Пусть соблазняют московские жлобы! Пусть со мной спят офицеры в зоне! Пусть меня насилуют! Но только не ты! Ты «чистый» романтик! На одной ноге!..

Я сама не знала, что несу. Но то, что было похоронено внутри меня под офицерским мундиром

— простая мечта любой женщины об ОДНОМ мужчине, родном, любимом и любящем, мечта, которую я прятала от самой себя и растрачивала, как проститутка, в постелях со всякими оруджевыми, гордо считая, что это не они соблазняют меня и пользуют, а я — их, — эта мечта выплеснулась вдруг наружу, злыми оскорблениями тому мужчине, который, если бы только захотел попробовать, — мог стать, наверно, тем самым единственным. Потому что только с ним, единственным из всех мужчин, которые у меня были, я почувствовала себя в ту ночь так легко и уютно, как с родным отцом. Это чувство, этот миг прозрения значат для женщины больше, чем любовные утехи с двадцатью жеребцами типа Оруджева. Именно поэтому я кричала сейчас на Худю, судорожно одеваясь в темноте:

— Ты в Москве запретил себе влюбляться в меня не потому, что это мешало тебе учиться! Нет! Думаешь, я не помню, как ты смотрел на нас, когда этот ненецкий мальчишка умирал в гостинице «Север»?! Ты ненавидишь нас, русских! Ты расист, да! Знаешь, кто ты? Ты расист и убийца! Ты убил свою любовь, потому что я русская! А потом ты еще назвал свою дочь в честь этой любви! Мазохист — вот ты кто!.. — В темноте я

поскользнулась на мягкой шкуре, выматерилась, нащупала рукой выключатель, включила свет.

Худя лежал на полу, на шкурах, не двигаясь.

Я уже надела китель, когда он сказал:

— Ты не выйдешь отсюда. Дверь заперта, однако. Ключ у меня в кармане. Ты никуда не уйдешь.

Это было сказано просто и убедительно, как говорят о непреложном факте.

Я замерла. Неужели он собирается удерживать меня тут силой? Он, Худя, — меня! Он поднял руку, взглянул на ручные часы.

— Да, ты не выйдешь отсюда еще как минимум два часа. Потому что ребята из интерната уходят сейчас из города. Я не хочу, чтобы их поймали. — Он поднялся со шкур, у него был вид человека, который точно решил, что он должен делать в следующую минуту. Скорее всего он собирался просто связать меня. Боже мой, значит, я не ошиблась, значит, я сгоряча угадала правду!

Худе не удалось даже выпрямиться — жесткий сильный удар пришелся по его скуле. Я била его, я! Била так, как бьют в милиции, как УЧАТ бить в милиции. У меня тренированная рука, поверьте.

Худя не уклонялся от ударов, хотя я вкладывала в эти удары всю силу своей злости. Негодяй!

Негодяй и подлец! Унес меня из интерната к себе, рассказывал мне сказки о любви и поил чаем, признавался мне в четырехлетней любви — только для того, чтобы дать этим мальчишкам, моим насильникам, тихо и незаметно выскользнуть из города. Конечно! Кто будет останавливать подростков, когда охотятся за беглыми зеками!..

Я била, а Худя стоял, набычившись, жестко расставив ноги и чуть накренясь вперед своей коренастой фигурой. Очередной удар пришелся по его брови и рассек ее до крови. Я почувствовала резкую боль в запястье и поняла, что я вывихнула руку. Чертовски крепкая кость в его надбровной дуге, однако!

— Кретин! Дай мне ключ от двери, я уйду... — сказала я, кривясь от боли.

— Я же тебе сказал: ты не выйдешь отсюда. Пойди в ванную и вымой руки. Они у тебя в крови...

Кровь тонкой струйкой скатывалась из его рассеченной брови на глаза, но он словно не чувствовал этого. Он смотрел на меня спокойно, только глаза, казалось, стали чуть белей и желваки напряглись под широкими скулами.

— Кажется, ты вывихнула руку. Я могу вправить.

— Сейчас! — сказала я насмешливо — Как же! —

Но от боли в руке я кругами заходила по комнате. Наконец я решилась попробовать вправить сустав сама, но запястье отозвалось таким уколом резкой боли, что я охнула.

Худя шагнул ко мне, взял мою руку и коротко дернул. Я охнула снова, но сустав встал на место. А Худя своими сухими сильными пальцами мягко разминал мне запястье и говорил при этом:

— Ты можешь мне верить или не верить, это твое дело, однако. Я сказал тебе правду. И про чаек, которых нашел тогда, и про нас с тобой. Я любил тебя и люблю, однако.

— А кто такая Окка? — спросила я, вспомнив вдруг слова той ненецкой девчонки Аюни Ладукай, которая сказала Худе в интернате: «Мы отомстили за Окку! Ты же не мужчина — сам не можешь русским отомстить. Наоборот, служишь им, как пес!»

Худя молчал, разминая мне сустав. Потом вышел в ванную и вернулся с бинтом. Кровь из рассеченной брови уже была у него на подбородке, но он не обращал на это внимания, а стал забинтовывать мне руку.

— Так кто такая Окка? — спросила я снова. И свободной рукой почти машинально вытерла кровь с его лица.

— Этого я не могу тебе сказать, — произнес он. — Ложись спать. Я не могу выпустить тебя одну на улицу ночью. Там же преступники гуляют. — Короткая усмешка тронула его губы. Кажется, первая усмешка за весь этот вечер.

— Да не выдам я твоих подростков! — сказала я презрительно. — Еще не хватало, чтобы в угро узнали, что меня изнасиловали!

— Я тоже так думал. Но на всякий случай сказал им, чтобы они ушли из города. Все. — Он ловко завязал бинт бантиком и заправил под бинт концы. — Эта повязка будет напоминать тебе обо мне пару дней. Но одной рукой ты уже не взломаешь дверь, а ключ у меня в кармане. Так что давай спать.

С этими словами он снова лег на пол, на шкуры, растянулся во весь рост и закрыл глаза.

Я беспомощно и нелепо торчала посреди комнаты. Действительно, одной рукой мне не взломать дверь, да и незачем мне спешить в гостиницу «Север», где уйма армейского и милицейского начальства. Вид у меня сейчас уж точно как после изнасилования!

Потоптавшись на одном месте, я вздохнула, выключила свет и стала раздеваться. Хотя в комнате был полный мрак, сказала Худе:

— Отвернись…

В темноте я слышала, как он повернулся на бок.

Я разделась и наугад шагнула к своему прежнему месту на полу, на шкурах. И конечно, споткнулась о Худино тело, наступила ему на спину и рухнула вниз. Его руки поймали меня, смягчили удар, но все же я здорово стукнулась плечом. Вот уж действительно мне не везло в эту ночь, черт возьми! Это идиотское падение было, наверно, последней каплей, переполнившей чашу моего терпения. Я села на полу, держась вывихнутой рукой за ушибленное плечо, и заскулила — опустошенно, жалобно и слезливо, как бессильный и слепой щенок.

Худя обнял меня и уложил на полу рядом с собой. Я даже не сопротивлялась. Я лежала на его руке, он прижимал меня к себе всю, от головы до ног, и моя грудь была у его груди, и мои слезы размазывались по его небритой щеке и по губам, которыми он тихо меня целовал.

— Спи. Пожалуйста, спи… — говорил он негромко.

И я даже не помню, когда я уснула и как.

40

Я проснулась от характерного щелчка английского замка и сообразила, что это за Худей закрылась входная дверь. Какая же я идиотка все-таки! Если у него на двери английский замок, значит, я могла спокойно уйти ночью, никакого ключа от замка не было у Худи в кармане, он просто разыграл меня, как ребенка!

Но у меня уже не было никакой злости к Худе. Наоборот. Я проспала полночи на его плече, и тихое чувство покоя и счастья поселилось внутри меня, несмотря на все унижение, которое я перенесла вчера вечером в интернате. Я даже была благодарна Худе за то, что он обманул меня, не дал уйти ночью, а теперь тихо ушел, и мне не нужно ни с кем разговаривать. Он дал мне время прийти в себя, я могу тихо лежать на этих шкурах и нежить в себе это редкое чувство открытия СВОЕГО мужчины, как нянчат матери грудного ребенка…

Я пролежала так минут двадцать. Вся суматоха и лихорадка последних дней, все эти убийства, взрывы и прочая галиматья отлетели от меня куда-то в небытие, стали малозначительными.

Нет, я еще не влюбилась в Худю в ту ночь, но я чувствовала себя так, как, наверно, чувствуют себя композиторы, когда у них в душе возникают первые звуки новой мелодии…

Минут через двадцать я все-таки встала, зажгла свет. Часы показывали 10.40 утра. За окном была полярная ночь, темень и какой-то неясный гул. Я поставила чайник на электроплиту и включила репродуктор местной радиосети. Репродуктор взорвался бодрой молодежной песней:

А нам не страшен ни вал девятый,
Ни холод вечной мерзлоты!
Ведь мы ребята, ведь мы ребята
Семидесятой широты!..

Я с отвращением выключила радио, эти комсомольские псевдободрые песни показались мне теперь отвратительными! Я прошлась по маленькой квартире Худи, рассматривая книжные полки. Все, что связано с личной жизнью Худи, стало мне теперь интересно, даже его имя я все повторяла и повторяла про себя, пытаясь привыкнуть к нему.

На книжных полках была масса юридической литературы, почти все известные мне светила криминалистики, и целая полка книг по истории

ненецкого народа, а также ненецкие сказки, былины и даже исследования по антропологии ненцев. Но мой опытный взгляд «уренгойской овчарки», специалистки по изъятию антисоветчины мгновенно узнал среди корешков советских книг и другие книги, явно несоветского издания: Дж. Оруэлл «1984», В. Буковский «И возвращается ветер…», А. Авторханов «Технология власти», Менахем Бегин «Белые ночи»…

«Ничего себе!» — подумала я. Вообще-то я не раз видела антисоветчину в домах высоких партийных и административных работников — например, книги Солженицына или Оруэлла, хотя только хранение этого рода литературы, даже без распространения, карается тюремным заключением сроком до трех лет. Но крупные партийные руководители и сотрудники КГБ высокого ранга порой держат у себя дома на книжных полках даже «Архипелаг ГУЛАГ», чтобы продемонстрировать гостям, каким высоким доверием партии они обладают!

Мой Худя Вэнокан не был партийной шишкой или даже сотрудником КГБ. Он был, как я, милицейским следователем, да еще и ненцем в придачу. Конечно, я-то не стану на него доносить, но поговорить с ним нужно — мало ли кто слу-

чайно зайдет к нему на чашку чая или на рюмку водки, а потом стукнет в КГБ об этих книжках, и все — вся карьера накрылась.

Я выпила чай, оделась. Проклятие, у Худи даже, зеркала нет, невозможно проверить, как я выгляжу. После такой ночи — и не взглянуть на себя в зеркало!.. За окном был слышен тяжелый, все нарастающий самолетный гул. Черт возьми, этой ночью я словно выпала из потока событий, и понятия не имею, что там происходит сейчас в Салехарде.

Я натянула свой полушубок, но перед тем, как выйти из комнаты в прихожую, снова подошла к книжным полкам, сняла с них всю антисоветчину: Буковского, Авторханова, Оруалла и Бегина — и оглянулась. Мебели, как я уже говорила, у Худи не было никакой. Поэтому я просто сунула книги под лежащие на полу оленьи шкуры. Через несколько минут я увижу в Оперативном штабе Худю и скажу ему, чтобы он был поосторожней с этой «литературой».

Я застегнула полушубок и вышла из комнаты в крошечную прихожую.

И, только подойдя к выходу, я увидела прикнопленную рядом с английским замком записку. Торопливым, но твердым почерком было на-

писано:

«ПРОЩАЙ. И ПОЖАЛУЙСТА, УЕЗЖАЙ В РОССИЮ. ХУДЯ».

Часть четвертая
Хенде хох!

41

В зимние ночи Москва безлюдна. Даже в центре города жизнь затихает около часу ночи, когда закрываются станции метро. Только дежурные милиционеры торчат на перекрестках центральных московских улиц, провожая пристальным взглядом редких прохожих, которые спешат поймать свободные такси или зябко топчутся на троллейбусных остановках. В час тридцать швейцары-вышибалы выпроваживают из ресторанов последних пьяных посетителей, за трешку ловят им такси, а еще за червонец выносят под полой пол-литра водки на дорогу…

К двум часам ночи город погружается в сон. Только метель шарит по пустынным промороженным улицам, как голодный нищий, шерудит рваными газетами в мусорных урнах, заглядывает в открытые подворотни или катит по мостовой пустую консервную банку…

Именно в такую ночь, в 2.30 утра, три черных правительственных лимузина на большой скорости промчались по пустынному Кутузовскому проспекту, выехали за город и круто свернули на узкое Рублевское шоссе, тщательно расчи-

щенное от снега. Здесь через каждые два-три километра в тени заснеженных сосен торчали милицейские будки, и по ходу движения черных лимузинов из этих будок предупредительно выскакивали дежурные милиционеры в меховых полушубках и рангом никак не ниже майоров. При приближении правительственных машин они вытягивались по стойке «смирно» и отдавали честь. Лимузины, не сбавляя скорости, мчались дальше, обдав постовых ветром и снежной пылью…

Еще через десять минут правительственные лимузины подкатили к длинному высокому забору, сложенному из кирпича, присыпанному снегом и увенчанному тремя рядами колючей проволоки. Этот многокилометровый забор с дозорными вышками, высокими стальными воротами, шлагбаумом при въезде и при выезде и скрытой в деревьях системой теленаблюдения — этот забор опоясывает самый ближний к Москве городок правительственных дач. Сверхнадежная система охраны этого городка очень напоминает лагерную, с той только разницей, что в правительственном «лагере», отгороженном от народа колючей проволокой, живут не заключенные, а руководители и хозяева страны. Впрочем, по ка-

кую сторону этого забора находится территория лагеря — понятие относительное, все зависит от точки зрения…

Как бы то ни было, около трех часов ночи три правительственных лимузина с номерными знаками «МОС-006», «МОС-009» и «МОС-012» вкатили под предупредительно поднятый шлагбаум, миновали спешно открытые ворота и оказались в рождественской тишине соснового парка, на чистых, заснеженных, но посыпанных желтым песком дорожках, которые разбегались в глубинах этого поселка. Лимузины уверенно свернули на одну из дорожек и уже значительно медленней подкатили к последнему контрольному пункту перед двухэтажной дачей Константина Устиновича Черненко. Здесь пассажиры лимузинов: маршал Устинов, министр внутренних дел генерал Федорчук и Председатель КГБ генерал Чебриков — вышли из машин и последние двадцать метров до крыльца дачи прошли пешком. Перед дачей стояла высокая рождественская елка, наполовину украшенная разноцветными лампочками, рядом, под елкой, стояла еще недолепленная снежная баба, здесь же были детские санки, коробка с елочными игрушками и игрушечный детский автомат явно заграничного

производства… На крыльце дачи топтались два охранника — телохранители Константина Черненко. Один из них предупредительно открыл дверь ночным гостям.

Черненко сидел в гостиной на низком стульчике у камина. В камине жарко горели трескучие березовые поленья. Наклонившись к огню, Черненко медленно, с наслаждением курил ту единственную сигарету, которую позволял себе тайком от врачей раз в сутки, и с отвращением прислушивался к хриплым булькающим звукам, которыми отвечала ему грудь на каждую затяжку. Дым он старательно выпускал в каминный проем…

Увидев входящих ночных посетителей, он, совсем как мальчишка, воровато бросил сигарету в огонь и забросал ее березовыми углями. Потом сам устыдился этого жеста и усмехнулся, сказал:

— Вот, курю, как ворую… Садитесь. Коля, дай чаю на всех и чё там еще есть…

«Коля» — двухметровый телохранитель — ушел на кухню, гости сели в кресла у камина.

— Ну что? Херня получается с этими ненцами? Кхе-кха… — Черненко закашлялся и пухлой рукой потер себя по груди.

— Можно бросить туда еще несколько диви-

зий… — сказал, переждав приступ этого кашля, Устинов.

— Дивизий… Ишь как ты дивизиями разбросался… А если американцы со спутников засекут эту переброску? Сразу уши насторожат — на кой хер войска на газопроводе?

— Во-первых, там сейчас полярная ночь, — сказал Устинов. — А во-вторых, синоптики гарантируют там сплошную облачность на ближайшие трое суток. При такой облачности, да еще ночью, никакие спутники ни хера не видят, даже американские… — Он взял стакан чая с подноса, который принес телохранитель Коля, но жест был раздраженным, и чай выплеснулся на толстый, ручной работы, персидский ковер, который укрывал пол. Впрочем, все сделали вид, что не заметили этого. Все, кроме самого Устинова. Маршал демонстративно уставился на мокрое пятно на ковре и даже небрежно потер его своим черным хромовым ботинком. Его бесила нерешительность Черненко. Час назад, когда пришла телеграмма Богомятова о размахе событий в Салехарде, маршал сказал Черненко по телефону, что посылает туда еще четыре Дивизии. Но Черненко остановил его и попросил приехать к нему на дачу. Хотя и дураку ясно, что любое промед-

ление с подавлением этого дурацкого ненецкого бунта опасно не только тем, что зараза восстаний может перекинуться, как телеграфировал Богомятов, на другие национальные округа или сорвет открытие газопровода. Это еще полбеды. Куда важнее другое — колебания, нерешительность и те полумеры, которыми действуют сейчас в Салехарде местные власти и десантная дивизия имени Октябрьской революции, — все это дает козыри тому эшелону «молодых», которые стоят у них за спиной: маршалу Огаркову, Алиеву, Долгих и тому же сибирскому партийному выскочке Богомятову. Этим только того и надо — поймать «стариков», то есть его и Черненко, на том, что они не способны справиться даже с заполярными ненцами…

— Н-да… — пожевал губами Черненко. — Синоптики… Облачность… — И взглянул на главу КГБ генерала Чебрикова: — Ну а ты что скажешь? Пронюхают на Западе, если мы в Салехарде стрельбу откроем?

— Гарантирую — нет! — поспешно сказал Чебриков. — Мы примем меры. Если вместе с войсками послать туда нашу специальную дивизию Комитета госбезопасности…

— Я бы хотел, чтобы в операции приняла уча-

стие милиция, — вмешался министр внутренних дел генерал Федорчук. — У меня в Воронеже находится Высшая офицерская школа милиции, 1300 человек. Отборные офицеры, обучены не хуже десантников. Ведь на открытие газопровода прибывает много гостей, мы должны обеспечить им безопасность…

Устинов насмешливо усмехнулся прыти Чебрикова и Федорчука. Прохлопали начало восстания и КГБ, и милиция, вот и лезут теперь…

— Раньше надо было обеспечивать… — проговорил он.

— Н-да… — снова вздохнул Черненко. — При такой ситуации нужно, конечно, собрать Политбюро, обсудить эту операцию и доложить товарищу Андропову. Но это — два дня, а то и три, не меньше. А Богомятов сигнализирует, что ждать нельзя, да? — Черненко требовательно посмотрел на подобострастного Чебрикова. — Или он нас провоцирует, сукин сын?

Наконец-то он сказал вслух то, что мучило его с того момента, как пришла телеграмма Богомятова. Ведь не исключено, что этот Богомятов нарочно преувеличивает опасность ненецкого мятежа, даже приплел сюда «происки американской разведки», или перестраховывается,

прохвост, или сознательно провоцирует его, Черненко, на самые крайние меры. А если завтра окажется, что там — пшик, несколько пьяных хулиганов, а он, Черненко, бросает туда тысячи солдат, дивизию КГБ, школу милиции, и все это — без ведома Андропова, без разрешения Политбюро… Тот же Горячев его на смех поднимет, а уж Андропов и подавно! Выдержки, скажут, не хватило товарищу Черненко, у страха, скажут, глаза велики. И вся подковырка будет в том, что не может, оказывается, товарищ Черненко претендовать после смерти Андропова на пост главы государства: нервишки расшалились на старости лет. А вдруг не какие-нибудь ненцы, а американцы учинят провокацию, и не на Крайнем Севере, а к Москве поближе? Что тогда? Товарищ Черненко сразу атомную войну начнет?

Но с другой стороны, а вдруг в этом Салехарде действительно акция американской разведки? Ведь от этого Рейгана всего можно ожидать! Психанул, что мы плевали на его санкции, построили газопровод без американской техники, и заслал в Сибирь пару шпионов, чтоб затравить ненецкое восстание и под шумок взорвать газопровод. Американцы уже давно трубят на весь мир, что Советский Союз вот-вот расколется от

межнациональной вражды… А он, Черненко, в такой решительный момент мешкает, проявляет бесхарактерность, колебания. Тут уж и подавно молодые заклюют, и тот же Устинов сразу к ним переметнется — я же, мол, предлагал решительные меры!..

— Богомятов не провоцирует, — нервно говорил меж тем Устинов, хотя Черненко спросил вовсе не его, а Чебрикова. — Я говорил по телефону с командиром дивизии имени Октябрьской революции генералом Гринько. Он считает, что положение очень серьезное, что восстание только начинается, а округ большой, больше Польши. Одной дивизией не обойдешься…

— Майор Шатунов мне тоже докладывал… — сказал Чебриков. — Толпа пьяных рабочих напала на наше управление КГБ в Салехарде, выбили стекла, взломали дверь…

— Это они правильно сделали, — усмехнулся, глядя ему в глаза, Черненко. — На кой нам хер это управление в Салехарде, если не знают заранее настроения местного населения? Выгнать под задницу всех, кто там работает, ты понял?

— Так точно, Константин Устинович, — поспешно сказал Чебриков, понимая, что если ненецкое восстание продлится еще неделю, то

вслед за Шатуновым наступит и его, Чебрикова, очередь…

— Та-ак… — Черненко тяжело встал. — Значит, все считают, что нужно принимать решительные меры? Да или нет?

«Так вот для чего ты нас вызвал сюда посреди ночи», — усмехнулся про себя маршал Устинов. Конечно! С одной стороны, не хочет Андропова беспокоить, чтобы не сказали, что он самостоятельно не умеет действовать. А с другой — боится сам действовать, для того и вызвал их на дачу. Теперь не Черненко примет решение раздавить ненецкое восстание всей мощью армии, КГБ и милиции, а коллектив: министр внутренних дел, Председатель Комитета государственной безопасности и министр обороны. Вот ведь лиса! И не отвертишься от прямого вопроса — смотрит своими водянистыми глазками в упор, ждет ответа.

— Да, — сказал Устинов.

— Безусловно! — тут же подхватил Чебриков, а Федорчук просто кивнул.

— Ну что ж… — Черненко облегченно улыбнулся пухлыми губами. — Как говорил товарищ Ленин в ночь штурма Зимнего дворца в семнадцатом году, «вчера было рано, завтра будет поздно». Значит, так: Устинов посылает туда

войска, которые ближе всего к Салехарду; Федорчук — свою воронежскую школу милиции, а Чебриков — не только свою дивизию КГБ, но и сам летит туда, прямо сейчас. И чтоб завтра там все было кончено, ты понял? — требовательно взглянул он на генерала Чебрикова. — И самое главное, чтоб никакой утечки информации на Запад, ясно? Ты этого американца, Шерца, успел перехватить?

— Конечно, Константин Устинович. Он в Удмуртии, в заповеднике. — Чебриков взглянул на часы. — Сейчас либо пьяный спит, либо девочку там трахает, повариху…

— Живут же люди! Эх! — завистливо произнес Черненко. — А тут не то что девочку, внуку снежную бабу некогда слепить. Кстати, Федорчук, — повернулся он к министру внутренних дел. — Тут вчера твой внук моему внуку нос расквасил из-за какой-то игрушки. Оно бы ладно, мальчишки, могут и подраться. Но нехорошо, что он на всех дачах хвастает. А я, говорит, самому Черненко морду набил!

Все засмеялись, кроме Федорчука.

— Вот шкет! — сказал Федорчук, покраснев. — Ну я ему всыплю! Разрешите идти?…

Когда за Устиновым, Чебриковым и Федорчу-

ком закрылась дверь, Черненко потоптался у камина, пошерудил в горящих поленьях стальными щипцами, словно надеясь найти там свою недокуренную сигарету. Но окурок давно сгорел, и Черненко повернулся к телохранителю:

— Коля, можешь дать еще одну?

— Ни в коем случае, Константин Устинович, — строго, как ребенку, сказал ему телохранитель. — Мы же договорились…

— Но я же ту не докурил…

Телохранитель отрицательно покачал головой.

— Вот е… твою мать! — усмехнулся Черненко. — Ну, тогда тащи мне валенки. Пойдем снеговика лепить…

Через минуту какой-нибудь сторонний наблюдатель (если такой возможен в дачном поселке Советского правительства) мог увидеть странную картину: глубокой ночью, при двадцатиградусном морозе член Политбюро и секретарь ЦК КПСС, а в скором будущем и глава всей Коммунистической партии Советского Союза Константин Устинович Черненко, одетый в валенки и меховую доху, лепил вместе с двумя своими телохранителями снежную бабу для своего внука, которого намедни побил внук генерала

Федорчука. Он хорошо знал, что с той минуты, как Устинов, Федорчук и Чебриков сели в свои машины, заработали в их лимузинах радиотелефоны и короткие кодированные приказы полетели в разные концы спящей страны. По этим приказам пришла в движение огромная и мощная машина Советской власти. Завыли сирены боевой тревоги в десантных войсках, в Воронежской высшей школе милиции и в спецдивизии имени Дзержинского при КГБ СССР. На ночных аэродромах взревели двигатели самолетов и вертолетов, и тысячи солдат уже получали сейчас боезапас — настоящие боевые патроны. Во имя спасения Советской власти на Крайнем Севере, ради охраны газопровода «Сибирь–Западная Европа» и чтобы пресечь происки американской разведки… Но нет, Черненко уже не думал об этом.

— Ты вот что… — говорил он телохранителю, прилаживая голову снежной бабе. — Ты же обещал научить моего внука приемам самбо. Почему не научил?

— Я его учил, Константин Устинович, честное слово, — сказал телохранитель. — Просто он растерялся…

— Растерялся! — передразнил Черненко, раздражаясь. Неужели его нерешительность пе-

редалась по наследству внуку? — А ты учи, чтоб не терялся, понял?

42

Мороз уже пробрался под дубленку и брюки и леденил тело так, что останавливалось сердце. Зигфрид прыгал на месте, хлопал себя по плечам, но это не помогало. Он чувствовал, что еще немного, еще десять — пятнадцать минут, и, если не откроют этот чертов магазин-факторию, он просто отморозит себе ноги, лицо, уши.

Рядом с Зигфридом какой-то ненец-охотник, перекатывая за губой жевательный табак, сплюнул на землю, точнее — на заезженный оленьими нартами снег. Плевок замерз на лету, ледышкой ударился о землю и отскочил, словно брошенный на землю камень. Минус пятьдесят по Цельсию, определил Зигфрид. Когда-то, в те прекрасные времена, когда он был почетным гостем хозяев Тюменского края — Богомятова, Салахова, Шатунова, Розанова и прочих партийных, гэбэшных и административных вождей Сибири, было особым шиком, выйдя из теплой гостиницы, эдак небрежно, по-сибирски, одним плевком определять температуру: если плевок долетал до земли не замерзая — то меньше 40 градусов мороза; если замерзал налету, но не отскакивал

от промороженной тундры — минус 45; а если, не долетев до земли, замерзал налету и отскакивал от земли, как ледышка, — то все минус 50 градусов по Цельсию!.. После этого Зигфрид садился в поджидавшую его начальственную «Волгу» и из теплой кабины восхищался суровыми красотами сибирской зимы и полярной тундры.

Но теперь не было ни теплой гостиницы, ни начальственных «Волг». И вообще, едва Зигфрид Шерц выпрыгнул из почтового самолетика на снег новопортовского аэродрома, как его самоуверенности резко поубавилось. Одно дело без всяких связей и знакомств, но с кредитными карточками в кармане высадиться где-нибудь на Аляске, в Тайване или даже в Гонолулу. Через пять минут фирма «Херц» подаст тебе напрокат любую машину — от дешевой «тойоты» до «мерседеса». А если у тебя есть права пилота, ты можешь арендовать вертолет или самолет. И пока ты будешь заполнять несколько формальных бумажонок, ты получишь кофе и между делом забронируешь себе номер в гостинице… Весь этот стандартный комфорт западной жизни был настолько привычным для Зигфрида, что, даже зная о полном отсутствии такого сервиса в СССР, он не предполагал, что это такое в действительности

— обходиться без гостиницы, машины, телефона, горячего кофе и теплого туалета. Туалетом новопортовского аэровокзала был ветхий, со щелями, дощатый «скворечник», поднятый над замерзшей землей на деревянные столбики. К «скворечнику» вела протоптанная в снежных сугробах тропа, окруженная, как орнаментом, желтыми вензелями… За те несколько минут, которые, прошу прощения, нужны любому живому существу для оправки, в этом грязном «скворечнике» можно было отморозить все, что приходится обнажать в таких случаях. И уже эта первая встреча с не показной, а с будничной советской реальностью весьма пошатнула веру Зигфрида в то, что он без проблем, эдаким лихим молодеческим наскоком проскочит на каком-нибудь попутном вездеходе от Нового Порта до Уренгоя или Салехарда.

Но обратного пути не было. И вообще если ненецкое восстание грозит жизни газопровода, то пошли эти русские к чертовой матери со всеми их играми в секретность! Газопровод — это не только их гэбэшная собственность! В газопроводе его, Зигфрида, 225 миллионов долларов. И он должен срочно, немедленно попасть в Уренгой, чтобы своими глазами видеть, что там происходит. Однако не было никаких по-

путных машин и вездеходов ни до Уренгоя, ни вообще куда бы то ни было. Новый Порт — самый северный, выше Полярного круга, речной порт на Оби, бездействующий зимой, — был накрыт ледно-фосфоресцирующей темнотой морозной полярной ночи. Впрочем, закованные в ледяные панцири причалы, замерзшие и заиндевелые портовые краны и вмерзшие в метровый обский лед баржи и танкеры еще не означали полной зимней спячки поселка Новый Порт. Нет, поселок жил и зимой — здесь были аэродром, мехмастерские, клуб, магазин-фактория, а главное — отсюда, из портовых складов, по накатанным через замерзшие тундровые болота дорогам-«зимникам» ежедневно уходили в глубину тундры вереницы грузовиков с продуктами, одеждой и техникой для ночующих в тундре геологов, нефтяников и строителей газопровода. Наверно, в обычное время можно было легко договориться с водителями этих грузовиков и за пару бутылок водки или спирта добраться с ними до любого тундрового поселка.

Сегодня «зимники» опустели, замерли. Возле портовых складов разгуливали вооруженные охранники, одетые в длиннополые меховые дохи, шапки-ушанки и валенки. Они притопыва-

ли ногами, сжимали взятые на грудь автоматы «Калашников» и настороженно поглядывали через дорогу на два десятка оленьих упряжек возле магазина-фактории. Одетые в яркие малицы хозяева этих упряжек — ненцы, охотники и рыболовы, — толпились у закрытых дверей магазина и терпеливо ждали открытия. И Зигфрид стоял рядом. Небритый и невыспавшийся, в перепачканной и свалявшейся на нелегком пути из Затайки в Новый Порт дубленке, он уже не был похож на преуспевающего иностранного бизнесмена. Куда проще было принять его за спившегося алкаша, который с нетерпением ждет открытия магазина, чтобы опохмелиться. Таких полным-полно на Севере, за такого алкаша, наверно, и принимали сейчас Зигфрида и ненцы, и вооруженные охранники складов.

Но Зигфриду не нужно было спиртное. Он хотел есть, а в Новом Порту не было ни ресторана, ни столовой, и крохотный буфет в аэровокзале был закрыт, как все сегодня. Оставался этот магазин, который должен был открыться еще час назад. Зигфрид нетерпеливо ждал его открытия и поражался невозмутимому спокойствию ненцев. Если правда все то, что рассказали ему вертолетчики о ненецком восстании, то эти ненцы должны были

давно разоружить охранников продовольственных складов (для них, полярных охотников, это наверняка плевое дело) и разграбить склады, а не ждать открытия магазина. «Захват складов — первое дело любого восстания», — думал Зигфрид.

Но ненцы ничего не захватывали. Они негромко разговаривали по-ненецки, курили трубки и жевали табак. Рядом фыркали и передергивали шнурами запряженные в нарты олени. Их дыхание клубами пара поднималось над ветвистыми рогами, их темные сливовые глаза косили по сторонам, а челюсти флегматично жевали пучки сушеного ягеля. Вокруг, как это обычно бывает возле русских продовольственных магазинов, бегали бродячие собаки, рылись в снегу и тоже поглядывали на закрытую дверь магазина-фактории. Труба на крыше фактории дымилась, и то, что внутри магазина топилась печь, давало Зигфриду, ненцам и собакам надежду, что рано или поздно магазин все-таки откроют.

От вынужденного безделья Зигфрид приглядывался к ненцам. Обыкновенные старики-эскимосы, похожи на японцев. Крепкие коренастые фигуры, спокойные широкоскулые лица, окаймленные меховыми капюшонами с инеем,

намерзающим от дыхания. От их малиц резко пахнет псиной…

— Твой русский щеки белый уже, однако, — вдруг сказал Зигфриду по-русски один из них. Затем нагнулся, поднял с земли ком снега и протянул ему: — Снег тереть надо, однако.

Букву «д» он произносил как «т», отчего его речь смягчалась и звучала, как детская.

— Спасибо. — Зигфрид взял снег и сказал: — Я не русский, я американец.

Ненцы молча уперлись в него своими узкими глазами.

— Я из Америки. Переводчик… — сказал Зигфрид, растирая снегом щеки. Кто-кто, а эти дикие ненцы не побегут доносить на него в КГБ.

— О, Америка! — воскликнул один из них. — Америка — хорошо, однако. Хороший закон живет Америка: всем водку продает. Разница нету там — белый человек или ненец, всем водку продает, саво![11]

— А ты водку любишь? — заинтересованно спросил Зигфрид.

— Моя очень водку любит, очень! — Ненец даже зажмурился от своей любви к водке.

---

[11] Примечания: 11
Хорошо (ненецк.).

В это время откуда-то сбоку, из флигеля фактории, вышла и направилась к двери магазина толстая русская баба, крест-накрест перевязанная серыми пуховыми платками. При ее появлении бродячие собаки тут же юркнули к крыльцу магазина, и ненцы плотней окружили это крыльцо. Баба открывала висевший на двери магазина большой амбарный замок и ногой отшвыривала собак:

— Пшел отсюда! — Потом повернулась к ненцам: — Только не напирать! Не напирать!..

Открыв примерзшую дверь, она по-хозяйски вошла в магазин, следом за ней — ненцы и собаки, и последним — Зигфрид.

В магазине было тепло натоплено, и Зигфрид блаженно перевел дух, а ненцы столпились у прилавков, оглядывая магазинные полки. На этих полках не было ничего, кроме пирамид консервных банок «Завтрак туриста» и банок с консервированными баклажанами и перцем.

Среди ненцев возник глухой ропот.

Продавщица распеленала себя из пуховых платков, подошла к прилавку.

— Ну! Чего вам?

Один из ненцев показал рукой на полки:

— Ненец это кушать не может, однако. Хлеб

давай, чай давай, муку давай. Порох тоже давай.

— Сейчас! Разбежались! — насмешливо сказала продавщица. — Они будут наши буровые палить, а мы их будем хлебом кормить! Берите чё есть, а то и того не будет.

— Ненец это кушать не может, — снова сказал ненец.

— Такой закон нету — ненцу муку не продавать. Только на водку такой закон есть. Чай дашь, макароны тоже дашь… — С этими словами ненец вытащил из привязанного к поясу кожаного мешочка тряпичный пакет. Развязав пакет, он выложил на прилавок деньги. — Деньги бери, масло давай, муку давай, чай…

— А ху-ху не хо-хо? — усмехнулась продавщица. — Нету вам ни муки, ни масла! Консервы берешь?

Ненцы зашумели, залопотали между собой по-ненецки.

— Ну? — нетерпеливо сказала продавщица. — А то я вообще сейчас магазин закрою.

— Такой закон нету — магазин закрывать… — начал опять ненец.

— Ты мне тут права не качай! Все! Валите отсюда! — продавщица махнула рукой в сторону выхода и взяла с прилавка замок.

Ненец вздохнул, вытащил из своего мешка четыре соболиные шкурки, положил на прилавок перед продавщицей. Но она решительным жестом отодвинула их от себя.

— Нет! Раньше надо было с этим приходить! А теперь у меня приказ: для вас — только это. — Она показала на пирамиды консервных банок. — Берите, а то и того не будет. — И сожалеющим взглядом проводила шкурки, которые ненец спрятал обратно в мешок. Затем взяла с прилавка деньги, выложенные ненцем, быстро пересчитала их, объявила: — Тут на три ящика консервов. Каких тебе? И тех, и тех?

Ненец молча кивнул головой…

…Минут через двадцать ненцы раскупили все, что было на полках. Они мешками выносили из магазина запыленные консервные банки «Завтрак туриста», а также консервированные баклажаны и перец явно доисторической свежести. Продавщица раскраснелась, костяшки на ее счетах щелкали пулеметной дробью, и Зигфрид вдруг понял, что эта баба не только сбывает ненцам залежалый товар, но еще и обсчитывает их, поскольку куда им, неграмотным, уследить за ее летучей арифметикой.

На опустевших полках уцелела лишь парфюме-

рия: пыльные брикеты мыла «Душистое», зубная паста «Поморин» и духи «Красная Москва».

— Духи тоже давай, — сказал кто-то из последних покупателей.

— Духи не дам, выпьешь, — ответила продавщица.

— Моя не будет пить, — сказал ненец. — Моя бабе духи подарит, однако.

Только теперь Зигфрид разглядел, что рядом с этим ненцем фигура в оленьей малице — женская.

Продавщица — лишь бы этот последний ненец от нее отвязался — подала ему флакон духов. В ту же секунду ненец свинтил с флакона пластмассовый колпачок, передал флакон стоявшей рядом жене, и на глазах у изумленного Зигфрида эта ненка выпила, булькая, полфлакона, а остальное вернула мужу. Тот допил флакон.

— Алкаш! — презрительно сказала продавщица. — А еще им свободу подавай! Да вам ежли свободу-то дать, так вы тут завтра все перепьетесь! Тьфу!

— Это ты, люча, ненца пьяницей сделал, однако, — миролюбиво сказал ей ненец. — Когда люча не пришел в тундру, ненец охотник был, водка не видел…

— Ладно, ладно, иди! Не митингуй тут! — грубо перебила его продавщица. — Тут те не горсовет — митинги устраивать!..

— Ничего… — проговорил ненец. — Скоро Ваули сюда тоже придет…

Ненецкая пара вышла из магазина, волоча последний ящик с консервами. Продавщица села на табурет, отерла пот со лба, не спеша достала из-под прилавка круг колбасы, отломила кусок и стала очищать, бросая шкурки собакам.

— Ну? А тебе чего? — грубо сказала она Зигфриду.

— Мне тоже колбасу и… бутылку водки. А лучше — две.

— Водки нету, и колбасы нету, — произнесла продавщица, кусая от очищенного куска колбасы, и только теперь в упор взглянула на Зигфрида наглыми выпуклыми голубыми глазами.

Он спокойно выдержал этот взгляд. Он хорошо знал, что от Москвы до Камчатки нет в СССР продавщицы, у которой, как говорят русские, «в заначке» нет хотя бы двух-трех бутылок водки.

— Плачу по тройной цене, — сказал Зигфрид и положил на прилавок новенькую сторублевку.

Несколько мгновений они еще смотрели друг другу в глаза.

При этом во взгляде продавщицы появился живой, заинтересованный блеск — не сторублевкой, а самим Зигфридом. Затем, вздохнув, она встала с табуретки и пошла в заднюю комнату магазина, кокетливо виляя мощными бедрами.

— Четыре бутылки, — крикнул ей вслед Зигфрид.

43

Через несколько минут он вышел из магазина с тяжелой сумкой в руках.

На улице ненцы возились у своих нарт, увязывали на них мешки и ящики с консервами.

Зигфрид подошел к тому ненцу, который советовал ему тереть щеки снегом, поставил свою сумку на его нарты.

— Я — Зигфрид. А тебя как зовут?

— Ани-Опой, — сказал ненец.

— А куда едешь?

— Туда… — Ненец махнул рукой в тундру.

Мороз был минус пятьдесят, неподходящая для тонкой дипломатии температура. Зигфрид сказал напрямую:

— Если отвезешь меня в Уренгой — много водки будем пить.

— Много водки могу пить, — сказал ненец. — В Уренгой не могу ехать, однако.

— Почему не можешь?

— Сегодня надо рыбу ловить, однако, детей кормить. Ани-Опой русский начальник не убивал, Ани-Опой русский буровой не зажигал. А русский магазин ничего не дает Ани-Опою, однако.

Положение было безвыходное. Этот ненец был последним шансом Зигфрида выскочить из Нового Порта и добраться до Уренгоя.

— Хорошо, — сказал Зигфрид. — Сегодня будешь рыбу ловить, завтра повезешь меня в Уренгой. В Уренгое муку купим, чай купим, масло купим и много водки будем пить.

В конце концов, разве это не приключение — прокатить с советскими эскимосами на оленьей упряжке миль триста по заполярной тундре. Потом можно будет дать замечательное интервью в «Нью-Йорк тайме» или даже в «Плейбой»…

— Много водки хочу пить, очень хочу! — произнес ненец почти мечтательно. На вид ему было лет 50, низкорослый, с живым морщинистым и скуластым лицом. — В Уренгой все равно не могу ехать. Шибко далеко, однако. Оленей три раза менять надо. Ани-Опой бедный. Ани-Опой такой деньги нету три раза оленей менять.

Зигфрид почувствовал, что снова замерзает на этом проклятом морозе. Притопывая ботинками на снегу, спросил:

— А сколько стоит оленей менять?

— Дорого стоит! Шибко дорого! — ответил Ани-Опой, заканчивая увязывать поклажу на нартах.

— Ну сколько? — не отставал Зигфрид.

— Может быть, триста рублей… — задумчиво сказал Ани-Опой. — Может быть, сто двадцать!

Зигфрид понял, что соизмеримость цифр для этого ненца — понятие относительное. И спросил:

— А за водку дадут свежих оленей?

— Дадут! — радостно ответил Ани-Опой. — Конечно, дадут, однако!

— Сколько водки надо?

— Одну бутылку! — быстро сказал ненец. — Больше не давай, однако! Если больше есть — сами будем пить, однако. По дороге пить будем!.. — Он даже зажмурился, предвкушая грядущие удовольствия. Затем оглядел Зигфрида с ног до головы и сказал опечаленно: — Живой не доедешь, однако. Парка[12] на тебе худая. Такой парка тундру нельзя ехать. Такой парка на хальмер[13] надо ехать.

И хотя Зигфрид не знал значения слов «парка» и «хальмер», но по взгляду ненца на его одежду догадался, о чем идет речь.

— Ничего, — сказал ненец. — Сейчас за аги-

---

[12] Примечания: 12
Парка — шуба (ненецк.).

[13] Примечания: 13
Хальмер — кладбище (ненецк.).

шем[14] бежать будешь, шибко жарко будет. В чум приедем — малицу дам, пимы дам, ичиги[15] тоже дам. — Он сел на тот клочок свободного пространства впереди нарт, который не был загружен мешками с продуктами, вытащил торчавший из снега длинный шест-хорей, стукнул им по крупу переднего оленя-вожака и крикнул: — Хох! Хо! Отто цорт,[16] хох!

Четверка оленей резво взяла с места. Изумленному таким простым оборотом дела Зигфриду ничего не оставалось, как бежать за нартами, придерживая рукой свою сумку.

Едва свернули с улицы в тундру — тундра открывалась прямо за соседними домами, поселок Новый Порт вообще состоял из одной, вдоль берега Оби, улицы, — как Ани-Опой тоже спрыгнул с нарт, побежал рядом.

— Хох! Хо! — кричал он оленям.

Зигфрид подумал было занять место ненца на нартах, но нарты так подскакивали на жестких

---

[14] Примечания: 14

Агиш — упряжка (ненецк.).

[15] Примечания: 15

Пимы — оленьи сапоги мехом наружу; ичиги — меховые сапоги мехом внутрь (ненецк.).

[16] Примечания: 16

Черт побери (ненецк.).

кочках и ледяных торосах, что черта с два усидишь на них! Приходилось бежать, проваливаясь в хрупкую корку снежного наста. Снег забирался в ботинки, Зигфрид взмок от пота, распарился, расстегнул на бегу свою дубленку.

— Саво! — крикнул ему на бегу Ани-Опой, широко улыбаясь. — Саво тундра, тепло! — И стукнул хореем оленей. — Хо! Хох!

44

Пешня — специальный двухпудовый лом с утяжеленным концом — гулко ухала на льду реки, высекая из него большие острые куски. Ани-Опой стоял по грудь в выбитой лунке, двумя руками поднимал пешню и с силой опускал, долбя и долбя ледяной панцирь реки. Его лицо было исколото и порезано острыми брызгами льда, кровь сочилась по щеке и по лбу, но он истово продолжал крушить лед. До темного, нижнего слоя льда было совсем недалеко, и Ани-Опой не хотел уступать пешню никому, хотя еще десяток ненцев стояли вокруг лунки. Но это он, Ани-Опой, привел сюда своих сородичей по стойбищу — весь род Харючи, и это он обещал им, что именно здесь будет наконец рыба!

Несколько дней назад, идя по следу куницы — редкого теперь зверька, которого, как и всех остальных зверей, русские прогнали из тундры грохотом тракторов и запахом бензина, Ани-Опой набрел на речку Течиду, на самые ее верховья, и ему сразу понравился ее чистый, никем не тронутый снег. Такой белизны снег, без всяких следов копоти, без единой пылинки, еще лет тридцать

назад укрывал всю тундру. Только собачьи и оленьи нарты тревожили тогда эту белизну, да песцы, куницы и белки плели на ней тынзей[17] своих следов. Но ни зверь, ни птица, ни нарты не портили тундру, и даже оленье копыто не грязнило ее так, как изуродовали тундру железные и пахнущие бензином гусеницы русских машин. Дым этих машин копотью оседает в тундре, и зверь бежит от этого запаха, и человек болеет от пыли в воздухе…

Но Течида была далеко от русских дорог, пряталась меж замерзших болот, и снег на ее берегах был чистый, белый. Ани-Опой даже за куницей перестал гнаться, сбросил с ног широкие, подбитые мехом лыжи и засуетился, раскапывая снег то на берегу, то на ледяном панцире реки и нюхая этот снег, и даже пробуя его на вкус. Нет, не пахнет снег нефтью! Значит, должна быть в Течиде рыба! Когда Ани-Опой был мальчишкой, не было в тундре ненца, который не имел бы рыбы столько, сколько душе угодно, и не какой-то простой рыбы, а икряной осетрины, лососины, муксуна, нельмы. Сушеными муксунами собак кормили, а щуку или сома даже собаки не ели

---

[17] Примечания: 17
Тынзей — плетеный кожаный ремешок (ненецк.).

— сушеной щукой костры разжигали. И особенно много рыбы и икры было зимой, когда лед давил на рыбу в Оби и она уходила из Оби в мелкие речки, где ее не только сетями, а просто руками можно было черпать.

Но пришли русские в северные тундры, стали лить они в Обь и другие речки бензин, нефть и еще какую-то грязь, и брюхом кверху стала всплывать рыба из Оби. И уже не то что собакам — для людей нет рыбы вдоволь. Однако здесь, в Течиде, должна быть рыба, так сказал Ани-Опой своим детям и всей своей родне рода Харючи, что означает сильные журавлиные люди. А сильный Харючи разве отдаст пешню кому-нибудь, когда из-подо льда вот-вот брызнет живая, темная вода, в которой жирная и дорогая, икряная рыба… Когда этот нерусский гость попросил Ани-Опоя отвезти его в Уренгой, Ани-Опой сразу сообразил, что заодно он повезет в Уренгой и икряную рыбу и получит там за нее много продуктов — русские страсть как охочи до икряной рыбы…

Пешня вдруг мягко проломила лед и чуть не ушла в воду — так увлекся своими мыслями Ани-Опой. Даже про нерусского гостя забыл — гостя, который стоял вместе со всеми Харючи над лункой и следил за работой Ани-Опоя. Но все-таки

Ани-Опои удержал пешню, вытащил ее из воды и отбросил в сторону, а сам тут же опустился на колени, лихорадочно сбросил с рук меховые рукавицы и голой рукой зачерпнул темную воду, припал к ней губами.

Родичи напряженно следили за ним. Если скажет Ани-Опой, что вода в реке живая, тут же прорубят во льду вторую лунку, метрах в десяти от первой, и поставят сети, пропустив их подо льдом от лунки к лунке на длинном шесте. А через несколько часов, если Нум, бог тундры, будет милостив к ненцам, они, как в былые годы, вытащат из воды огромного осетра с набитым икрой брюхом. Осетр будет яростно бить хвостом по льду, но Ани-Опой, по праву первого добытчика, успокоит его ударом пешни по голове, а затем острым ножом полоснет по брюху, и из разреза густо пойдет икра, заполнит подставленное ведро. Каждый вытащит ложку из-за голенища кисов, и ведро икры будет съедено быстрей, чем песец пробежит с одного берега реки на другой. Потом, подкрепившись, они уже без перерыва будут таскать из воды сети с осетрами и нельмой, белугой и муксуном и долбить новые лунки, и опять ставить сети, а Ани-Опой будет отдыхать на берегу, покрикивая: «А? Ани-Опой знает, где

искать живую воду!»

Но Ани-Опой не спешил обрадовать своих родичей. Он выпил всю воду из ладони, зачерпнул еще и долго перекатывал во рту новый глоток. Его исколотое льдом лицо было в крови, но он не обращал на это внимания.

— Ну?! — не выдержал кто-то. — Говори! Живая вода?

Ани-Опой не ответил. Он закатал рукав малицы и, стоя на четвереньках над прорубью, запустил голую руку до локтя в темную воду реки. Там, под водой, он отломил кусок темного льда, вытащил его и, не обращая внимания на то, что вода буквально замерзает на его руке, стал осматривать этот кусок льда со всех сторон, нюхать.

Потом выпрямился, отбросил лед, выкарабкался из лунки, молча подхватил на плечо пешню и, не сказав ни слова, пошел вверх по реке. Ненцы двинулись за ним, Зигфрид тоже. Зигфрид был уже одет как ненец: в меховые носки-ичиги и меховые сапоги-кисы, в замшевые штаны и в замшевую рубашку-ягушку, а поверх нее — малица и еще сокуй — верхний, глухой замшевый балахон, который надевают ненцы лишь в дальнюю дорогу… Зато в этом наряде Зигфриду было тепло. В меховых, с соломенной стелькой сапогах

ноги не мерзли, а песцовая оторочка капюшона защищала лоб и щеки от тундрового ветра.

Ани-Опой прошел вверх по реке шагов триста, остановился и с силой опустил пешню на лед, стал долбить новую лунку. Та вода, которую он попробовал только что в первой лунке, не понравилась Ани-Опою. Мертвой была вода в речке Течиде, но мертвой не от примеси нефти, которая может притечь весной вместе со снежными водами, а мертвой другой смертью, в которую не хотел, не мог поверить Ани-Опой. И потому он стал с ожесточением долбить вторую лунку.

Через час этой изнурительной работы, когда многие Харючи уже в полной безнадежности укатили на собачьих и оленьих упряжках в стойбище, Ани-Опой нетерпеливо отнял пешню у неловко тюкающего лед Зигфрида, быстро добил лунку до воды и зачерпнул горсть. Кровь капнула в эту воду с его иссеченного лица, он вылил эту воду в сторону, на снег, и зачерпнул снова из полыньи, и поднес ко рту, припал губами к этой воде. Некоторое время он держал эту воду во рту, так и эдак пробуя ее языком и нёбом, а затем выплюнул, откинулся спиной к стенке выдолбленной им лунки.

— Ну что? Говори! — сказал кто-то.

Ани-Опой поднял лицо. На этом старом, морщинистом, с засохшими корками крови лице было такое глубокое, такое неподдельное горе, что Зигфрид впервые ощутил искреннее сострадание к этим людям. Да, шесть лет назад, когда Богомятов, Салахов, Розанов и Шатунов первый раз возили Зигфрида на вертолетах по Ямалу и показывали ненцев — звероводов, охотников и рыболовов, Зигфрид относился к этим людям в одежде из оленьих шкур как к забавной экзотике — и не больше. Словно возят его по Диснейленду и показывают одетые в эскимосскую одежду манекены. Потом, пять лет назад, во время очередного визита Зигфрида в Салехард главный геолог салехардского треста «Ямалнефтегазоразведка», весельчак и толстяк Розанов «угостил» Зигфрида двенадцатилетней ненецкой девочкой из салехардского интерната, и эта малышка легко убедила Зигфрида в том, что она никакой не манекен, а живая, из чудной плоти аборигенка с бронзовым телом, и теплой маленькой грудью, и зовущими серыми глазами. Зигфрид, как ни силился, не мог вспомнить теперь имя этой сероглазой 12-летней неночки, хотя тогда, пять лет назад, после первой ночи в коттедже Розанова она приходила к Зигфриду в гостиницу «Север»

каждую ночь — целую неделю, и это была одна из самых сладких недель его мужской жизни. Настолько сладкой, что на прощальном сабантуе все в том же коттедже Розанова он повел себя как собственник, как влюбленный мальчишка — на все просьбы небольшой мужской компании поделиться этой девчонкой для группового секса он сказал «нет», и им пришлось утешиться другой неночкой…

Но даже вот таким, самым, так сказать, прямым способом убедившись в том, что ненцы — живые, из плоти и крови люди, Зигфрид никогда не считал их людьми в том полном смысле этого слова, которое мы относим к себе и к себе подобным. Поэтому, когда через полтора примерно года, в очередной свой прилет в Салехард, он узнал от Розанова о трагической смерти своей «сладкой неночки» — она умерла сразу после отъезда Зигфрида, сказал Розанов, умерла от приступа астмы, — Зигфрид, считая ненцев кем-то вроде полярных папуасов, не столько пожалел эту девочку — черт возьми, как же ее звали?! — сколько опечалился, что не будет в этой командировке тех сладких ночей… Впрочем, Розанов с помощью своих связей легко возместил эту утрату другой ненецкой Лолитой, которая была в постели ни-

чем не хуже первой. Зигфрид решил тогда, что у этих 12-летних неночек просто первозданная, а точнее, дикая еще раскованность в сексе и почти доисторический темперамент и, значит, весь этот народец — эдакие полярные неандертальцы с чувственными и рано взрослеющими девочками. Зигфрид даже гордился своим столь оригинальным антропологическим анализом. Но теперь, проведя полдня с Ани-Опоем, увидев его дикую, изнуряющую работу и даже приняв в этой работе некоторое участие, Зигфрид, как ему показалось, чуть иначе поглядел на этих «полярных дикарей». Они живут на снегу, в тундре, в чумах, живут вместе с собаками, без света, без электричества, и вот, оказывается, каким каторжным трудом добывают себе пищу — двухпудовой пешней, на пятидесяти градусном морозе. Но и в результате этого труда — ничего, только горе и отчаяние на окровавленном лице Ани-Опоя.

— Мертвый вода, — сказал Ани-Опой. — Совсем мертвый. Даже трава нету под водой, однако. Даже воздух нет в воде, однако. Убили воду.

Он не знал, как объяснить этому нерусскому гостю, что когда умирают в реках водоросли и исчезает из речной воды тот самый привкус, который отличает воду от растопленного снега,

то это не просто гибель одной реки, а гибель всего вокруг — птицы никогда больше не сядут на эту воду, зверь уйдет от водопоев и погибнет, не найдя других водопоев, потому что и другие реки отравлены русскими, и оленьи пастбища вымрут вдоль берегов. А без рыбы, без птицы, без оленей и без зверя смерть придет и за всем журавлиным родом Харючи…

Он не смог объяснить это все нерусскому гостю, у него не было на то ни слов, ни желания. Но кажется, этот нерусский гость и без слов все понял. Он достал из своей сумки бутылку водки, сорвал зубами язычок алюминиевой пробки и протянул бутылку Ани-Опою…

45

Но может быть, не нужно Ани-Опою и всему журавлиному роду Харючи ждать, когда русские люди отравят все реки в тундре, убьют тракторами оленьи пастбища и выгонят из тундры всех зверей, до последнего лемминга? Может быть, бросить Ани-Опою чум и уйти туда, куда три дня назад ушел его старший сын Санко и еще пять парней из рода Харючи и из соседних родов, — помогать духам гнать русских из тундры? Но нет, не берут молодые стариков на это дело, смеются. Много, говорят, вы русской водки выпили, куда вам теперь против русских воевать!..

Ани-Опой стоял на пути оленьего стада, которое гнали на него собаки-лайки и соседи по стойбищу. Сплетенный из кожаных ремешков длинный тынзей был петлями свернут у него в руке, глаза искали в стаде важенку-одногодку. Конечно, можно забить и какого-нибудь ездового быка-оленя, из тех, что уже отбегали свой век или охромели, но мясо ездовых хоров и хапторок жилистое и невкусное, нельзя таким мясом угощать гостя, тем более такого гостя — из Америки!

Хотел Ани-Опой слукавить, хотел за счет этого

гостя прокатить в Уренгой и за рыбу выменять там много продуктов и еще пить с этим Зигфридом много водки — вот так нехорошо хотел схитрить Ани-Опой! И за это тут же покарали его духи тундры, не дали рыбу в речке Течиде. А Зигфрид даже и не знает, как хотел схитрить Ани-Опой, и водкой угощал Ани-Опоя. Теперь нужно срочно вернуть к себе расположение духов, нужно задобрить их — принести им в жертву молодую важенку, угостить этой важенкой всех соседей по стойбищу и этого Зигфрида.

Ох, до чего вкусная водка была у Зигфрида, до чего вкусная! Конечно, он повезет его в Уренгой, завтра же повезет. Он возьмет с собой мешок беличьих шкурок, четыре лисьи шкуры и семь песцовых — из тех запасов, которые лежат в чуме на самый голодный день. И он привезет старшему сыну и его друзьям продукты на целый месяц, чтобы хорошо могли они воевать против русских. Масло привезет, соль привезет, сахар привезет и, может быть, даже табак и порох. А чем еще могут помогать старики своим детям, когда пролетает по стойбищам трехгранная стрела со знаком к восстанию и все должны идти воевать — и богатырь, и простой человек…

Топот оленьего стада накатывал все ближе.

Серая масса оленьего стада неслась на Ани-Опоя, дробя копытами тундровый наст. Под ударами этих копыт промороженная тундра гудела, как шаманский бубен. Ветвистые оленьи рога качались над стадом, как волны в холодном море. Словно маленькую лодку, они то закрывали, то открывали взгляду Ани-Опоя красивую годовалую важенку со стройным торсом и высокой головой. Эх, если бы могли все ненцы собраться сразу в такое стадо, налететь на русских и одним ударом выбросить их из тундры! Но только Ваули, легендарный богатырь Ваули Пиеттомин умел выгонять русских из тундры одним ударом! И давно это было, очень давно — когда не было у русских ни самолетов, ни танков. «А теперь, — говорит Санко, — нужно иначе бить русских — нужно напугать их так, чтоб сами бежали из тундры, как зверь бежит от лесного пожара».

— Как же ты их напугаешь? — спросил Ани-Опой у сына.

— Духи научили как, — усмехнулся Санко и напомнил отцу старую ненецкую сказку, которую Ани-Опой слышал от своего деда, а тот — от своего: — «У живых врагов уши и хотэ отрезали и заставили их свои хотэ съесть. Так отцы за свою кровь мстили, так сыновья и делают»...

Стадо почти поравнялось с Ани-Опоем, уже двадцать метров было до их серой массы. Ани-Опой должен перестать думать. Ани-Опой должен сжаться пружиной, словно не кожаному тынзею, а ему самому лететь сейчас к этой красивой важенке с темными большими глазами и нежными ушами. Сейчас!

— Хо! — Ани-Опой метнул свой тынзей.

Аркан змеей мелькнул в воздухе и захлестнул шею важенки. Как подсеченная, важенка рухнула в снег, перевернулась через голову, всей своей тушей волоча за собой Ани-Опоя. Но нет, крепкая еще рука у Ани-Опоя, и ноги крепкие, даже после стакана водки он может заарканить оленя и устоять на ногах! Напрасно Санко называет его стариком…

Оленье стадо промчалось мимо, лишь пойманная важенка осталась, поднялась на ноги. Два ненца, помогая Ани-Опою, метнулись к ней, набросили ей на шею еще одну петлю из тынзея и стали по обе стороны ее головы. Каждый держал в руке по концу тынзея. Резкий и сильный рывок этих концов — и мгновенно задушенная важенка, выгнув шею и медленно подгибая под себя задние ноги, грузно осела на снег.

Только теперь Ани-Опой достал из-за пояса

охотничий нож с резной ручкой из моржовой кости. Это русские убивают своих домашних животных ножом или, как слышал Ани-Опой, даже топором! Мучают животных и зря проливают ценную кровь. Нет, ни один ненец не убьет оленя ножом, это грех перед тундрой и духами!

Быстро и ловко Ани-Опой сделал на шкуре задушенной важенки надрез в задней ноге и продолжил его до конца туловища. Ни капли крови не появилось из надреза, потому что только шкуру надрезал Ани-Опой — не мясо. В этот надрез вложил нож и стал отдирать шкуру от туловища — левой рукой тянул за конец шкуры у надреза, а кулаком правой давил на тушу в том месте, где шкура отделялась от мышц. Под его ловкими руками шкура снималась легко, как платье…

Зигфрид со смешанным чувством брезгливости и любопытства следил за этой виртуозной работой.

Через несколько минут вся шкура оленихи лежала на снегу шерстью книзу — без кусочка подкожной клетчатки, без крови — только чистая и гладкая мездра. На этой шкуре, как на подстилке, лежала голая оленья туша.

Ненцы уселись вокруг этого своеобразного стола.

— Иди сюда, однако! Аурдать[18] будем! — крикнул Зигфриду Ани-Опой и осторожно вскрыл ножом брюшную полость и грудную клетку важенки. Второй надрез у спины, и вот уже вместе с ребрами снята вся боковая часть туши, а еще через минуту Ани-Опой вывалил на землю внутренности важенки. И снова ни капли крови не вылилось из туши.

Кто-то из ненцев оттащил эти внутренности в сторону, подальше, отдал собакам.

А Ани-Опой опустился перед тушей на колени, сунул руку куда-то под горло важенки. Сильный рывок — и из разорванного дыхательного горла важенки хлынула алая кровь. Она быстро заполнила внутреннюю полость животного; в ней, как в супе, плавали сердце и легкие. И над этим алым «супом» поднимался пар — кровь была еще теплая, нет — горячая…

От стойбища сюда, к этому «пиршественному столу», бежали дети и женщины. Они шумно замкнули круг вокруг забитой важенки, каждый достал нож и с аппетитом поглядывал на это огромное блюдо, но Ани-Опой предупредительно поднял руку.

---

[18] Примечания: 18
Аурдать — есть сырое мясо (ненецк.).

Шум и голоса смолкли. Ани-Опой вытащил из туши печень, ловко отрезал от нее длинный узкий ломоть и протянул Зигфриду.

— Саво сюнзе![19] — сказал он. И, видя, что Зигфрид с явной неохотой смотрит на этот кусок, Ани-Опой обмакнул печень в теплую кровь и протянул ему: — Кушай, кушай! Девки любить будут, однако!

Ненцы расхохотались — и мужчины, и женщины, и дети.

Зигфрид, под взглядами всех собравшихся, взял кусок печени, надкусил. Она была теплая и, как показалось ему, безвкусная. Но стоило ему взять этот кусок из рук Ани-Опоя, как все остальные с удовольствием принялись есть теплое и сырое оленье мясо, тоже обмакивая его в кровь оленя.

— Ття, ття, ах, кусна!.. — приговаривали дети. — Зигфрид, соль бери. Соль на мясо — совсем кусна, однако!..

Ели ненцы удивительно ловко. Одной рукой каждый брал кусок смоченного в крови мяса, захватывал зубами один конец, но не откусывал. В другой руке у каждого был острый как бритва нож. Таким ножом каждый быстро — снизу вверх

---

[19] Примечания: 19
От чистого сердца! (ненецк.)

— отрезал мясо прямо возле своего подбородка и губ. Зигфриду казалось, что они вот-вот поранят себе губы или носы — так быстро проносились ножи у их лиц, буквально в миллиметре…

Конечно, Зигфрид не раз слышал о том, что эскимосы пьют сырую оленью кровь и едят сырое оленье мясо, спасаясь этим от цинги. Но одно дело — слышать, а другое — быть почетным гостем за этим «столом»! «Со стороны это, наверно, выглядит живописно, — думал Зигфрид, — несколько ненецких семей в пестрых оленьих малицах сидят на снегу вокруг свежезабитой важенки, с аппетитом уплетают сырое мясо, и алые капли крови летят в белый снег, как клубничные ягоды. Вокруг — нетерпеливые собаки ждут своей очереди. А рядом — два десятка конусообразных чумов из оленьих шкур, возле каждого чума — оленья упряжка и несколько ездовых оленей, и какой-то трехлетний малыш запряг рослого щенка в корыто для белья и катается с хохотом по снегу. Просто патриархальная идиллия! Но с другой стороны, куда же этим патриархально-диким ненцам поднимать восстание против советской империи!..»

Позже, в чуме Ани-Опоя, в прокопченном медном чугунке парилось на огне очага оленье мясо — специально для не привыкшего к сырому мясу

Зигфрида. Очаг как бы делил этот чум на две части: в передней, ближе к входному пологу, лежала старая, темная, вытертая ногами оленья шкура, на ней в метельную погоду спали собаки. А в тыльной части чума, за очагом, лежали циновки из мягкой травы и чистые оленьи шкуры — постель Ани-Опоя и пятерых его детей: четырех дочек от пяти до одиннадцати лет и двухлетнего сына. Сейчас все дети, кроме старшей, одиннадцатилетней Мелькуне, лежали там, укрытые шкурами, и зырились из полутьмы своими любопытными глазками на Зигфрида. А Мелькуне прислуживала взрослым: из левого угла чума, где хранились вся посуда и мешки с припасами сушеной рыбы, чая, соли и сахара, она достала большую стеклянную чашку, старательно вытерла ее снаружи и внутри березовыми стружками и наполнила крепким, кирпичного цвета чаем, подала Зигфриду… Остальные ненцы и Ани-Опой пили чай из простых алюминиевых кружек, но Зигфриду, как гостю, была подана стеклянная…

Дым очага уходил сквозь проем в конусе чума, от огня шло тепло, и ненцы, меднолицые от отсветов огня, сидели возле очага, скрестив ноги, сияв малицы, — полуголые, в замшевых штанах и открытых нижних рубахах из замши

— ягушках. Курили трубки, закладывали жевательный табак за губу, пили чай — не с сахаром, а с сушеной рыбой, которая лежала перед ними в деревянном корытце. И старательно уходили от разговоров о последних событиях в тундре. Но Зигфрид гнул свое.

— Я слышал, что кто-то буровые в тундре поджег? — спрашивал он.

Старики-ненцы молчали, вопросительно поглядывали на Ани-Опоя или вообще отводили глаза и сплевывали табачную слюну. Ани-Опой дипломатично отвечал:

— Ненаца ничего не знает. Ненаца тундра каслает — олешки пасет. А огонь на русские буровые духи тундры пускают.

— Зачем?

— Не знаю зачем, — отводил глаза Ани-Опой. — Духи тундры в земле спали. Русский люди пришли, много плохо тундре сделали. Реки убили, зверь пугали, дырки в земле делали — совсем будил и духов, однако. Пока эти дырки в земле не были, духи не могли выйти, под землей сидели. Теперь русский люди хотели эти духи по трубе выгнать из тундры. Открыли дырки в земле, стали гнать духи в трубу, как в капкан. Чтобы ненацы совсем без друзей остались. А духи вырва-

лись и наказали русских… — Ани-Опой шумно отхлебнул чай из своей кружки.

«Ничего себе, интерпретация открытия газопровода „Сибирь–Западная Европа“!» — усмехнулся про себя Зигфрид. Но вслух сказал по-иному:

— Когда русские из-под земли газ достанут, в тундре тепло станет, светло станет. Русские люди вам теплые дома построят, электростанции.

— Совсем тогда ненец умирать будет, однако, — сказал со вздохом какой-то старик и даже закачался всем туловищем обреченно.

— Но почему?!

— Совсем тундра грязный станет. Пока русский люди сюда не пришел, тундра чистый был, ненец никогда не болел. А русский люди пришел и много своих больных духов принес в тундру, однако.

— Но ведь больницы построили, школы, интернаты — я сам видел в Салехарде и в Уренгое!

— Больницы — тьфу! — вдруг возмущенно сказал другой старик. — Совсем не лечат! Мой живот болел, очень сильно болел. Мой на оленях больницу ехал, в Новый Порт ехал. Доктор говорит: соболь давай — буду лекарство давать. Я говорю: ты лекарство давай, я чум поеду, соболь тебе привезу. Нет, говорит, сначала соболь давай, однако. Так не дал лекарство, пока я больной живот чум

поехал, соболь взял для доктор.

— Нынче все опять стал, как давным-давно был, до революции, — сказал третий старик. — Даже хуже стал, однако. Русский люди нам, ненцам, паспорт не дают. А без паспорт милиция ни один город жить не пускает. В Москва не пускает жить, в Ленинград не пускает, даже в Салехард не пускает. Тундра живи! А как тундра жить? В магазин соболь даешь — магазин тебе ничего не дает. Мука не дает, чай не дает, масло не дает. Только бумажный деньги за соболь дает. А за бумажный деньги нигде ничего нету. Мой дочка в самый Москве на экскурсий был, говорит: «Москве даже для русский люди мясо нету, однако!» Мой башка не понимает: если русский люди для себя ничего нету, зачем русский в тундру пришел? Ненец всех русских кормить не может: ненец мало, русский люди — очень много, однако…

Откинув входную полость, в чум забежали собаки — спрятаться от ветра, который поднялся в тундре к ночи. Высунув языки, они легли на вытертую оленью шкуру, поглядывая то на жаркий огонь очага, то на ненцев и Зигфрида. На их пушистых шкурах серебрились и поблескивали капли тающего снега.

— Русский люди — злой люди, дурной башка, —

продолжал старик и объяснил: — Собака видишь? Мой собака — правильный собака: оленя пасет, волка нападает, детей шибко любит, однако. Русский люди не так — чужой земля воюет: сам себе тундре лагерь строит, тюрьму! И другой русский люди в этот лагерь сажает — сам свой народ лагерь сажает, тюрьму! И собак совсем портил — на человека нападать научил, однако! — Старик снова сокрушенно покачал головой, в которой явно не укладывалась такая дикость: Человек научил собаку нападать на Человека и равного себе Человека сажал в тюрьму, как песца в клетку!

— Ты много говоришь, Лабута, — укорил его Ани-Опой, ему явно не нравилось это направление разговора.

— У меня имя такой — много говорить, — ответил старик.

И спросил у Зигфрида:

— А твой имя что значит?

Зигфрид пожал плечами:

— Ничего… Имя просто…

— Ничего не может быть. Каждый имя что-то значит, однако.

— Например, Тэта, — оживился Ани-Опой, явно радуясь тому, что можно увести разговор в другую сторону. И показал на старика, у которого

доктор требовал соболя за лекарство. — Тэта — у кого оленей много.

— Теперь не так много, — сказал Тэта. — Теперь люча тундру портил, ягель нет для олешков, много олешков умер, однако…

— Значит, неправильный твой имя стал, — сказал ему Ани-Опой и показал на старика по имени Лабута. — А у него имя правильный — Лабута. Много говорит, значит.

— А твое имя что значит? — спросил Зигфрид у Ани-Опоя, отправляя в рот очередной кусок вареной оленины и запивая его чаем.

— Мое имя значит «еще один», — сказал Ани-Опой. — Мой отец детей так называл: первый родился — Опой. Один, значит. Второй родился — Сиде. Два, значит. Третий родился — Нягар. Три, значит. Так семь детей родились. А больше мой отец не умел считать, однако. Потому, когда я родился, он сначала начал — Ани-Опой, Еще один, значит…

Ненцы снисходительно засмеялись, словно у каждого из них было высшее математическое образование. Зигфрид даже с некоторым удивлением смотрел на них — на их открытый детский смех…

— А где твоя жена? — спросил он Ани-Опоя.

— Моя баба на хальмер пошел, — сказал Ани-Опой, погрустнев мгновенно, и объяснил непонимающему Зигфриду: — Моя баба сына рожал. Русский доктор пять соболей взял, а все равно бабе живот резал, а потом на хальмер послал. И соболь мне не отдал, однако…

Все ненцы опечалились мгновенно, их лица были полны сочувствия Ани-Опою.

— Два года один живу, — продолжал Ани-Опой. — Восемь детей кормить — очень трудно, однако. Поэтому пять детей тут, один сын охотник в тундре, а два старший дочка в интернат отдал. Не хотел отдавать, там их русский мужик портить будет. Но восемь детей Ани-Опой не может кормить; тундра совсем плохой стал — зверь нет, рыба нет, птица тоже нет, однако…

Старики ненцы принялись шумно вздыхать.

— А как твоих старших дочек звать? — с внутренней опаской спросил Зигфрид.

— Тадане и Папане.

Зигфрид облегченно перевел дух. Нет, не так звали ту, двенадцатилетнюю. Он спросил:

— А зачем столько детей сделал?

— А что еще делать? — ответил Ани-Опой, хитро блеснув узкими глазами. — Телевизор нету, света тоже нету, однако.

И снова все ненцы расхохотались веселым, открытым, словно детским, смехом…

Неожиданно собаки с громким лаем выскочили из чума. Ани-Опой и другие ненцы поднялись и, на ходу натягивая малицы, вышли за ними. Зигфрид остался один на один с пятью детьми. Мелькуне, старшая дочка Ани-Опоя, возилась в углу: из кусочков меха и тряпиц ловко делала какую-то крохотную фигурку в малице и кисах.

— Что это? — спросил Зигфрид.

— Это кукла. Будет для младшей сестры игрушка, однако… — ответила Мелькуне, не поднимая глаз.

«Черт возьми, — подумал Зигфрид, — грязные, немытые, живущие с собаками и оленями, эти люди — тоже люди». Конечно, это не значит, что ради них нужно отменить строительство газопровода, потерять 225 миллионов, да и не в его власти отменять это строительство, но пожертвовать 150–200 тысяч на создание здесь какого-нибудь тундро-Диснейленда для этих детишек — это он непременно сделает. Тем паче, что все равно что-то нужно списать на налоги…

Неожиданно одна из торчащих из-под оленьих шкур детских головок спросила;

— Зигфрид, а ты у нас спать будешь?

Он пожал плечами;

— Наверно…

— С Мелькуне спать будешь?

— Почему с Мелькуне? Я один спать буду…

— Один — плохо спать. Холодно, однако. Ты с Мелькуне спи — тепло будет. Мелькуне в жены бери, она хороший жена будет. Хочешь Мелькуне в жены брать?

— А тебя как зовут? — улыбнулся Зигфрид.

— А меня ты еще не можешь в жены брать. Меня еще три года ждать надо, мне только восемь лет. Меня Окка зовут…

Зигфрида как кнутом стеганули: Окка! Окка ее звали! Оккой звали ту, двенадцатилетнюю, пять лет назад! Это имя снова бросило Зигфрида в воспоминания о той сладкой неделе, о горячей и дикой, развратной и невинной ненецкой Лолите…

Он встал, неумело натянул через голову малицу и вышел из чума. В стороне, шагах в десяти, возле нераспакованных нарт, на которых Ани-Опой и другие ненцы привезли из магазина-фактории мешки и ящики с консервами «Завтрак туриста», толпились ненцы, что-то обсуждали между собой. Но при приближении Зигфрида все смолкли. Зигфрид увидел шесть незнакомых ему фигур

молодых ненцев. Они были с охотничьими ружьями, рядом громко и устало дышали олени их упряжек.

— Твоя зачем из чума выходил? — спросил у Зигфрида Ани-Опой. — Твоя лучше чум сидеть, чай пить.

— Я воздухом подышать вышел, — сказал Зигфрид.

Ненцы о чем-то заговорили между собой по-ненецки. Зигфриду показалось, что молодые парни недовольно выговаривали что-то старикам, Ани-Опой словно оправдывался. Потом парни запрягли в нагруженные продуктами нарты свежих ездовых оленей и с криками «Хо! Хох!» укатили в ночную тундру. Собаки провожали их до конца стойбища, а затем вернулись к старикам ненцам, которые молча стояли и смотрели вслед укатившим упряжкам.

— Кто это? — спросил Зигфрид у Ани-Опоя.

— Мой сын Санко, охотник, — сказал Ани-Опой, выпрягая из оставленных приезжими нарт усталых оленей. — Белка промышлять пошли. Далеко тундру пошли. Твоя иди чум, однако. Спать, однако. Уренгой утром поедем, саво?

Он выглядел смущенным и прятал глаза.

— Саво, — сказал ему Зигфрид.

46

Из «ОПЕРАТИВНОГО ДОКЛАДА ПРАВИТЕЛЬСТВУ»

от Председателя КГБ генерала Чебрикова

Секретно

Срочно

…Довожу до Вашего сведения несколько фактов из оперативных донесений, поступивших из различных районов Ямало-Ненецкого округа.

Факт 1.

Расширяя зону поисков преступников, совершивших поджог буровой у озера Мириги, командир вертолетной эскадрильи лейтенант Звягин заметил с воздуха следы оленьих упряжек, уходящие от озера на северо-запад вдоль русла реки Течиды. Следуя по направлению этих следов, эскадрилья лейтенанта Звягина в составе трех вертолетов обнаружила и задержала в тундре шесть оленьих упряжек с шестью ненцами. При допросе задержанные показали, что находятся в тундре

на охоте. По их словам, они слышали взрыв и видели огонь, поднявшийся над тундрой возле озера Мириги. Решив, что это духи тундры взорвали буровую, они покинули место охоты и едут домой. При обыске их упряжек были обнаружены охотничьи ружья, восемнадцать белок и три песца, что крайне мало для таких опытных охотников, как местные ненцы. Однако охотники объяснили, что в связи со строительством газопровода добыча пушного зверя в тундре резко снизилась, а расставленные ими возле озера Мириги силки и капканы погибли, по их словам, от пожара.

Хотя пребывание ненцев-охотников вблизи места происшествия вызвало подозрение у лейтенанта Звягина, их показания и отсутствие прямых улик их причастности к поджогу буровой вынудили его отпустить задержанных.

Факт 2.

Аналогичные следы собачьих упряжек обнаружены вертолетчиками в районе горящей буровой номер 727 у поселка Каменный. Следственная бригада во главе

с прибывшими со мной из Москвы опытными криминалистами вышла по этим следам к ненецкому зверосовхозу «Заря над Севером». По словам допрошенных здесь ненцев, группа охотников зверосовхоза действительно находилась вблизи буровой номер 727, преследуя волчью стаю. Ненцы утверждают, что из-за разработки газовых месторождений «весь зверь ушел из тундры» и волки, за неимением другой пищи, нападают не только на оленей, но и на ненецкие стойбища. При этом ненцы показали искусанного волками ребенка и предъявили три шкуры убитых ими волков. Обыск стойбища не дал никаких улик причастности ненцев к поджогу буровой номер 727. Однако обращает на себя внимание другая подробность. В связи с предстоящим приездом в округ членов Советского правительства и иностранных журналистов совхоз «Заря над Севером» был выбран в качестве образцово-показательного, и месяц назад работники совхоза были переселены из чумов в щитовые дома. Теперь прибывшая в совхоз бригада

следователей обнаружила, что ненцы разобрали внутренние стены этих домов, поставили внутри домов свои чумы и живут в этих чумах, спалив в очагах деревянные перегородки домов и деревянную мебель. В ответ на вопрос о причинах такого поведения ненцы сообщили, что они не хотят «жить по-русски». Аналогичные сообщения о переселении ненцев из домов в чумы стали поступать и из других районов округа.

Факт 3.

В районе буровых, горящих у озер Анагури, Нугмы, Юнарты и на реке Хайде, никаких следов обнаружено не было, но, по словам строителей газопровода, на участке Анагури – Уренгой они за несколько часов до возникновения пожаров видели в тундре несколько оленьих и собачьих упряжек..

Факт 4.

В ненецком поселке Красный Север обнаружен и арестован бежавший со своего поста бывший первый секретарь Ямало-Ненецкого окружкома партии Петр Тусяда. При допросе Тусяда заявил, что

покинул свой пост, поскольку считает, что разработка газовых месторождений в тундре несет гибель ненецкому народу, и он не хочет участвовать в этом «преступлении». Объясняя поджоги буровых, Тусяда заявил, что нефть и газ Ямала принадлежат ненецкому народу и народ имеет право жечь этот газ по своему усмотрению. Тем самым Тусяда косвенно подтвердил, что буровые поджигают ненцы…

Все эти факты: массовое и демонстративное переселение ненцев из домов в чумы, их открытые заявления о вреде строительства газопровода, следы их пребывания в районах поджога буровых, а также все предыдущие события в Салехарде и слухи о возвращениях Ваули Пиеттомина – руководителя антирусских восстаний ненцев в XVIII веке – свидетельствуют, на мой взгляд, об ОРГАНИЗОВАННОМ В СРЕДЕ НЕНЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАГОВОРЕ против Советской власти вообще и строительства газопровода в частности. Совершенно очевидно, что тактикой свержения Советской вла-

сти ненцы избрали «незримый террор», то есть, пользуясь полярной ночью и прекрасным знанием местности, они нападают на буровые, убивают рабочих и с помощью пожаров уничтожают следы преступлений. Вернувшись в свои стойбища, преступники растворяются в общей ненецкой массе, а совершаемые ими преступления ведут к панике среди русского населения края.

В СВЯЗИ С НЕОБХОДИМОСТЬЮ НЕМЕДЛЕННО
ПОКОНЧИТЬ
С БЕСПОРЯДКАМИ, ПРИНИМАЮЩИМИ ХАРАКТЕР
НАЦИОНАЛЬНОГО АНТИСОВЕТСКОГО ВОССТАНИЯ,
КОМАНДОВАНИЕ ОБЪЕДИНЕННЫХ СИЛ АРМИИ, КГБ И МИЛИЦИИ В ГОРОДЕ САЛЕХАРДЕ СОВМЕСТНО С ПАРТИЙНЫМ РУКОВОДСТВОМ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ ПРИНЯЛО РЕШЕНИЕ СРОЧНО ПРОВЕСТИ В РАЗНЫХ КОНЦАХ ЯМАЛЬСКОЙ ТУНДРЫ СЕРИЮ ПОКАЗАТЕЛЬНО-КАРАТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ…

47

Снежный наст скрипел под полозьями.

Зигфрид сидел на нартах позади Ани-Опоя, стараясь точно скопировать его позу. Плотная, в темном сокуе фигура Ани-Опоя крепко держалась в нартах, ни одна кочка не нарушала его равновесия. Поджав под себя правую ногу, а левую выставив наружу, он носком упирался в копылья нарт у самых полозьев. В левой руке — длинный, восьмиметровый, шест-хорей, которым Ани-Опой не столько бьет, сколько стращает оленей: «Хо! Хох!» А в правой руке вожжечка от передового оленя, этими вожжами Ани-Опой правит оленями.

Как в этой совершенно однообразной тундре, темной из-за полярной ночи, со слегка фосфоресцирующими застругами сине-белых торосов, как среди этого ледяного безмолвия Ани-Опои находит дорогу — этого Зигфрид не знал, да и не пытался понять. Бывают ситуации, когда ты не можешь ни управлять событиями, ни даже догадываться об их логике и направлении. И тогда не остается ничего иного, как, расслабясь, отдаться их течению, наблюдая, по словам русского поэта,

«куда влечет нас рок событий»…

Всего каких-нибудь двадцать четыре часа назад Зигфрид бежал из Затайки, из ее теплой и мягкой постели, от гостеприимного Ханова, но сейчас казалось, что это было давным-давно, чуть ли не в другой жизни. От однообразия тундры, от ее чистого морозного воздуха, от ритмичного топота оленьих копыт и тепла надетых на Зигфрида меховых одежд — от всего этого Зигфрида тянуло в сон. Черт возьми, он не спит уже третьи сутки. Разве можно назвать сном сегодняшний ночлег в чуме Ани-Опоя?! Зигфрид спал одетый на оленьих шкурах и укрытый шкурами, но и сквозь эти шкуры его непривычное к такой постели тело чувствовало под собой многометровую толщу вечной мерзлоты, ее ледяную силу. А кроме того, всю ночь Ани-Опой храпел; собаки возились и взвизгивали во сне у выхода из чума; среди ночи двухлетний малыш, младший сын Ани-Опоя, вдруг выбрался из кучи спящих детей, прошел, покачиваясь на своих еще не окрепших ногах, к выходу, открыл полог и стоял там босой на снегу, в одной ягушке, писая прямо в тундру. Порывы ветра заносили в чум брызги и снег, потом малыш забрался обратно под меховые шкуры, но входной полог остался незакрытым, ветер хлопал им, как

парусом, и намел в чум целый сугроб снега, пока Зигфрид, чертыхаясь, не выбрался из-под шкур и не закрыл этот полог. Казалось, все семейство Ани-Опоя спало как ни в чем не бывало, но, возвращаясь от входного полога на место, Зигфрид вдруг наткнулся на пристальный и ожидающий взгляд одиннадцатилетней Мелькуне. Даже если бы его озолотили в эту минуту. Зигфрид не притронулся бы к ней — в чуме, рядом с ее сестрами, храпящим отцом и взвизгивающими собаками! Нет, конечно!..

Но сейчас, в нартах, то впадая в дремоту, то выбрасываемый из нее очередной кочкой или торосом, Зигфрид не без самодовольства нежил в своей душе этот взрослый взгляд одиннадцатилетней неночки. Кто знает, быть может, через год или два он по каким-нибудь делам снова окажется в этой тундре. Если эту Мелькуне искупать в ванне с шампунем… А что до ее несовершеннолетия… «Come on! — сказал он сам себе. — Что плохого заниматься любовью с 12-летней девочкой, если она сама просит об этом? Значит, она созрела для этого, они тут рано созревают. Та, Окка, не была девственна в свои 12, а была распущенна и ненасытна, как… Как там у Бодлера? „С еврейкой бешеной, простертой на постели…“»

Рев вертолетных двигателей выпростал Зигфрида из этой сладкой полудремы. Оба они — и Зигфрид, и Ани-Опой — глянули в небо.

С юга на север, пересекая путь упряжки Ани-Опоя, шли три вертолета. На носу и на хвосте каждого горели яркие огни и вполнакала тлели мощные прожекторы. Из-за лучей этих прожекторов вертолеты казались похожими на огромных коршунов с вытянутыми вперед белыми лапами, готовыми ухватить мощными когтями очередную добычу…

«Меня! — подумал со страхом Зигфрид. — Меня ищут! КГБ! Сейчас они опустятся, схватят меня и еще будут хохотать над моим ненецким нарядом, а потом…»

Но вертолеты пронеслись мимо и ушли на север, рокот их двигателей исчез за дальней сопкой. Ани-Опой остановил оленей, обеспокоенно поднялся на нартах во весь рост, даже вытянулся в ту сторону, куда ушли вертолеты. Прислушался. Потом спрыгнул с нарт, откинул капюшон малицы, лег на замерзшую землю и приложил ухо к ледяному насту. Олени, отдыхая, потянулись к проплешине на снежном покрове сопки — там были видны замерзшие стебли ягеля.

— В чем дело? — спросил Зигфрид, но Ани-Опой

только замахал руками — молчи, мол, дай послушать тундру.

Вдруг он отпрянул от земли — резко, всем телом, как от удара. И лицо его преобразилось — ожесточилось, потемнело, а глаза — и без того узкие — сузились еще больше. Он вскочил на нарты, сильно ударил переднего оленя и резко повернул всю упряжку вслед улетевшим на север вертолетам. Зигфрид, вцепившись двумя руками в нарты, еле удержался в них.

— В чем дело? — крикнул он снова Ани-Опою.

Но Ани-Опой не обращал на Зигфрида никакого внимания. Он стоял на нартах в полный рост, орал на оленей и что есть силы гнал их по тундре вслед вертолетам. Наверно, его олени еще никогда не видели хозяина в таком состоянии. Вздрагивая ушами и подняв от страха хвосты почти вертикально, они буквально стелились по тундре, храпя и кося на хозяина потными мордами.

Зигфрид, чтобы удержаться на нартах, просто лег в них, подмяв под себя свою сумку с водкой и мешок с белками и соболями, которых вез в Уренгой Ани-Опой.

Минут через двадцать этой бешеной скачки, когда Зигфрид почувствовал, что руки и ноги

больше не держат его в нартах, а Ани-Опой, не обращая внимания на пену, валившую с морд его оленей, продолжал нещадно бить их хореем, крича «Хор! Хор!», — рев вертолетных двигателей послышался снова. Теперь они летели с севера на юг, навстречу упряжке Ани-Опоя, и куда ниже, чем раньше.

Неожиданно один из вертолетов отделился от троицы, снизился, еще включил прожекторы и с ревом, от которого уже закладывало уши, помчался прямо на упряжку.

Ослепленные и оглушенные олени, храпя от страха, рванули в сторону.

Ани-Опой чудом удержал их, но вертолет все снижался, словно шел на таран.

Пятясь от летящего прямо на них вертолета, олени смяли нарты, и в ту же секунду мощный ветер от винтов вертолета вообще расшвырял в стороны и обезумевших оленей, и людей, и нарты.

Зигфрид, оглушенный, очумело вскочил на ноги, замахал руками, закричал:

— Стойте! Что вы делаете? Тут люди!..

Но вертолет, развернувшись в стороне, снова шел прямо на него, на Ани-Опоя, на перевернутые нарты.

— Стойте! — орал Зигфрид. — Я Шерц! Я сдаюсь! Вы не имеете права! Я американец!!!

Ветер от винтов вертолета снова сбил его с ног, но, падая, он успел заметить в кабине вертолета молодое и хохочущее лицо пилота в армейской форме…

Потом вертолет взлетел ввысь и ушел догонять своих армейских товарищей. Ани-Опой поднялся из снега, огляделся. Нарты были перевернуты, поломаны, олени с оборванными вожжами стремглав бежали в разные стороны тундры.

Ани-Опой стащил с себя тяжелый сокуй, сбросил его на снег и, не сказав Зигфриду ни слова, побежал по тундре туда, откуда только что улетели вертолеты, — на север. Зигфрид, ничего не понимая, бежал за ним, крича на ходу:

— В чем дело? Куда?

Он взмок в своем тяжелом сокуе, пробовал стянуть его с себя, и в этот момент они вышли на гребень сопки.

То, что они увидели внизу, за сопкой, заставило их обоих замереть на месте.

Кровавое месиво мертвых человеческих тел, убитых оленей и расстрелянных с воздуха консервных банок с «Завтраком туриста» и маринованным перцем было внизу, на белом снегу

тундры.

Ани-Опой упал на колени и так, на коленях, пополз к этому кровавому побоищу. Глаза его уже нашли лежащую на снегу и иссеченную пулями фигуру сына. Малица Санко, как и других пятерых ненецких парней, была иссечена пулеметными очередями так густо, словно вертолеты кружили над уже мертвыми телами, всаживая в свои жертвы весь боезапас, без остатка.

Этими же пулеметными очередями были изуродованы олени — так, словно побывали в разделке у пьяного мясника.

Вокруг этих кусков свежего человеческого и оленьего мяса, от которых еще шел пар, валялись, как гарнир, пробитые пулями консервные банки «Завтрак туриста». Не было ни одной целой банки, будто стрелявшие соревновались между собой, кто больше расстреляет этих банок с воздуха…

48

ИЗ ПРИКАЗА ПО АВИАДЕСАНТНОЙ ДИВИЗИИ ИМЕНИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ:

…Выполняя боевой приказ правительства, Третий вертолетный полк нашей дивизии успешно провел в различных районах Ямало-Ненецкого округа операцию по защите социалистической собственности и советского строя.

В связи с отличным выполнением боевого задания

ПРИКАЗЫВАЮ:

Командира вертолетного полка майора Стригунова, командиров эскадрилий лейтенантов Звягина, Ахмерова, Игнатюка и Шевченко представить досрочно к присвоению очередного офицерского звания; стрелкам боевых вертолетов, принимавшим участие в выполнении боевого задания, объявить благодарность и десятидневный отпуск…

Командир дивизии генерал-майор Гринько

Салехард, 14 декабря 1983 г.

49

Зигфрид не думал, что дойдет живым до какого-нибудь жилья в тундре. Но когда он бессильно падал на снег, Ани-Опой грубо поднимал его за шиворот малицы и волок по жесткому насту до тех пор, когда Зигфрид приходил в себя и просил: «Пусти, я пойду…» Сам Ани-Опой не остановился ни разу даже для того, чтобы бросить себе в рот кусок льда или снега, утолить жажду.

После двух часов этого кросса по проламывающемуся под ногами тундровому насту они увидели припорошенные снегом ряды сетчатых клеток-вольеров — звероферму ненецкого совхоза «Светлый путь». В клетках беспокойно бегали голубые песцы, шоколадного цвета норки и серебристо-темные лисы. За вольерами были видны чумы и жилые дома совхоза, оленьи упряжки, дети в малицах.

Зигфрид упал в снег…

Ани-Опой один пошел навстречу собакам-лайкам, которые бежали к нему из стойбища.

Через час Зигфрид пришел в себя от ударов бубна, от яркого света, который бил в глаза, от тепла и от мягкости ложа, на котором он лежал. Не зная,

чудится ли ему это во сне, он расклеил слипшиеся ресницы и тут же зажмурился — действительно, электричество, неоновые лампы дневного света. Зигфрид заслонил глаза ладонью и огляделся.

Он лежал в большой продолговатой комнате, где не было никакой мебели, если не считать длинного стола и портретов Ленина и Маркса на стенах. Но главной достопримечательностью этой комнаты было то, что вся комната — то есть и длинный стол, и все пространство пола — была завалена кипами соболиных, лисьих, песцовых, норковых шкурок. И Зигфрид сам лежал на нескольких кипах соболиных шкурок, оттого и было это необычное ощущение нежно-мягкого тепла.

Зигфрид пошевелился и тут же услышал мужской голос — низкий, прокуренный:

— Ага! Кажется, приходим в себя?!

Зигфрид повел глазами на голос — в стороне, у маленького и слеповато-темного окошка, стоял высокий, крепкий старик лет восьмидесяти — из тех породистых стариков, которых не старит ни возраст, ни сутулость. У него было худое удлиненное лицо, крупный нос и седая щетка усов.

Прокуренные, крепкие и крупные зубы сжимали пустой янтарный мундштук. Одет этот старик

был в глухой серый, толстой вязки, свитер, поверх свитера была меховая безрукавка, а на ногах — брюки и высокие кисы. Из-под нависающих бровей старик зорко и весело смотрел на Зигфрида своими светло-голубыми глазами.

— Ну вставайте, вставайте! — сказал он. — А то весь спектакль пропустите! — И кивнул за окно, где удары бубна становились все громче и мелькали всполохи каких-то огней. — Такое теперь не часто можно увидеть! Вставайте!

Зигфрид огляделся. На полу буквально не было свободного от мехов места, чтобы поставить ногу. Но старик сказал:

— Да шагайте прямо по мехам, не стесняйтесь! Будем знакомы. Гейзенрих Лев Николаевич, эксперт по пушнине. Веду закупки пушнины для январского Международного пушного аукциона в Ленинграде. А вас как звать изволите?

Все было необычно в этом старике: старорусское аристократическое «изволите», и явно нерусская (но и не ненецкая) фамилия, и простые манеры общения, не говоря уже о баснословно богатом интерьере этой комнаты, в которой он ногами ходит по серебристым песцам и чернобурым лисам.

— Зигфрид Шерц, — назвал себя Зигфрид, неуве-

ренно шагая по мехам. — А где я?...

— Ка-ак? — перебил старик, изумленно вскинув седые брови. — Вы Зигфрид Шерц?! — И тут же перешел на немецкий: — Тот самый Шерц? Посредник между СССР и западными банками? Надеюсь, вы говорите по-немецки?

— Да, — сказал Зигфрид, в свою очередь изумляясь тому, что старик, живущий в глухой тундре, знает немецкий язык.

— Я много слышал о вас, мой друг, — продолжал между тем Гейзенрих. — Но как вы оказались в тундре, с ненцами?!

— Это длинная история... — уклончиво сказал Зигфрид.

Только теперь он уловил в немецкой речи этого старика сильный русский акцент, а в построении фраз — старолитературную выспренность шиллеровских времен.

— Ну, потом расскажете!.. — легко согласился старик и показал за окно. — Смотрите, смотрите! Такое я вижу теперь не часто. А я в Заполярье почти шестьдесят лет!.. Вы находитесь в конторе дирекции зверосовхоза «Светлый путь». Пути я, правда, не вижу, но света много, смотрите!..

За двойными рамами окна было действительно светло от огромного костра, который разложили

ненцы на просторной заснеженной площадке перед избой дирекции совхоза. Рядом с костром на шести нартах лежали доставленные из тундры шесть трупов погибших ненецких охотников. Тела были укрыты грубой тканью, по правую руку от каждого лежало в нартах его разбитое охотничье ружье, а по левую — походный котелок, нож, спичечный коробок, пачка махорки — все, что нужно охотнику и в загробной жизни. Рядом с этими готовыми в последний путь нартами стояла толпа ненцев с факелами. У костра на оленьей шкуре сидел мужчина в странной одежде: красивая замшевая рубашка с красными суконными эполетами была оторочена такой же красной каймой и красными выпушками. Все лицо мужчины было закрыто лоскутом алого сукна, на груди висела какая-то серебряная бляха, а в руках был большой бубен.

Гейзенрих улыбнулся:

— Шаман. Скоро будет камлать. То есть общаться с духами. А сейчас он греет бубен, чтобы кожа натянулась и стала упругой…

Действительно, шаман подносил бубен к костру, держал так какое-то время, а затем, взяв бубен в левую руку, а в правую — деревянную колотушку, начинал тихо и мерно бить в бубен,

прислушиваясь, как музыкант, который настраивает свой инструмент.

— Это, конечно, не настоящий шаман, — сказал Гейзенрих. — Это Васька Ного, зоотехник, ему лет сорок. Но его дед и прадед были настоящими шаманами, и костюм ему от них достался. Не пропил все-таки! — заключил он почти удивленно.

— Вы немец? — спросил наконец Зигфрид.

— Мои предки приехали в Россию из Баварии еще в XVII веке… — сказал Гейзенрих вскользь и тут же снова отвернулся к окну.

Там шаман решил, видимо, что бубен «настроен». Удары по бубну стали мощными, в полную силу, и все учащались, и, по мере их нарастания, шаман поднимался со шкуры, не то пританцовывая, не то совершая какие-то ритуальные дерганые движения. Ненцы плотней стали вокруг, их скуластые лица были освещены бликами костра и факелов. Шаман бил в бубен, скакал, то приближаясь к нартам с покойниками, то отбегая от них, и выкрикивал в такт ударам: «Го-о-ой! Го-ой! Гой!..»

— Духов вызывает, — сообщил Гейзенрих Зигфриду. — Между прочим, его прадеду это действительно удавалось, я сам видел… — Поскольку Зигфрид взглянул на него с удивлением и любо-

пытством, Гейзенрих охотно пояснил: — С 1923 года я ежегодно провожу здесь но нескольку месяцев. Я пушник по профессии, или, если угодно, эксперт по пушнине… Ну, Васька, давай! Посмотрим, что ты умеешь! — сказал он в окно, ловко забрался на подоконник и открыл форточку, что бы лучше слышать шамана.

Морозный воздух и гарь костра ворвались в комнату. А там за окном шаман вдруг замер на месте, а затем, запрокинув голову, стал громко выкрикивать что-то по-ненецки.

— Переводить вам? — спросил Гейзенрих у Зигфрида.

— Да, пожалуйста…

— Он спрашивает у духов умерших: «Кто убил вас, мужчины?»

И Гейзенрих стал синхронно переводить Зигфриду выкрики шамана, который громко задавал вопросы духам погибших и тут же выкрикивал их ответы:

— «Летчики убили нас, русские летчики…»

— «Почему убили вас русские летчики?»

— «Потому что мы сожгли буровые…»

— «Почему вы сожгли буровые?»

— «Потому что буровые убивают тундру. И весь наш народ в тундре…»

— «Далеко ли от вас наш богатырь Ваули Пиеттомин?»

— «Нет, недалеко от нас Ваули, вот он!»

— «Что ты скажешь нам, Ваули Пиеттомин?»

— «Русские убивают нас со своих самолетов и вертолетов, как волков на охоте.

Мой дух ходит по тундре и ищет, в кого вселиться,

Чтобы отомстить русским за смерть ненецких мужчин…

Трехгранную стрелу со знаком к восстанию

Пустил я по тундре,

И каждый должен идти воевать -

И богатырь, и простой человек!

Но есть ли среди ненцев еще мужчины,

У которых рука не дрогнет

И глаз не моргнет стрелять по русским?

Есть ли еще мужчины среди ненцев?

Есть ли?…»

Каждый вопрос шаман сопровождал ударом в бубен и, подбегая к ненцам, выкрикивал им в лицо;

— Есть ли еще мужчины среди ненцев? Сам Ваули спрашивает вас! Сам Ваули! Кто пойдет отомстить русским?

— Я… — негромко сказал Ани-Опой и выступил

из ряда родственников погибших. — Я сожгу одну буровую. За сына, однако.

— Я тоже… — шагнул вперед еще кто-то.

— И я…

— И я тоже, однако…

Восемь мужчин выступили из толпы и стояли теперь, оглядывая друг друга. А шаман вдруг подскочил вверх высоким прыжком, потом бряк-нулся на колени и крикнул:

— Земля! — Удар бубна. — Хорошо держи их на спине своей, не опрокинь! — Удар бубна. — Царь-Огонь! Тобой живем, ты нас греешь! — Удар бубна. — Волка от них отстрани, русские буровые сильным огнем съешь! — Удар бубна… — Выгони русских из земли нашей! — Удар бубна. — Солнце, земли свет, поскорей приходи! — Удар бубна. — В нашу тундру без русских — поскорей приходи! — Удар бубна. — Просим тебя, Солнце, земли свет, жить мы хотим! Любимых людей своих хорошо видеть! Наших оленей пасти! Нашу рыбу в реках ловить! Нашего зверя промышлять в тундре! — Шаман ускорял темп своих заклинаний, быстрей и звонче бил его бубен, и пляска становилась все энергичней, и крики — громче: — А русские люди пускай убегут! На своих самолетах пускай улетят! Вместе с ночью пускай улетят! Со злыми духами

пусть улетят! Со своими болезнями пусть улетят! Со своими тракторами пускай улетят! Со своими социалистическими обязательствами пускай улетят! А тундра не может при социализме жить! В тундре и так ничего нету!..

Тут Гейзенрих расхохотался и не стал дальше переводить, да и переводить было нечего — после еще нескольких заклинаний шаман свалился на оленью шкуру, затих. Ненцы тронули оленей, запряженных в нарты с покойниками, и длинная похоронная процессия, сопровождаемая детьми и собаками, растворилась в полярной ночи, отблескивая издали горящими факелами. Последним устало шел шаман. Он уже снял с лица суконный лоскут, но зато теперь на его плече был автомат Калашникова.

— Ого! — враз посерьезнел Гейзенрих и произнес, прищурившись: — Боюсь, что семнадцатого декабря не будет никакого торжественного открытия вашего газопровода…

50

— Мех — это романтика, мой дорогой, — вдохновенно говорил Гейзенрих некоторое время спустя, угощая Зигфрида крепким чаем с настоящими московскими сушками. Он брал из кипы норок или лис какую-нибудь шкурку, вздергивая ее в воздухе, словно встряхивал а затем поворачивал к яркой лампе дневного света и говорил: — Видите, какой отлив? А высота меха? А плотность? Но это всего-навсего третий сорт. То есть то что идет на внутренний рынок. А экспорт начинается с первого сорта, но есть кое-что и повыше первого сорта — есть «экстра-один» и «экстра-два» — не вольерный мех, не те зверьки, которых вы видели в клетках, а дикий зверь, из тундры… — Тут Гейзенрих подходил к пачкам совершенно роскошных мехов, брал шкурку голубого песца или лисицы, любовно проводил ладонью помеху и предлагал Зигфриду: — Потрогайте. Знаете, сколько стоит такая шкурка на аукционе? Полторы тысячи долларов! А теперь окиньте глазом эту комнату, мой дорогой. Здесь под тысячу шкурок. То есть мы с вами сидим на пушистом миллионе долларов, только и всего. И

это доход всего лишь двух звероферм, это, быть может, сотая часть выставки нашего январского аукциона. Поэтому даже Сталин, отменив весь нэп в России, не уничтожил ленинградские пушные аукционы! Валюта, чистая валюта! Каждый год пушники всего мира приезжают в Ленинград за русским мехом. И за несколько дней оставляют там миллионы долларов! Где еще в СССР вы можете увидеть такое — настоящий аукцион со ставками в твердой валюте? Советские рубли там даже не упоминаются. Гуд мани — онли! Но я вам говорил о романтике, не так ли? А романтика — не в деньгах…

Старик явно стосковался по собеседнику, да еще на его родном немецком языке! Зигфрид, согреваясь чаем и чувствуя, что снова оказался в цивилизации, быстро входил в свой прежний образ самоуверенного бизнесмена с улыбчивой и спокойной терпеливостью к собеседнику. Так любой корабль, выйдя из шторма в тихую гавань, превращается из гонимой ветрами и заливаемой волнами скорлупки в горделиво-величественное судно… Зигфрид чувствовал, что добрался до гавани, выплыл из ледяного моря тундры, если не на материк цивилизации, то хотя бы на остров…

— Романтика в самой пушнине! — продолжал

старик Гейзенрих. — Мех — это любовь! Да, да, не улыбайтесь! У меня было шесть жен, мой дорогой, и все — балерины Большого театра! Вот что такое мех, мой милый! Конечно, ваш газопровод убьет тундру, и уже не будет здесь соболей, лисиц, горностая. И это — глупо. Потому что газ вы можете найти и где-нибудь в Сахаре. И вообще, пользоваться нефтью, углем, газом — это же рудименты варварских цивилизаций.: Через каких-нибудь двадцать, от силы тридцать лет человечество будет получать энергию из морской воды. Ну пусть через сто лет! Но ни из какой морской воды, ни в каком ядерном реакторе вы не получите вот такого горностая или вот такого песца. И вообще, знаете ли вы, что такое тундра?! Тундра — это единственный на земном шаре курорт, воздух которого еще двадцать лет назад был начисто лишен вредоносных бактерий! Люди, смертельно больные астмой, излечивались здесь в неделю! Но вместо того чтобы строить здесь курорты, здесь строили лагеря! — усмехнулся Гейзенрих, — Право, СССР — страна парадоксов. Сталин убил миллионы граждан своей страны, в России нет семьи, у которой он не сгноил бы в лагерях хотя бы одного родственника. Я, с вашего позволения, тоже отсидел здесь с 38-го по 46-й

год, как немецко-японский шпион… — Старик усмехнулся, — Но мне было легче, чем другим, — я привык к тундре. А другие…Здесь до сих пор каждое лето, когда оттаивают болота, плывут по трясине человеческие кости и скелеты… А русский народ все равно тоскует по Сталину, по «хозяину», как они говорят. Его портреты снова по всей стране, в каждом автобусе. Даже диссидент Зиновьев называет его «великим человеком»!..

Зигфрид заметил, что в глазах Гейзенриха зажегся какой-то горячечный блеск. Видимо, старик впервые наткнулся на человека, которому мог сказать все, не таясь, излить, как говорят русские, душу.

— Впрочем, — продолжал Гейзенрих, — извлекать уроки из истории не умеет ни один народ в мире. Отдельная личность — да, отдельная личность учится на своих ошибках. Ребенок не сунет руку в огонь дважды. Но народы удивительно забывчивы, в этом парадокс человечества. Хотите примеры? Извольте: Израиль поставляет цветы в Германию. Нет, вы подумайте: Израиль поставляет в Германию цветы, а Германия поставляет в Израиль армейскую форму! А вы говорите — уроки истории!.. — И хотя Зигфрид ничего такого не говорил., старик продолжал: — Именно потому,

что у народов нет памяти, я не верю в свержение Советской власти в России или вообще в какие-нибудь демократические преобразования в этой стране. Русские не знают демократии, боятся ее, им нужен «хозяин». Поэтому власть, которая довела население всей страны до полуголодного уровня, — эта власть и по сей день самая сильная в мире. Никакие диссиденты не могут поднять народ на всеобщее восстание, никакие солженицыны, сахаровы, буковские при всем их донкихотском героизме. Даже во время голодного бунта в Новочеркасске не было мятежа хотя бы в соседних городах и поселках! У русских просто нет опыта борьбы за демократию. Если они и восставали когда-то, то за «доброго» царя! Но ненцы… Конечно, это народ дикий, нецивилизованный и отсталый. Но в этом их преимущество. У них нет исторического комплекса рабства. До порабощения русскими они жили здесь первобытной общиной. Без царей, королей или хотя бы князьков. Судьями были старейшины, которые ничем не владели — ни землей, ни людьми. Я изучал этот край по Миллеру, Мильтону и Георги — я знаю, о чем говорю! А теперь прокатитесь по Советскому Союзу и посмотрите: в каждой национальной республике, от Прибалтики до Грузии,

к русским относятся как к оккупантам. Русские знают это, и поэтому они там начеку. В каждой республике правительство держит войска — на случай восстания. А здесь, в тундре, — ну кто мог предвидеть, что дикие ненцы восстанут?! Их же никто и людьми не считал… Наверно, так же думали в сороковых годах англичане о евреях Палестины. Английская армия и ее генералы, которые только что разбили Гитлера в Африке, — разве они могли считать пейсатых евреев серьезными противниками? А теперь вспомните, какой тактикой евреи добились победы в Палестине, как они выгнали англичан. Ведь в Израиле, как и здесь, в тундре, нет ни лесов, ни джунглей для партизанской борьбы! Там, как и здесь, все открыто, и все население страны как на ладони. И все-таки евреи в течение нескольких месяцев выкинули англичан из Палестины. Как? Чем? Террором! Простым террором они довели англичан до того, что их армия позорно сидела в своих казармах и боялась нос высунуть из-за каменных заборов. А потом и вообще бежала из страны…

«Да он просто маньяк, — вдруг подумал Зигфрид о Гейзенрихе. — Он безумный маньяк с безумной мечтой свержения Советской власти

в тундре...»

— Я не знаю, кто организовал ненцев на это восстание, — продолжал Гейзенрих, — и есть ли вообще у них единый организатор, но события в тундре развиваются сейчас почти так, как в Израиле перед бегством англичан: сначала — личный террор против руководящих персон, потом — одиночные диверсии и, наконец, диверсия по всему краю — поджоги буровых... Вы следите за моей мыслью? — вдруг требовательно спросил он у Зигфрида.

— Да... Но я... Я не думал, что все это так серьезно. Ведь, насколько я слышал, все началось с того, что убийства совершили какие-то беглые заключенные. При чем тут ненцы?

— Вы думаете? — усмехнулся старик Гейзенрих.

Он прошел по мехам в угол комнаты, снял кипу соболиных шкурок с какой-то тумбочки и достал из этой тумбочки старую, с затертой обложкой книжку. «НЕНЕЦКИЕ СКАЗКИ И БЫЛИНЫ» — было написано на обложке, середина книжки была заложена бумажной закладкой. Гейзенрих водрузил на нос пенсне, открыл книгу на этой закладке и сказал Зигфриду:

— Тут есть замечательная былина о семи

ненецких братьях-богатырях и их семи сестрах. Однажды, вернувшись с охоты, братья обнаружили, что враги разрушили их чумы, угнали их оленей, а над сестрами надругались. Братья вскочили на ездовых оленей, догнали врагов и… — Тут Гейзенрих поднял палец и прочел из книги: — «Сколько врагов было, всех перебили. У живых уши и хотэ отрезали и заставили их хотэ съесть. Так наши отцы за свою кровь и позор мстили, так сыновья и делают!» Вы знаете, что такое хотэ? Это то, что у вас между ног, мой милый. А теперь скажите мне: с какой стати беглые русские заключенные будут выполнять заветы ненецких преданий, да еще так последовательно и точно — отрезать уши и половые органы таким любителям ненецких девочек, как Розанов, Хотько и Воропаев…

— Как? Как? — Зигфрид, до того слушавший старика несколько свысока, как безумного, теперь всем телом подался вперед. — Вы сказали — Розанов?! Какой Розанов?

— Петр Розанов, главный геолог «Ямалнефтегазразведки», — сказал Гейзенрих и с интересом поглядел на Зигфрида. — А вы его знали?

Знал ли Зигфрид Розанова! Да он знал всех троих — и Розанова, и Хотько, и Воропаева! Именно

они и были в коттедже Розанова пять лет назад на той самой сабантуйной вечеринке — проводах Зигфрида, когда Зигфрид не разрешил пустить по кругу свою ненецкую Лолиту — Окку. Они тогда быстро утешились другой ненецкой девчонкой, с которой тоже вытворяли черт-те что… И именно их — Розанова, Хотько, Воропаева — именно их убили духи тундры, да еще как!..

— Вы… вы хотите сказать, что их убили и отрезали им… за то, что они… — проговорил, почти заикаясь, Зигфрид.

— Я не знаю, в какой последовательности, — усмехнулся старик. — Убили и отрезали или сначала отрезали, а потом убили. В былине, во всяком случае, сказано точно: «У живых уши и хотэ отрезали». — И Гейзенрих снова в упор посмотрел на Зигфрида. — Так вы знали Розанова?

— Н-да… — смутился Зигфрид. — Н-не очень близко…

Но страх сам по себе, рефлекторно, свел его колени. И этот инстинктивный жест самозащиты не ускользнул от пристальных глаз старика Гейзенриха. Он отложил книжку и сказал успокаивающе, с улыбкой:

— Но это, безусловно, мое чисто литературное предположение. Вам, во всяком случае, нечего

бояться, вы тут человек приезжий…

«Мне-то как раз есть чего бояться, — подумал Зигфрид, и грязная сцена группового разврата в ту пьяную ночь снова всплыла перед его глазами. — Но, Боже мой, ведь я не принимал участия в сексуальных играх Розанова, Воропаева и Хотько с той неночкой! Я занимался любовью только со своей Оккой! И вообще бред все это — духи тундры, ненецкие былины и этот тундровый старик с пронзительными глазами, книжным немецким языком, антисоветскими речами и многозначительной литературной криминалистикой. У самого-то шесть жен было, да, поди, и в тундре не раз баловался в ненецких чумах девчонками типа Мелькуне и Окки, но почему-то не трусит и не бежит из тундры…»

Однако поганое ощущение страха уже поселилось в душе Зигфрида, холодное предчувствие беды и катастрофы, как в самолете при новом приступе аэрофобии. Розанов, Воропаев, Хотько и он, Зигфрид, были в ту ночь в коттедже у Розанова, и теперь троих казнили духи тундры, и логика подсказывала, что он, четвертый, — на очереди. Больше всего захотелось Зигфриду в эту минуту даже не 225 миллионов своих кровных комиссионных долларов и не торжественного

открытия газопровода в компании зарубежных журналистов — а тихой, затерянной в снегах Затайки с таким заботливым и надежным полковником КГБ Хановым…

Но за окнами была полярная ночь Ямала и ненцы, возвратившиеся с хальмера.

— У вас есть связь с Уренгоем или Салехардом? — спросил он у Гейзенриха.

— Телефона нет, конечно. Но есть рация, — ответил тот и показал взглядом на еще одну высокую кучу песцовых шкур у окна.

Зигфрид прошел туда, снял шкуры с какого-то крупного предмета и обнаружил, что это табуретка с допотопной рацией, которые в России называют «урожайками». Он снял трубку и стал крутить ручку динамо-машинки, вслушиваясь в потрескивающие шумы трубки. Сейчас он вызовет Уренгойское или Салехардское управление КГБ, назовет себя и сдастся в их надежные руки, и разом кончится весь этот бред его побега в тундру и мистическая угроза расплаты за мимолетное баловство с какой-то двенадцатилетней неночкой пять лет назад…

Но еще до того, как он услышал в трубке далекий женский голос радиотелефонистки, ему послышался за окном гул вертолетных двигате-

лей. Он взглянул в окно, и Гейзенрих подошел к окну тоже.

В темном небе полярной ночи были видны бортовые огни тяжелых десантных вертолетов «Ми-10». Вертолеты быстро спускались с неба к стойбищу ненецкого зверосовхоза «Светлый путь». От тяжелого гула у Зигфрида заломило в ушах, а там, за окном, олени со страху срывались с привязей, чумы кренились от ветра винтов зависших над ними вертолетов, а в клетках и вольерах беспокойно метались перепуганные и оглушенные норки, черно-бурые лисы и голубые песцы. Казалось, что сейчас неминуемо прозвучат автоматные и пулеметные очереди.

Но нет — из вертолетов беззвучно выскакивали фигуры армейских десантников. Прикладами автоматов они сгоняли ненцев на площадку перед правлением совхоза.

Один из вертолетов приземлился прямо у крыльца дирекции совхоза, где находились Зигфрид и Гейзенрих, громкие торопливые шаги прозвучали в коридоре, и кто-то из десантников ногой пнул дверь комнаты сортировки мехов.

От неожиданной картины — яркий свет ламп дневного света и обилие мехов на полу — этот молодой десантник в защитном бушлате остол-

бенело запнулся на пороге.

— Хенде хох… — негромко сказал Гейзенрих Зигфриду, чтобы тот поднял руки.

Часть пятая
Огонь в тундре

51

Только выйдя из квартиры Худи на улицу, я сообразила, что означает накатывающий на Салехард тяжелый самолетный гул, который в квартире смягчался двойными оконными рамами.

За то время, что я пила чай, разглядывала книги на книжных полках и изумлялась сначала тому, что Худя читает антисоветчину, а потом — странной записке на двери «Прощай. И пожалуйста, уезжай в Россию», — этот гул приблизился к городу настолько, что не только я, но и сотни людей высыпали из домов, махали в небо руками и шапками.

В небе ревели десятки транспортных самолетов. Мощный гул их двигателей валом катил на город с запада, северо-запада и с юго-востока, их бортовые огни полукольцом блистали и мигали в черной вышине. За самолетами шли огромные транспортно-десантные вертолеты. Над самим Салехардом авиабригады делились: самолеты шли на посадку к аэропорту, а вертолеты садились прямо у речной пристани, у ресторана «Волна» на толстый лед замерзшей Оби.

Это по приказу партии и правительства в помощь авиадесантной дивизии имени Октябрьской революции прибывали в Салехард: из Москвы — специальная имени Дзержинского дивизия КГБ СССР, из Воронежа — 1300 курсантов Высшей офицерской школы милиции, из Мурманска — две дивизии морской пехоты, а из Хабаровска — бригада десантников и спецвойска по охране объектов особой государственной важности. Часть этих войск уже веером разлетелась по тундре, сбрасывая вооруженные десанты на нефтяные и газовые буровые, трассы газопроводов, вахтовые поселки и ненецкие стойбища. Но и те воинские части, которые прибывали сейчас в Салехард, своим количеством и мощью производили на жителей города оглушающее впечатление.

Я думаю, что такое же потрясение испытали в свое время чехи, когда на Прагу по воздушному мосту обрушились наши десантники. Разница лишь в том, что вряд ли чехи радовались тогда нашим войскам так, как радовалось им сейчас все русское население Салехарда.

Черт возьми, до чего все-таки приятно быть гражданином страны, у которой такая военная мощь! Пусть у нас почти повсеместно карточная

система, пусть нет в магазинах мяса, масла и т.д., но зато мы можем спать спокойно — никакие китайцы, американцы, западные немцы или израильские агрессоры нам не страшны! Сердце радовалось, глядя, как из огромных, брюхатых транспортных «антонов» прямо на лед замерзшей Оби выкатывались танки, бронемашины, вездеходы-амфибии и, с заведенными моторами, с ходу строились в колонны, готовые стальной лавиной прокатить по тундре, тайге, пустыне — там, где прикажет Родина…

Конечно, какую-нибудь хилую интеллигентку то, что случилось со мной вчера, вышибло бы из колеи на год или даже на всю жизнь. Есть женщины, которые после шока изнасилования даже сходят с ума или становятся лесбиянками. Я не хочу сказать, что я сделана из дерева. Но и не из соплей. В конце концов, я уже четыре года проработала в милиции, а уж эта работа закаляет нервы и характер, поверьте!

И сейчас, глядя на мощь наших Вооруженных Сил и на всеобщее ликование людей на улице, я почти напрочь забыла о том, что случилось со мной всего ночь назад, я испытала какой-то радостный подъем и прилив новых сил.

52

В гостинице «Север» тоже царила радостная, буквально праздничная обстановка. Здесь, прямо в вестибюле, расположился Объединенный оперативный штаб армии, КГБ и милиции. Радисты диктовали штабным офицерам получаемые по радио донесения:

— Милиция высаживается в «Зарю над Севером»!..

— Морская пехота заняла «Путь к коммунизму»!..

— Войска КГБ блокировали «Заветы Ленина»!..

Никто не обращал внимания на некую двусмысленность этих фраз, штабные офицеры быстро наносили цветные флажки на огромную карту Ямало-Ненецкого округа, отмечая районы, уже надежно блокированные прибывшими войсками.

— Да, наша военная машина робыть, як «Зингер» — безотказно! Нам эти ненцы — тьфу! Соплей перешибем!.. — громко говорил в гостиничном ресторане здоровенный, лет двадцати трех танкист-украинец, накладывая себе полную тарелку макарон по-флотски. Ресторан был приспособ-

лен под штабную столовую, и теперь тут было полным-полно офицеров самых разных родов войск. — А якшо мы з ними не управимся, так я брательнику эрдэ кину — он в особых частях служит, они специальну подготовку проходять, — продолжал украинец и через окошко на кухню обратился к повару ресторана: — Шеф, ты местный?

— Местный. А что? — ответил повар.

— Слухай, а правду болтают, што у ненок м…а не вдоль, а поперек?

Этот блеф доисторической, прямо скажем, свежести каким-то совершенно мистическим образом десятилетиями передается от одного поколения прибывших на Север мужчин к другому Еще не было мужика, который, прилетев в Заполярье, не попался на удочку этой нелепости…

Я взяла себе на завтрак пшенную кашу и брусничный кисель — не есть же с утра макароны по-флотски! Свободных столиков не было, но не одна, а сразу три офицерские компании гусарски предложили мне место за их столами. Я села к тем, у кого стол был почище. Конечно, я оказалась в центре интересов этих офицеров. После короткой, с примесью флирта, церемонии знакомства один из них сказал с целью завладеть общим и

моим вниманием:

— Братцы, а вы слыхали, как хабаровский десантник Ваня Бугаев германских диверсантов тут поймал? Не слыхали? Ну! Это же главная хохма дня! Весь штаб знает! Слушайте! Два немца — один из обрусевших, какой-то заготовщик пушнины, а другой — вообще не немец, а американец немецкого происхождения, но это не важно, — короче, два иностранца еще до нашей высадки оказались в ненецком совхозе «Светлый путь». Сидели они себе тихо, пили чай с баранками, и вдруг прямо с неба падает на тундру хабаровский десант. И в этом десанте — прапорщик Ваня Бугаев. Тут нужно заметить, Анечка, — специально для меня пояснил рассказчик, — что этого Ваню Бугаева, как и всех десантников, подняли ночью по боевой тревоге, сунули в «Ми-10», когда он еще со сна портянку на сапог накручивал, и куда его везут воевать, он, конечно, не больно-то расслышал. Короче, прыгает Ваня Бугаев из вертолета в тундру, врывается спросонок в правление совхоза «Светлый путь», а те два иностранца как увидели нашего солдата, так у них по привычке и вырвалось «Хенде хох!». Ну, они это друг другу сказали, но Ваня Бугаев от этого «хенде хох» совершенно обалдел и орет не своим голосом: «Гитлер капут!

Гитлер капут! Ура!!!»…

После того как все отсмеялись, рассказчик добавил с улыбкой:

— Вы думаете, Ваня Бугаев «строгача» за это схватил? Ни фига подобного! Наоборот — благодарность от КГБ! Потому что этот американский немец или немецкий американец — черт его знает, как правильно! — короче, один из этих немцев оказался какой-то важной персоной. Некто Зигфрид Шерц, которого удмуртские гэбэшники прошляпили, оттого он и попал в тундру. Прогуляться, сукин сын, решил по Советскому Союзу! А Ваня Бугаев его — хап за шкирку. «Гитлер капут», — кричит… Анечка, вы куда?

— Дела, — улыбнулась я, — спасибо за компанию…

Мне некогда было рассиживаться в ресторане и слушать армейские байки: я должна была найти Худю Вэнокана. Но его не было ни в вестибюле, ни в ресторане, ни в штабных комнатах на втором и на третьем этажах гостиницы. Зато, открыв на третьем этаже какую-то очередную дверь, я наткнулась на своего начальника старика Зотова и начальника Салехардского управления КГБ майора Шатунова. И опешила: посреди всех событий, в самом центре штабной суматохи и

напряженно-боевой работы эти двое выглядели буквально курортниками — они сидели посреди двуспального гостиничного номера в одном нижнем белье, небритые, и резались в карты. На столе была пустая бутылка из-под коньяка, остатки закуски. Правда, закуска у них была — хуже не придумаешь — консервная банка селедки в томатном соусе…

— Доброе утро, — сказала я. — Вы не видели Худю Вэнокана?

— А? Ты еще здесь? — рассеянно сказал мне Зотов. — Я думал, ты уже в Уренгое…

— Вы же сами мне вчера приказали заняться здесь ненецкими слухами о Ваули Пиеттомине…

— Ах да, правильно… — вспомнил он. — Но что-то вид у тебя не того… Что-нибудь случилось?

— Какой у меня вид? — Я встревоженно прошла в ванную, поглядела на себя в зеркало.

Лицо, прямо скажем, было не первой свежести, но и ничего ужасного. А Зотов, дотошный старик, все-таки углядел, что со мной что-то случилось этой ночью! Я спешно занялась косметикой, а из комнаты тем временем доносилось: «Король бубей!.. Девятка!.. Дама козырная!..» Черт возьми, почему они не работают, когда вокруг такое творится? Прикрыв пудрой темноватые круги под

глазами, я вышла из ванной.

— Вот бабы! — сказал Шатунов Зотову. — Дунут-плюнут себе на лицо — и опять шик-блеск, смотрится как конфетка!

Даже стиль этой фразы был необычен для Шатунова. Еще вчера это был подтянутый, резкий, скупой на слова майор КГБ, а сегодня, будто демонстративно, он на глазах всей гостиницы играет в карты с Зотовым — небритый, в нижней рубахе, на столе — коньяк. И разговаривать стал не служебно, а нормальными, обиходными словами. Потому и я спросила открыто ему в тон:

— А что вы тут развлекаетесь?

Зотов, уже занеся над столом руку с очередной картой задержал эту руку на весу и взглянул на меня удивленно:

— А ты не знаешь?

— Что я должна знать?

Вместо того чтобы метнуть карту на стол, Зотов опустил руку, повернулся ко мне всем корпусом и спросил насмешливо:

— Ты, собственно говоря, где ночь ночевала?

Я заставила себя усмехнуться:

— Ну-ну… это мое личное дело…

— Понятно! Конечно, офицерья много поналетело… — проворчал Зотов, возвращаясь к игре, и

добавил, словно сообщая что-то малозначительное: — Нас отстранили от работы.

— Что-о?! — изумилась я так громко, что они оба взглянули на меня, и Зотов добавил:

— Ну ничего страшного. Все равно, когда говорят пушки, музы молчат… — И повернулся к Шатунову: — Ходи, майор…

Но я резко накрыла рукой карты:

— Вы можете объяснить толком, что случилось?

— Решительные у тебя кадры, — усмехнулся Зотову Шатунов и сказал мне: — Все просто. Из Москвы прилетел сам генерал Чебриков. И меня, и твоего начальника тут же отстранили от должностей. А после того как армия наведет здесь порядок, нас отдадут под суд…

— За что?

— За то, что не поймали сбежавших зеков. За то, что не раскрыли подготовку ненецкого восстания и не пресекли его в самом зародыше. Короче — за всю эту заваруху. Кого-то же надо сделать козлом отпущения! Чебриков и Богомятов выбрали нас, майора Оруджева, Петра Тусяду и полковника Синего. Для них чем больше список, тем солидней…

— Но ты не беспокойся, детка. — добавил Зо-

тов, — тебя в списке нет. Так что можешь лететь в Уренгой, там вместо меня уже, наверно, назначили кого-то. Заодно скажешь моей старухе, чтобы не переживала: срок мне по старости не дадут, а просто разжалуют, ну и лишат офицерской пенсии. Да черт с ней! — Тут он в сердцах шлепнул картой по столу и выругался: — Вот ведь какая наша система: всю жизнь ей служишь, можно сказать, как пес, а чуть что не так — тебе коленкой под зад и даже — без пенсии!

Если бы еще вчера кто-нибудь в присутствии майора КГБ Шатунова сказал нечто подобное о нашей советской системе, я не сомневаюсь, что остальную часть своей жизни этот человек провел бы в местах, отдаленных от парового отопления и других благ цивилизации. Но сегодня Шатунов даже бровью не повел, метнул на стол очередную карту:

— Валет трефовый…

Мне стало их жалко — и Зотова, и Шатунова. Сидят тут вдвоем, хорохорятся, пьют коньяк и играют в карты, а на самом-то деле если сам Богомятов и Председатель КГБ Чебриков выбрали Шатунова и Зотова виновниками всего, что случилось в тундре, то одним лишением офицерского звания и пенсии это не обойдется. Но зачем

мне говорить им об этом и портить им и без того испорченное настроение?

— Мужики, — сказала я с деланной беспечностью, — вы вообще-то завтракали сегодня? Или только коньяк жрете всю ночь?

— К-хм… — кашлянул Зотов. — Мы это… мы не голодные…

Ну ясно: при всем своем гусарстве они не могут пойти в офицерскую столовую позавтракать — там на них будут пальцами показывать. Вот они и сидят в номере, коньяк закусывают селедкой.

— Ладно врать! «Не голодные»! — передразнила я. — Говорите, чего вам принести из столовки? Я там видела макароны по-флотски, гуляш из оленины и пшенную кашу. И скажите мне наконец, вы видели сегодня Худю Вэнокана?

— Кажется, да… — рассеянно сказал Зотов. — Да, он мелькал тут час или два назад. Но тут теперь армейская шарашка. Так что, если он тебе нужен, ищи его в местном угро…

Я спустилась вниз, в ресторан, и только когда я возвращалась, неся Зотову и Шатунову по две порции макарон по-флотски и гуляш из оленины (честно говоря, даже под микроскопом в этих блюдах нельзя было обнаружить различий), новая мысль пришла мне в голову и даже оста-

новила меня на месте. Конечно! Как я раньше не сообразила?! Если Шатунова и Зотова будут судить, то в числе первых вопросов Зотову будет: «А кто был командирован вами в лагерь № РС-549 для выяснения обстоятельств побега заключенных? Следователь Анна Ковина? Отлично! А почему вы, товарищ Ковина, прибыв в лагерь № РС-549 в два часа дня, не допросили сокамерников беглых в тот же день и даже не допросили их на следующее утро? Вы что же, не понимали, что групповой побег заключенных, да еще накануне торжественного открытия газопровода, был необычным делом? Чем же вы, товарищ Ковина, собственно говоря, занимались там в лагере весь этот вечер, ночь и следующее утро?!» Вот и все — и я уже пришита к делу, я уже в «списке» виновных, как выразился Зотов. А дальше пойдут раскручивать — уж я-то нашу судебную систему знаю. Одно дело, когда ты внутри этой машины и от ее имени и власти делаешь что хочешь — тогда и мелкие грешки простительны, на них смотрят сквозь пальцы. И совсем другое дело, когда вся эта машина начнет работать против тебя. Ночь, проведенную у Худи Вэнокана, можно запросто квалифицировать как «бытовое разложение при исполнении служебных обязанностей», а уж

ночь, проведенную с Оруджевым в комнате для свиданий лагеря № РС-549, — и говорить нечего! Двух этих фактов больше чем достаточно, чтобы в судебном заключении было сказано: «Работники Уренгойского и Салехардского управлений уголовного розыска погрязли в разврате, что и объясняет потерю профессиональной и партийной бдительности к антисоветским настроениям местного населения Ямало-Ненецкого округа» А если у Худи Вэнокана еще найдут антисоветскую литературу…

У меня похолодело внутри. Наверняка Худя, как и я, знаменитая в крае «уренгойская овчарка», изымательница порнографии, наркотиков и антисоветчины, конфисковал эту литературу у каких-нибудь местных диссидентов. Но он не сдал ее тут же в КГБ, еще точнее — утаил. Однако если в округе антисоветское восстание, то как Худя докажет, что он не распространял эту антисоветскую литературу среди ненецкой молодежи? А это служебное преступление, по кодексу за использование служебного положения в целях подрыва Советской власти минимальное наказание — 10 лет лагерей строгого режима, а на практике — урановые рудники на Памире, там никто не выживает больше трех месяцев…

Первой мыслью было — бежать к Худе домой, взломать дверь его квартиры, сжечь эти книжки в печке-голландке. Но при всей той сумятице, которая была в эти минуты в моей голове, я поняла, что взламывать средь бела дня дверь чужой, как ни говорите, квартиры — дико.

53

Весь коридор на первом этаже Салехардского уголовного розыска был забит арестованными ненцами. Похоже, их сгребли со всего города и окрестных стойбищ. В ожидании очереди на допрос они сидели прямо на полу, стандартно крашенном буро-кирпичной краской на тот случай, чтобы не оттирать каждый раз случайные пятна крови арестованных. Над ними стояли конвоиры, покуривали. Еще выше, на стенах коридора, были фотографии зеков, бежавших из лагеря № РС-549, с жирной надписью «РАЗЫСКИВАЮТСЯ ПРЕСТУПНИКИ» и красочный плакат с полным текстом Морального кодекса строителя коммунизма. За дверьми следственных кабинетов прилетевшие из Москвы и Тюмени следователи вели безостановочные допросы. Их главной задачей было — выяснить, кто стоит во главе ненецкого мятежа, кто распустил в тундре слух о возвращении Ваули Пиеттомина, кто поджигает буровые.

Перешагивая через ноги сидящих на полу ненцев, я заглянула во все кабинеты на первом этаже управления. Худи здесь не было. Зато на первом

этаже, в канцелярии, секретарша управления, оторвавшись от постоянно трезвонивших телефонов, глянула на меня зачумленно и сказала.

— Худя? Он улетел в Уренгой полчаса назад…

— Зачем?

— А кто его знает! В этом сумасшедшем доме каждый сейчас делает что хочет!..

«Странно, — подумала я. — Худя улетел в Уренгой, а мне оставил эту дурацкую записку: „Прощай. И пожалуйста, уезжай в Россию“. Почему я должна ни с того ни с сего уезжать в Россию и почему „Прощай“, если я живу и работаю в Уренгое, а он улетел именно туда?»

Я озадаченно шла по коридору второго этажа. Здесь было потише и арестованных поменьше. Я уже подошла к лестнице вниз, когда дверь ближайшего к лестнице кабинета открылась и из него вышла Аюни Ладукай — та самая Аюни, которая вчера ночью командовала в интернате № 3 насиловавшими меня мальчишками. Мы обе застыли на месте: я — на лестничной площадке, преграждая ей путь к бегству, она — в коридоре. С ее лица медленно сползала радостная улыбка — видимо, ее после допроса отпустили на свободу.

Моим первым желанием было тут же вытащить пистолет и пристрелить эту сволочь на месте.

Даже рука рефлекторно потянулась к кобуре…

Но тут я вспомнила те несколько фраз, которые бросила эта Аюни Худе Вэнокану, когда он ворвался в интернат и прекратил насилие. Быстро оглянувшись на проходящих по коридору московских следователей и конвоирных солдат, я резко схватила Аюни за локоть и тренированной правой рукой тут же подвернула руку болевым приемом так, что она уже не могла ни бежать, ни сопротивляться.

— Пошли со мной… — сказала я негромко.

Все кабинеты были заняты оравой приезжих следователей, но мне нужно было немедленно допросить эту стерву, допросить тайно — один на один. Поэтому я резко втолкнула ее в женский туалет. Это произошло так быстро, что никто не обратил на нас внимания.

В женском туалете было всего две кабинки, и обе — грязные, но зато пустые Я втолкнула Аюни в одну из кабинок, закрыла за собой дверцу. Похоже, даже через рукав малицы эта девчонка чувствовала железную хватку моих пальцев, а я еще доворачивала и доворачивала ей руку, доводя болевой прием до той точки, когда пронизывающая боль лишает человека возможности даже думать о сопротивлении. Скорей всего эта

стерва и не думала сопротивляться, но вчера ночью она не знала жалости ко мне — какого черта мне жалеть ее сегодня?

Подняв ее вывернутую руку, я заставила Аюни почти ткнуться лицом в унитаз, желтый от несмытой мочи и дерьма, и только после этого отпустила, сказав:

— Кто такая Окка?

Девчонка молчала. Она была в красивой малице, среднего роста, ниже меня, но крепкая в кости. Я не ждала, что она заговорит сразу. Зотов рассказывал нам, следователям, что ненцы при допросах скрытны и молчаливы, слова не выбьешь. А вчера в интернате она еще клялась в общем хоре мальчишек: «Нут и шар! Смерть русским оккупантам!..»

— Кто такая Окка? Етти твою мать! Или я тебе руку сломаю, — грубо сказала я и с такой силой подвернула ей локоть вверх, что она плюхнулась лицом в унитаз. Но я заставила ее подняться. — Ну?!

Неожиданно она каким-то вертким движением дернулась всем телом, и я почувствовала, что ее локоть выскочил у меня из рук, оставив в них лишь пустой рукав оленьей малицы. Этому нас не учили в милицейской школе — приемам сам-

бо, когда противник одет в малицу из скользкого оленьего меха. Еще доля секунды — и она бы вообще вырвалась из моих рук! Но дудки — не на ту напала!

Свободной рукой я не без мстительного удовольствия наотмашь ударила ее по затылку, а затем уже двумя руками перехватила ей руку в кисти и завернула за спину так высоко, что ясно услышала хруст плечевого сустава. Девчонка зажато вскрикнула, а я психанула и обозлилась: мало того, что эта сволочь выстраивала вчера в очередь моих насильников, так она еще заставляет меня чуть ли не пытать ее по-настоящему!

Но мне уже было не до церемоний. Я окунула ее лицом в унитаз еще глубже, и держала так до тех пор, пока она не забулькала там и не замычала что — то, дергаясь всем телом. Тогда я отпустила ее заломленные руки, позволила ей чуть разогнуться и перехватить воздух. При этом я все еще стояла у нее за спиной, не видела ее грязного и пахнущего мочой лица, но догадывалась, как оглушенно бьется сейчас ее едва не задохнувшееся сердце и как она хватает воздух мокрым и широко открытым ртом. Что ж, вчера ночью они пытали меня похлеще, до потери сознания! Теперь мы с ней почти сквитались, но я еще хотела

знать, из-за какой такой Окки меня насиловали.

В конце концов, я имела на это право!

— Ну?! Ты скажешь, кто такая Окка? Или… — Я снова стала поджимать ей руку, давая понять, что ничто не остановит меня утопить ее в этом унитазе до смерти. Мы были одни в туалете, и — не знаю, может быть, в этот момент озлобления я действительно могла убить и бросить ее, задохнувшуюся, в этом туалете…

Но она вдруг произнесла:

— Скажу… Я скажу…

Я задержала ее согнутую над унитазом фигуру.

— Говори!

— Окка — сестра Худи Вэнокана…

— Что?!! — От изумления я даже выпустила ее руки, и теперь она повернулась ко мне грязным мокрым лицом, на котором белели узкие, светлые от ненависти глаза.

— Окка — родная сестра Худи Вэнокана, — сказала она с кривой усмешкой. — Пять лет назад она умерла, однако. Захлебнулась спермой Розанова, однако.

— Откуда ты знаешь?

— Я видела это сама, однако. Мне было одиннадцать лет, а ей двенадцать. Хотько был тогда главным доктором наших интернатов, он забрал

меня и Окку из интерната, сказал, что в больницу едем. А привез нас на пьянку к Розанову, однако. Там были Розанов, Воропаев и какой-то американец. Они напоили меня и Окку спиртом. Розанов, Хотько и Воропаев изнасиловали меня, а Окка очень нравилась американцу, однако, он не давал им ее. Но утром он улетел в Москву, однако. Тогда они все вместе стали насиловать только Окку. Сзади, спереди и в рот, однако. А когда они остановились, оказалось, что Окка задохнулась от спермы Розанова. Тогда им за это ничего не было, а меня они сразу отправили домой, в тундру. Но теперь духи тундры отомстили им так, как положено! Только американца духи достать не могут. А жалко, однако…

— Когда это произошло?

— Я же сказала: пять лет назад, в мае, перед концом школы…

— Значит, по-твоему, Розанова, Воропаева и Хотько убили духи тундры и именно — за Окку?

— А кто же еще? — усмехнулась она, умываясь под рукомойником. — Не Худя же Вэнокан! Если бы он хотел их убить, он бы сделал это еще пять лет назад, однако. А он, позорный сын собаки, поехал тогда в Москву учиться…

— А почему эти духи ждали пять лет? — усмех-

нулась я.

— Они были под землей заперты, однако. А теперь ваши буровые их выпустили, они вселились в зеков, а зеки стали наших врагов резать. Это только начало, однако. Ну, я могу идти?

— Постой… — произнесла я задумчиво. — А как звали того американца?

— Зигфрид его звали…

— Зигфрид Шерц?! — сказала я, вспомнив фамилию того важного американца, которого десантники захватили в поселке зверосовхоза «Светлый путь».

— Не помню. Может быть, однако… — произнесла она безразлично и, за неимением полотенца, утерла лицо рукавом малицы, потом презрительно плюнула и вышла из туалета.

Я не удерживала ее.

Я осталась одна в туалете, подошла к окну.

По темным улицам Салехарда катили бронетранспортеры и армейские грузовики, полные десантников, морской пехоты и милиции. На деревянных заледенелых тротуарах темнели фигуры солдатских патрулей с собаками. В воздухе стоял гул военных вертолетов и самолетов.

«Неужели это все — восстание ненцев, поджоги на буровых, оккупация края войсками КГБ,

милиции и морской пехоты, — неужели все это случилось только из-за того, что пять лет назад, в мае 1978 года, Розанов, Воропаев, Хотько и какой-то заезжий американец переборщили в своем баловстве с ненецкими девочками? Но почему об этой истории никто не знает, даже Шатунов? Уж он-то давно бы связал гибель Воропаева, Хотько и Розанова с гибелью этой Окки! И как случилось, как случилось, что мстителями стали зеки, бежавшие из лагеря № РС-549? То, что в них вселились духи тундры, — бред, конечно…»

И вдруг — словно ток прошел в моей голове по фактам последних дней! Так из разбросанных кубиков вдруг возникает слово, даже если в нем не хватает нескольких букв…

Я вспомнила, как пять лет назад, летом 1978 года, весь МГУ восхищался Худей Вэноканом, который чуть ли не на оленях примчался и поступил на юрфак, чтобы стать следователем.

Я вспомнила, как в лагере № РС-549 майор Оруджев пнул ногой основание высоковольтной вышки и объяснил, что это Худя Вэнокан сказал при зеках, как можно бежать из лагеря — по линии высоковольтной передачи. После этого три зека именно таким способом бежали из лагеря, мистическим образом исчезли в тундре, выжили

во время злейшего бурана и одного за другим казнили убийц сестры Худи Вэнокана.

И я вспомнила, что первым следователем, прибывшим на место гибели Хотько и Розанова, был кто? Худя Вэнокан!..

Но я еще не верила самой себе, я не позволяла себе поверить, что Худя — убийца или организатор убийств и зачинщик ненецкого восстания. Даже по дороге в местный загс я пробовала найти другое объяснение событий, охладить свое воображение.

Загс был в двух кварталах от Салехардского управления милиции и уголовного розыска — в таких провинциальных городах, как Салехард, все городские учреждения располагаются рядом, в центре города.

Я почти вбежала в загс. Конечно, здесь было пусто и тихо: никто в эти сумасшедшие дни не регистрировал браки, новорожденных младенцев, разводы и даже смерти. Но заведующий загсом был на месте, и это было первым знаком восстановления порядка в округе — люди стали выходить на работу! Не пройдет и двух-трех дней, как в этом загсе жизнь снова забьет ключом: молодежь будет регистрировать свадьбы, разводы, новорожденных младенцев, и по любому поводу

шампанское будет шумно стрелять пробками в потолок, коньяк и водка будут щедро литься на пол из переполненных бокалов, и хрустальные фужеры будут со звоном разбиваться о каменное крыльцо. В должности заведующего загсом нужно быть либо железным трезвенником, чтобы выдержать натиск спиртных подношений, либо иметь лошадиное здоровье, чтобы каждый день пить с новобрачными…

Заведующий Салехардским загсом был явно из второй категории. Крепкий старик в волчьем полушубке, он с откровенной жадностью алкоголика вскинул на меня глаза, едва я вошла в загс. Но, узнав, что я не новобрачная, а следователь, старик потух и по моему требованию принес мне, шаркая валенками, «Книгу регистрации актов гражданского состояния, апрель — май — июнь 1978 г.». В этой книге регистрируются все рождения и все смерти, происшедшие в городе.

Я открыла книгу и на странице с датой «19 мая» нашла запись:

> «Вэнокан Окка Ноговна, 1966 года рождения, скончалась в ночь с 17 на 18 мая от приступа астмы. Похоронена на Ненецком кладбище. Основание: медицинское

заключение номер 852/6 от 18 мая 1978 года»

От приступа астмы! Вот каким образом Воропаев, Хотько и Розанов избежали огласки этого убийства. Даже если извлечь труп из могилы и сделать судебно-медицинскую экспертизу, сегодня — через пять с лишним лет! — вряд ли найдешь в этих останках девочки следы розановской спермы или легочного заболевания. Но чтобы докопаться до истины, мне и не нужно было извлекать останки девочки из могилы в тундре.

— Мне нужно медицинское заключение о ее смерти, — сказала я заведующему загсом.

Старик прошаркал валенками к высокому шкафу с картотекой, долго возился с накидным замком-засовом, запирающим сразу все ящики, затем выдвинул наконец один ящик, достал перевязанную шпагатом толстенную папку с жирной надписью чернилами: «1978, АПРЕЛЬ — МАЙ — ИЮНЬ». Развязал шпагат, послюнявил грязный палец и стал листать стопку медицинских заключений. Через минуту — длиннейшую минуту в моей жизни! — он вытащил из стопки лист бумаги и протянул мне.

Это не было медицинское заключение.

Это был стандартный бланк уголовного розыска Салехардского городского управления милиции. На бланке была короткая, напечатанная на пишущей машинке запись:

> ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 774 ОТ 2 ИЮЛЯ 1983 ГОДА
>
> Я, Х. Вэнокан, следователь угро Салехардского управления милиции, ПОСТАНОВИЛ:
>
> В связи со служебной необходимостью изъять из архива Салехардского загса медицинское заключение номер 852/6, выданное 18 мая 1978 года О. Хотько, главврачом Салехардской детской больницы.
>
> Подпись Х. Вэнокан 2 июля 1983 года

Эти несколько строк избавили меня от всех сомнений. Я высчитала: 20 июня — традиционный день защиты дипломов в МГУ; 25-го — торжественное вручение дипломов и вечером — банкет. Поезд от Москвы до Салехарда идет трое суток. Значит, не позже чем 29–30 июня 1983 года Худя вернулся из Москвы в Салехард и вступил в должность следователя в Салехардском управлении милиции. И первое, что он сделал, —

изъял медицинское заключение о смерти своей сестры, подписанное одним из убийц. Не потому ли эти Розанов, Хотько и Воропаев не кричали и не звали на помощь, когда убийца отрезал им половые органы и уши, не потому ли не кричали, что убийца держал перед их глазами это липовое медицинское заключение?

Подойдя к столу заведующего загсом, я сняла телефонную трубку.

— Коммутатор? Гостиницу «Север», дежурного по штабу.

Через секунду в трубке послышался четкий рапорт:

— Дежурный по штабу полковник Хропачев слушает!

— Товарищ полковник, говорит следователь уголовного розыска Анна Ковина. Сегодня утром в ненецком зверосовхозе «Светлый путь» ваши десантники захватили американца по фамилии Зигфрид Шерц! Вы знаете, где он сейчас находится?

— А чего это уголовный розыск снова им интересуется? Я уже сказал утром вашему следователю — этого американца КГБ увез в Уренгой. У вас там левая нога не знает, что делает правая, что ли?

— Какому следователю вы это сказали? — спро-

сила я, похолодев. — Как его фамилия?

— Да кто его знает, как его фамилия! Ненецкая какая-то фамилия…

Я перехватила воздух открытым ртом. В Салехарде есть только один следователь с ненецкой фамилией! Худя Вэнокан! Худя, который, по словам секретарши в угро, час назад улетел в Уренгой…

— Товарищ полковник, — сказала я просительно. — А вы не могли бы связаться сейчас с Уренгойским КГБ и выяснить, где сейчас этот Зигфрид Шерц?

— В Уренгое сейчас сумасшедший дом — готовятся к прилету правительства на открытие газопровода. Если хочешь, я могу связать тебя с уренгойским гэбэ по нашему радио, и выясняй у них сама…

— Нет, не нужно, — произнесла я поспешно. Ни один сотрудник КГБ не скажет мне по телефону, что они там делают с этим Шерцем и где они его держат. А рассказывать им, что я подозреваю Худю Вэнокана в намерении убить этого Шерца, — нет, извините, до этого я еще не дошла! — Товарищ полковник, а когда у вас следующий самолет в Уренгой?

— Два самолета готовятся к вылету прямо сей-

час, вылетят минут через двадцать…

— Товарищ полковник, миленький! — Я попыталась вложить в свой голос все свое женское обаяние и даже кокетство. — А вы не можете задержать их хотя бы минут на десять? Я в центре города, мне нужно минут тридцать, чтоб добраться до аэродрома…

— Задержать самолет?! — изумился полковник. — Ну, милая, это уж слишком! Ты знаешь, сколько там пассажиров в аэропорту?! И какие!..

Я не дослушала, бросила трубку и выскочила из загса на улицу.

По мостовой катил какой-то бронетранспортер, лупя в темноту полярной ночи мощными фарами.

Я выбежала на середину мостовой, чуть не под гусеницы этого бронетранспортера, и замахала руками.

Бронетранспортер остановился, молодое курносое лицо высунулось из кабины и заорало, конечно, матом:

— Ты что? О…ла?!

Я подбежала к кабине, сунула курносому водителю свою красную милицейскую книжку-удостоверение:

— Родненький, я следователь милиции! Мне

в аэропорт, срочно! — И, не дожидаясь ответа, полезла на гусеницу.

— Ты чего? Рожаешь, что ли? — обалдело спросил водитель.

— Почти! Гони! Гони в аэропорт, милый!

— Только за поцелуй! — сказал водитель и уставился на меня веселыми наглыми глазами.

Я не раздумывая поцеловала его в губы так, что он задохнулся и замотал головой, потом сказал восхищенно:

— Ну даешь! Никогда не думал, что буду с милицией целоваться! — И до отказа выжал педаль газа.

54

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА

Срочно

Секретно

по Правительственной спецсвязи

товарищу Черненко Константину Устиновичу

В соответствии с приказом правительства и Вашим личным распоряжением объединенные силы армии, КГБ и милиции в течение 24 часов заняли практически все крупные населенные пункты, рабочие поселки и ненецкие становища на территории Ямало-Ненецкого национального округа и взяли под охрану все линии газопроводов и все газо- и нефтяные промыслы на Ямальском полуострове.

Принимаются экстренные меры к тушению восьми горящих в тундре фонтанов газа, силы КГБ и МВД проводят активную работу по выявлению зачинщиков беспорядков.

Безопасность торжественного откры-

тия газопровода «Сибирь–Западная Европа» обеспечена и гарантирована.

Председатель КГБ СССР генерал армии Чебриков

Первый секретарь Тюменского обкома КПСС Богомятов

55

Мы идем по Уренгою,
Тундра окружает нас…

— пел в самолете на мотив колониальной песни «Мы идем по Уругваю» какой-то веснушчатый парень и подыгрывал себе на гитаре. И весь самолет подпевал:

Ночь с полярною пургою
Сторожат ненецкий газ…

В этом транспортно-десантном самолете «Ан-24» не было привычных кресел, как в пассажирском самолете. Вместо кресел здесь был ряд алюминиевых сидений вдоль бортов и какая-то штанга над ними — скорей всего для крепления ремней десантников. Но сейчас весь самолет был забит не десантниками, а теми, кто через два дня будет стоять в Уренгое вокруг правительственной трибуны как герои торжеств и почетные гости. Здесь были бурильщики из Баку, Уфы и Кишинева, пробурившие несколько лет назад первые разведочные и первые промышленные скважины на Ямале. Здесь играли в карты и доми-

но первые монтажники и сварщики газопровода. Здесь пели, пили и закусывали, сидя не только на алюминиевых сиденьях, но и на полу, на своих чемоданах, строители первых тундровых поселков, специалисты по тушению нефтяных фонтанов и вахтовые рабочие, прокантовавшиеся несколько суток в аэропортах Сыктывкара и Нарьян-Мара. И здесь же вместе со всеми летели пять грузин в огромных кепках-восьмиклинках, с ящиками апельсинов и цветов. Как и за какую взятку этим спекулянтам удалось попасть на военный самолет — Бог знает, но, в конце концов, и грузинские спекулянты вложили свою долю в создание газопровода. Как сказал один из них: «Без наших овощей и фруктов вы бы здесь, как в тюрьме, питались!..»

Мы идем по Уренгою,
Ночь молчит, как аммонал…

Да, все возвращалось на круги своя — жизнь весело, шумно, с песнями, фривольными шутками и кавказскими апельсинами вкатывалась на военно-транспортных самолетах в ямальскую тундру, чтобы через несколько дней все смерти, взрывы и весь ненецкий мятеж забылись и исчезли, словно их и не было. На всей почти пятитысяче-

километровой трассе газопровода от Уренгоя до ФРГ и Франции наладчики проверяли готовность компрессорных станций принять первый ямальский газ. В Москве члены правительственной делегации и иностранные гости уже собирали, наверно, дорожные чемоданы, укладывая в них по три пары теплого шерстяного белья.

Осторожно, друг.
Ведь никто еще здесь не был –
В таинственной стране, что звать Ямал... –

звенела в самолете гитара.

Но я сидела в праздничном самолете как на иголках и поминутно поглядывала на часы. Я пыталась представить себе, что делает сейчас в Уренгое Худя Вэнокан. Неужели он рискнет проникнуть в КГБ, чтобы прикончить этого Зигфрида Шерца? Черт возьми! Мы гонялись за беглыми зеками, мы выстраивали самые невероятные версии того, как им удалось убить Воропаева, Хотько и Розанова. Зотов даже привез из Яку-Тура потное белье Воропаева!.. И все это время Худя был рядом с нами, следил за нами, водил нас за нос, даже подбросил нам брезентовую рукавицу Залоева, чтобы не уклонились мы от ложного следа. Но

кто убивал все-таки? Сам Худя, или он только помог зекам бежать за то, чтобы они убили?..

Мы подлетали к Уренгою. Под нами лежали тундровые газопромыслы, заиндевелые нити газопроводов и Уренгойская головная компрессорная станция, рабочее сердце газопровода. Как по кровеносным сосудам вся кровь стекается к вашему сердцу и затем мощными толчками разбегается от него по всему организму, так и эта станция собирает газ со всего Ямала и гигантскими, сверхмощными турбинами компрессоров начнет посылать его через два дня по восьми нитям газопровода в Европу. В полярной ночи на белом блюде тундры эта станция выглядела неземным сооружением высшей цивилизации, обогнавшей наше человечество на несколько столетий...

Самолет накренился левым крылом и пошел на посадку к переметаемой поземкой посадочной полосе уренгойского аэродрома.

Меня буквально била нервная лихорадка. Что ждет меня в Уренгое? Сообщение об аресте Худи Вэнокана при попытке прорваться к Зигфриду Шерцу? Или — если Худе удалось обмануть гэбэшников — труп Зигфрида Шерца с отрезанными ушами и половым органом?

56

В уренгойском аэропорту такси не было, а вызывать из нашего угро дежурную машину — это потерять как минимум сорок минут. Пришлось сесть в автобус.

В Уренгое, несмотря на тридцатиградусный мороз и сильную поземку, улицы были полны людьми. Наверное, впервые за эти несколько дней люди безбоязненно высыпали из домов и выстроились в очереди в продовольственных и промтоварных магазинах. Накануне торжественного открытия газопровода здесь, как и в Салехарде, появились дефицитные продукты — даже настоящее, а не ацидофилиновое молоко. Люди спешили набрать продукты не только на праздник, но и впрок, к новогоднему столу… Даже в парикмахерской стояла очередь, и я подумала мельком, что, Боже мой, ведь через два дня действительно праздник, когда же я попаду в парикмахерскую?!

Но эти толпы горожан на улицах замедляли движение автобуса, а я буквально считала минуты — ну скорей же, скорей! На кой черт ждать эту тетку, которая бежит к автобусной остановке с

тяжелыми авоськами в руках!

Наконец — площадь перед зданием горкома партии и правительственная трибуна, украшенная кумачом, еловыми ветками и портретами членов правительства — Андропова, Черненко, Устинова, Громыко. На трибуне возятся плотники, прибивают огромный транспарант с надписью: «ТЕБЕ, РОДИНА, СИБИРСКИЙ ГАЗ!» Здесь же суетливо бегает московский архитектор…

Я выскочила из автобуса и — бегом через площадь, к белому двухэтажному зданию местного КГБ. Перед дверью — отдышаться, привести себя в порядок, чтобы выглядеть спокойной. Толкаю дверь на тяжелой пружине, за ней, конечно, — бюро пропусков, вооруженный охранник.

— Вы к кому?

Сую охраннику свое удостоверение следователя милиции.

— Мне нужен майор Громов.

Охранник снимает трубку внутренней связи. В Уренгое управление КГБ не то что в Салехарде — и здание у них новенькое, и даже внутренние телефоны.

Через минуту меня пропустили, я взбежала на второй этаж, отметив про себя, как расфрантились к празднику гэбэшники — в коридоре

красные ковровые дорожки, красивые плакаты «КГБ — ЩИТ И МЕЧ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ», и, конечно, портрет Андропова украшен красными лентами. Еще бы им не украшать Андропова — он им и зарплаты повысил, и вообще КГБ у нас теперь — чуть ли не верховная власть. А черную работу делаем, конечно, мы, милиция…

Вот и кабинет заместителя начальника управления майора Громова. За дверью стук пишущей машинки. Оправляю на себе полушубок, шапку, коротко стучу.

Майор Громов сидит за столом, печатает что-то на машинке, рядом с машинкой — портативный магнитофон.

Говорю по уставу:

— Товарищ майор, разрешите обратиться. Следователь Ковина из уголовного розыска…

— Ладно вам, Анечка, — улыбается он, — вольно. Садитесь. Чем могу служить?

— Олег Борисович, — говорю я, показывая, что и мы в милиции знаем их по имени-отчеству. — Я ищу Зигфрида Шерца, американца, которого десантники нашли в совхозе «Светлый путь». Дежурный по штабу в Салехарде сказал мне, что этот Шерц у вас…

Громов молчит, чуть усмехается, но даже эта

его умненькая усмешка вызывает у меня облегчение — по крайней мере Зигфрид Шерц жив, иначе Громов не усмехался бы. Конечно, Громову интересно, на кой черт мне этот американец, но он хочет продемонстрировать свою проницательность и задает типично мужской вопрос:

— А что? Он красивый мужчина? — Громов закуривает, в голосе звучит даже ревнивая нотка.

«Ладно, — думаю я, — поиграем в эту игру, ты сам напросился».

— В общем, ничего… — говорю я уклончиво, хотя никогда не видела этого Зигфрида. — Он еще у вас?

— Значит, ты прилетела из Салехарда защищать этого Зигфрида?

«Защищать? Неужели Громов все знает?» Но я еще продолжала игру — сказала:

— Почему защищать? Разве он что-нибудь натворил?

Громов рассмеялся — смех был веселый, открытый.

— Ну, ты даешь! Разведка боем! Молодец! Ладно, успокойся. Кое-что он натворил, но не у нас, а в Удмуртии. Умыл там удмуртского начальника КГБ — покатался на его машине. Хочешь послушать?

Громов нажал на магнитофоне клавишу перемотки кассеты, открутил пленку чуть назад. При этом на его лице было… как бы это сказать — удовлетворение, что ли, тем, что какой-то американец «умыл» удмуртского начальника КГБ. Остановив пленку, Громов включил магнитофон на воспроизведение звука. Похоже, он наизусть знал эту пленку (не ее ли он перепечатывал на машинке), потому что сразу нашел нужное место.

> «Если бы товарищ Ханов сказал мне, что он начальник КГБ!..

— послышался из магнитофона мужской голос, и я удивилась, до чего чисто этот американец говорит по-русски..

> А то ведь сами посудите, товарищ майор! Эта Колесова, переводчица, говорит мне, что буран накрыл всю Сибирь на три дня, потом знакомит меня с этим типом, удмуртом, и они увозят меня в какую-то глушь, в тайгу и начинают спаивать. Мне это с самого начала показалось подозрительным. У нас на Западе такие истории чуть не каждый день: бандиты похищают миллионеров и требуют выкуп. Вы знаете

пиво „Хайнекен“? Так вот, самого Хайнекена недавно похитили в Голландии. Ну и когда я услышал по радио, что никакого бурана в Сибири нет, я сразу решил, что они меня похитили – эта Колесова и этот удмурт. Я ведь тоже миллионер. Не такой богатый, как Хайнекен, конечно, но все-таки… Ну я встал ночью и тихо смылся. Угнал машину, но прошу учесть – я ведь не сбежал в Москву, в наше посольство, не звонил корреспондентам западных газет! Я летел сюда, в Уренгой, чтобы рассказать всю эту историю вам и товарищу Богомятову. А что касается материального ущерба – этих проколотых колес и телефонного провода, который я отрезал, то я заплачу. Сколько нужно заплатить? Триста рублей? Четыреста?»

Громов выключил магнитофон.

— Ты все поняла? — спросил он меня с улыбкой. Лицо мое, видимо, изображало полную тупость, он снисходительно пояснил: — Генерал Чебриков поручил удмуртскому полковнику Ханову задержать твоего Шерца и развлекать его, пока мы тут наведем порядок. А Ханов упился так,

что… — Громов с усмешкой показал на магнитофон, — вылетит из органов. — Он поднял на меня глаза и враз посерьезнел: — Вот что, Аня. Ты прекрасно знаешь, что связи с иностранцами у нас не поощряются. Но я готов посмотреть сквозь пальцы на твой роман с этим Шерцем, если ты выполнишь мою просьбу. Выясни у него исподволь, что он видел, когда был у ненцев. Он мне тут заливал, что ничего не видел, никакого восстания, но… — Громов опять усмехнулся, — я же не Ханов.

— А где он сейчас? — спросила я, пропустив мимо ушей грязный намек на то, что у меня «роман» с этим Шерцем. — Разве он не у вас?

— Ну, мы не можем задерживать иностранных подданных, — улыбнулся Громов. — Он в гостинице «Полярная», отсыпается…

— Давно? — Я сделала нетерпеливое движение к двери.

Этот самодовольный кретин отпустил Шерца в гостиницу! Одного! Без охраны!

— Ну, не очень давно… Часа три назад… Так ты поняла мое задание?…

Но я уже не слышала его, я выскочила из кабинета, хотя еще один вопрос так и вертелся у меня на языке: а не интересовался ли этим Шер-

цем салехардский следователь Худя Вэнокан? Но в конце концов, теперь это уже было несущественно!

От КГБ до новенькой гостиницы «Полярная» было всего три квартала, и я припустила туда бегом.

57

Если бы у меня было время составить протокол допроса дежурного администратора гостиницы «Полярная», то он выглядел бы следующим образом:

«Дежурный администратор гостиницы „Полярная“ тов. Б. Миронов показал:

…примерно в 12 часов дня по распоряжению майора КГБ тов. Громова гражданину США Зигфриду Шерцу был предоставлен номер-люкс № 29 на третьем этаже гостиницы. Господин Шерц был доставлен в гостиницу на служебной машине КГБ. Он был одет в ненецкую одежду – малицу и кисы. Он выглядел очень усталым, был небрит и пах, как пахнут ненцы. Получив ключ от номера, он заявил, что идет спать, и просил его не беспокоить. Он поинтересовался у меня, когда мы ждем прибытия иностранных журналистов. Поскольку эта информация не является секретной, я сказал ему, что сегодня и завтра прибывает прави-

тельственная делегация, а иностранные журналисты – завтра и послезавтра. Господин Шерц сказал, что не спал трое суток и наверняка проспит до завтра, поэтому он просит, чтобы в номер к нему не звонили и гостей не пускали. После этого он удалился в свой номер-люкс. Спустя примерно два с половиной часа, то есть в три часа дня, ко мне обратился следователь уголовного розыска из Салехарда. К сожалению, фамилию этого следователя я не запомнил, хотя он предъявил мне свое служебное удостоверение. Этот следователь, ненец по наружности, спросил у меня, в каком номере проживает господин Зигфрид Шерц. Я сообщил ему, что господин Шерц просил не беспокоить его ни при каких условиях. Следователь сказал мне, что у него к этому Шерцу неотложное служебное дело. Спустя десять минут этот следователь и господин Шерц вышли вдвоем из гостиницы, сели в служебную машину милиции и уехали в неизвестном мне направлении. Ничего подозрительного в их поведении я не заметил. Машина, в которой они уеха-

ли, – „газик“ с надписью „МИЛИЦИЯ“, номер машины я не заметил…»

Повторяю — никакого протокола своего разговора с администратором «Полярной» я не вела — мне было не до протоколов! Я взглянула на часы. Худя вывел этого Шерца из гостиницы 38 минут назад. Я выскочила из гостиницы и — снова бегом — помчалась в наше управление милиции.

«За эти 38 минут, — думала я по дороге, — этого американца можно не только вывезти из Уренгоя в открытую тундру, но и отрезать ему все, что только можно отрезать у мужчины!»

Возле здания нашего управления милиции стояла, как и положено, дежурная милицейская «Волга». Я не стала заходить в управление, чтобы выяснять у дежурного по городу, под каким предлогом Худя получил у него милицейский «газик». Мне было безразлично, дал ему Худя служебное «требование-заявку» на автомобильный транспорт или просто пару осетров.

Я рывком открыла дверцу дежурной «Волги». В машине сидел водитель — старшина Крылов, тот самый дядя Коля, который 9 декабря вез меня в уренгойский аэропорт, в командировку в

лагерь № РС-549. За четыре года моей работы в уренгойской милиции я наездила с этим дядей Колей столько, что могла не церемониться с ним. И вообще я ведь уже была в Уренгое — на своей территории!

— Дядя Коля, привет! Пойди доложи дежурному по городу, что я взяла машину на двадцать минут. Ничего не спрашивай, мне срочно нужно, я за нее отвечаю! Ну, живо, живо! — Я чуть не силой вытолкала дядю Колю из машины, заняла его место за рулем и тут же дала газ. В салоне было тепло — дядя Коля никогда не выключал двигатель «Волги» и обогрев салона. По рации кто-то из патрульных милиционеров срочно вызывал «скорую помощь» в рабочее общежитие номер 7.

«Очередная пьянка с дракой», — подумала я мельком и, на полном ходу свернув за угол, чуть не врезалась в городской автобус. Мелькнуло орущее лицо водителя, я вильнула рулем, потом — еще один поворот, и я оказалась во дворе местной школы. Ученики второй смены были на занятиях, двор школы был пуст — как раз то, что мне было нужно.

Я взяла микрофон рации. Собственно, из-за этой рации я высадила дядю Колю из машины. Теперь предстояло главное. А полет из Салехарда

в Уренгой, разговор с майором Громовым в КГБ и допрос администратора «Полярной» — это были только цветочки. Я вздохнула полной грудью, как перед прыжком в воду. Затем нажала кнопку на микрофоне, перевела рацию на «передачу» и сказала:

— Худя! Худя! Я — Анна! Я — Анна! Худя! Я — Анна! Я в Уренгое! Отвечай! Отвечай, умоляю! Перехожу на прием!

Я переключила рацию на прием, но вместо Худи в потрескивающем эфире рации прозвучал негодующий голос дежурного по городской милиции капитана Шевцова:

— Ковина, это что за штуки?! Зачем ты взяла машину? И какого Худю тебе надо?

— Борис Маркович, милый, уйдите из эфира, у меня жизнь решается! — сказала я в микрофон умоляющим голосом, но внутренне обрадовалась тому, что этот Шевцов возник в эфире. В «газике» у Худи стоит такая же рация, он наверняка включил ее, чтобы знать, что творится в милиции и есть ли за ним погоня. Теперь он знает, что я в Уренгое, что я практически все знаю и что наш разговор слушают сейчас все милицейские машины Уренгоя. Если Шерц еще жив, может быть, это удержит Худю от последнего шага. — Борис

Маркович, выключитесь, прошу вас! Худя! Худя! Я — Анна! Я — Анна! Я все знаю! Ну пожалуйста, отвечай! Худя! Милый! Отвечай! Прием!

Представляю, как навострили уши в дежурке, в милиции и в других милицейских машинах все, кто слышал сейчас эти «милый» и «умоляю». Но мне плевать на них. Я переключилась на прием и замерла в ожидании. И после паузы в эфире прозвучал спокойный голос:

— Анна, я — Худя. Прием.

— Худенька, милый, дорогой, родной! Он еще жив? Он еще жив? Прием!

— Анна, ты хочешь с ним поговорить? Прием.

— Да! Хочу! Конечно, хочу! Прием.

Господи, значит, Худя еще не убил этого американца!

Теперь в эфире прозвучал тот самый мужской голос, который я слышала в кабинете Громова:

— Слушаю вас. Прием.

— Вы господин Шерц? Прием.

— Да, я Зигфрид Шерц. Прием.

«Ну что ж, — подумала я. — Надо идти ва-банк, другой игры нет!»

— Господин Шерц, я следователь уголовного розыска Анна Ковина. Я предъявляю вам два обвинения. Первое: пять лет назад, в мае 1978 года,

вы принимали участие в групповом растлении двенадцатилетней ненецкой девочки по имени Окка и одиннадцатилетней по имени Аюни Ладукай. В результате оргии на даче у главного геолога треста «Ямалнефтегазразведка» Петра Розанова несовершеннолетняя Окка погибла. Что вы можете сказать по этому поводу? Прием.

Я еще никогда и никому не предъявляла обвинений по радио. А тут — иностранному подданному! Представляю, как обалдели сейчас в дежурке капитан Шевцов и все остальные. Интересно, догадается ли Шевцов включить магнитофонную запись?

Эфир отозвался спокойным голосом Зигфрида Шерца:

— Я хочу послушать второе обвинение. Прием.

«Черт возьми, железные нервы у этого американца! Или это Худя держит его под дулом пистолета и диктует вопросы?»

— Пожалуйста, — сказала я. — Тогда на даче у Розанова в растлении ненецких девочек принимали участие вы, Розанов, Хотько и Воропаев. Трое — Розанов, Хотько и Воропаев — погибли в течение последних дней. Обстоятельства их смерти вы не могли не связать с той оргией и гибелью Окки. Ненцы не знают истинных мотивов убий-

ства Розанова, Хотько и Воропаева, они приняли это за сигнал духов тундры к восстанию, но вы-то знали правду! Однако вы скрыли эту правду от милиции и даже от органов госбезопасности, хотя были в КГБ у майора Громова всего три часа назад. В нашей стране недонесение равнозначно преступлению. Особенно в такой ситуации! Я обвиняю вас в сокрытии государственно важной информации. Прием.

По-моему, в эфире прекратились даже атмосферные помехи. Во всяком случае, ни капитан Шевцов, ни кто другой не лезли теперь в эфир.

— О том, что «духи тундры» убивают каких-то русских людей и отрезают им мужские органы, — сказал неторопливо, даже как-то заторможенно голос Зигфрида Шерца, — я услышал еще в Сыктывкаре, на аэродроме. Но это был только слух, анекдот, никто там в это не верил. А что погибли именно Розанов, Хотько и Воропаев, я узнал только сегодня утром, мне сказал об этом господин Гейзенрих, вы можете у него проверить. Да, я связал их гибель с тем вечером на даче у Розанова. Больше того — я думал, что и мне угрожает опасность. Но не так-то легко донести на самого себя. Во всяком случае, у нас в Америке это не принято. А самое главное — я не совращал Окку. Да, на даче

у Розанова была пьянка, а точнее — мои проводы. Розанов устроил мне тогда проводы, я улетал из Салехарда наутро. Но эту девочку, Окку, Розанов привел мне еще раньше, за неделю до той пьянки. Он привел ее ко мне в гостиницу, и она сама, по своему желанию осталась у меня в номере — хотите верьте, хотите — нет. Она уже была не девочкой, больше того — она уже была… как это сказать… взрослой и даже страстной женщиной. Я пытаюсь объяснить это следователю Вэнокану, но он не читал «Лолиту» Набокова, поэтому я не могу объяснить ему, кем была эта Окка. Она была развращенной ненецкой Лолитой. Она сама приходила ко мне в гостиницу целую неделю, каждый вечер и оставалась на ночь — это вы можете проверить у дежурных в гостинице «Север» в Салехарде. Я думаю, что над ее сексуальным образованием хорошо поработали до меня или Хотько, или Розанов, или Воропаев, а может быть — все трое, я не знаю. В тот вечер, о котором говорите вы и следователь Вэнокан, в тот вечер, когда Розанов устроил мне проводы, доктор Хотько привез из интерната еще одну девочку, другую, я не помню, как ее звали, может быть, так, как вы сказали. Она была развращена не меньше, чем Окка, хотя, кажется, была даже моложе ее. Они

хотели тут же устроить групповой секс — две девочки на четверых мужчин. И кстати, и Окка, и эта вторая девочка были согласны, даже более того… Но я не согласился. Хотите верьте, хотите — нет, но я был тогда влюблен в эту Окку-Лолиту, честное слово. Это была прекрасная девочка, я не отдал ее им, то есть не отдал для группового секса. А утром меня отвезли в аэропорт, и я улетел в Москву и дальше — в США. Только через год, когда я снова прилетел в Салехард, Розанов сообщил мне, что моя Окка-Лолита скончалась от приступа астмы. У меня все. Прием.

— Худя! Худя! Теперь слушай меня внимательно! ВСЕ, ЧТО ОН СКАЗАЛ, — ПРАВДА! — сказала я в микрофон, вкладывая в свой голос всю душу. Ведь главная моя задача была не допросить этого Шерца и не представить ему обвинения — мне этот Шерц был и на фиг не нужен! Нет, главная моя задача была в том, чтобы удержать Худю от четвертого убийства. — Худя, ты меня слышишь? Я допрашивала Аюни Ладукай. Это она была второй девочкой на той пьянке. Она тоже утверждает, что, когда этот Шерц уехал на аэродром, Окка была жива. Все произошло потом, потому что Хотько, Воропаев и Розанов переключились с Аюни на Окку, втроем. Ты меня слышишь, Худя?

Прием.

— Я тебя слышу, — глухо ответил Худя. — Ты закончила допрос Шерца? Прием.

— Нет! Не закончила! Не отключайтесь! Худя, пожалуйста, милый, только не отключайся! Господин Шерц, еще один вопрос: вы знаете фамилию этой Окки? Вы ее фамилию знаете? Прием!!!

Конечно, еще больше меня интересовало, где они сейчас находятся — Худя и этот Зигфрид Шерц. Но ни я, ни капитан Шевцов в дежурке, ни даже местное КГБ не могли запеленговать сейчас рацию в «газике» Худи: у нас в милиции просто нет такой аппаратуры. Может быть, такая пеленгующая аппаратура есть у десантников, даже наверняка есть, но вряд ли Шевцов додумался связаться с ними…

— Нет, Аня, он еще не знает фамилию Окки. Прием, — сухо сообщил в эфире голос Худи Вэнокана.

Я поняла, что Худя уже забрал микрофон у Шерца.

— Худя, где ты находишься? Я сейчас приеду! Дорогой, скажи мне, где ты находишься! Прием!

— Аня, ты прочла записку, которую я оставил тебе на двери?

— Да, я прочла, Худя! Прием!

— Если ты немедленно сделаешь то, что там написано, у тебя будет шанс поговорить со мной еще раз. Все. Конец связи.

— Худя! Худя-а! Я не понимаю! Худя-а!! — орала я в микрофон, но ответом были лишь негромкие хрусты эфира — Худя отключил рацию.

Я тупо обмякла за рулем машины.

Вокруг была темень, полярная ночь, но выключенные фары «Волги» упирались в снежную поземку.

Требовательный голос дежурного по городской милиции капитана Шевцова вывел меня из оцепенения. Рация спросила голосом Шевцова:

— Ковина, что происходит? Ты можешь объяснить? Прием!

— Да пошли вы все на х...! — сказала я в микрофон, бросила его на соседнее сиденье и стала разворачивать машину.

До меня стал доходить смысл последней Худиной реплики. «Прощай. И пожалуйста, уезжай в Россию» — было написано в той записке. В Уренгое нет железной дороги. Значит, уехать в Россию я могу только с аэродрома. Если так, то Худя назначил мне свидание в аэропорту. «Немедленно», — сказал он.

Я выкатила машину из школьного двора, включила сирену и фары дальнего света и помчалась в аэропорт.

Сирена распугивала встречный транспорт, людей у продовольственных магазинов, даже бронетранспортеры десантников уступали мне дорогу. Я гнала на третьей скорости: на четвертой нельзя было гнать по скользким мостовым, я бы не доехала живой до аэропорта.

Минут через десять я увидела, что за мной увязались еще две синие «Волги» без всяких надписей на борту — гэбэшные. Но мне было все равно, я не обращала на них внимания.

Мы выскочили из Уренгоя на шоссе к аэродрому. По случаю прибытия сегодня правительственной делегации из Москвы шоссе было старательно расчищено от снега. Снегоочистительные машины нагребли по обе стороны валы снега, на отдельных участках еще пыхтели бульдозеры.

Я перешла на четвертую скорость, я гнала машину, вцепившись руками в баранку. В эфире рации надрывался капитан Шевцов:

— Ковина! Полегче! Ковина! Ты что — сдурела?! Ковина! Я приказываю — не гони так! Убьешься же, твою мать!..

В зеркальце заднего обзора я увидела, как одна

из синих «Волг» не вписалась в крутой поворот дороги и зарылась в сугроб по самый салон.

А в это время впереди меня возник кортеж черных лимузинов и «Волг» горкома партии. Это местное партийное и военное начальство ехало в аэропорт встречать правительственную делегацию из Москвы. Услышав сирену моей «Волги», водители лимузинов и «Волг» взяли вправо, я пулей проскочила мимо них. Краем глаза увидела в лимузинах изумленные и недоумевающие лица Богомятова, Салахова, серые каракулевые папахи генерала КГБ Чебрикова и командира авиадесантной дивизии имени Октябрьской революции генерала Гринько.

58

Я подлетела к аэровокзалу, осветив фарами какую-то фигуру в ненецкой малице, торчащую у самого входа.

Никакого милицейского «газика» с Худей тут не было, я бросила свою машину и бегом кинулась в аэровокзал. Ненец, торчащий у двери, загородил мне дорогу:

— Вы Анна Ковина?

— Да, я… — бросила я на бегу.

Но ненец ухватил меня за руку.

— Я Зигфрид Шерц.

— Вы?! — Только тут я вспомнила, что, по описанию администратора «Полярной», Зигфрид Шерц был действительно одет в ненецкую национальную одежду. — А где Худя?

— Остановитесь, он уехал.

— Куда?

— Не знаю. Он высадил меня здесь и просил передать вам вот это. — Шерц протянул мне лист бумаги, вырванный из блокнота.

При свете, бьющем из окон аэровокзала, я прочла:

«АНЯ, Я ОСТАВЛЯЮ ЕГО ЖИВЫМ – РАДИ ТЕБЯ, ОДНАКО. ПРОЩАЙ. Я НЕ ТРУС. ОСТАЛЬНОЕ УСЛЫШИШЬ ПО РАЦИИ. ХУДЯ».

Рядом с нами юзом остановились милицейская и гэбэшная «Волги». Из них выскочили капитан Шевцов, майор Громов и еще несколько офицеров. Громов выхватил у меня из рук записку Худи, прочел и спросил:

— Что это все значит?

— Вы слышали мой разговор с Худей Вэноканом по рации? — спросила я.

— Не сначала. Но капитан Шевцов включил меня на самом интересном месте. Ну?

— Фамилия ненецкой девочки, которой Розанов угощал господина Шерца пять лет назад, — Вэнокан. Окка Вэнокан. Она сестра Худи.

Нужно отдать должное сметливости майора Громова — ему понадобилось не больше секунды, чтобы понять суть дела.

— Значит, гибель Розанова, Хотько и Воропаева — это его работа? — Громов даже не стал ждать моего ответа, кивнул своим гэбэшникам: — В машину, к рации!

Тяжелый самолетный гул заглушил его послед-

ние слова. Над нами, в темном полярном небе, заходил на посадку «Ту-104» — самолет с правительственной делегацией.

К аэродрому приближался кортеж начальственных лимузинов и «Волг».

Кто-то из офицеров КГБ, из свиты Громова, нырнул в гэбэшную «Волгу». А сам Громов сел в ту «Волгу», на которой я прикатила на аэродром, и приказал мне:

— Вызывай его! Вызывай твоего Вэнокана!

Я нехотя подчинилась. Сзади, на заднее сиденье, без спросу уселся Зигфрид Шерц.

— Худя! — сказала я в микрофон рации. — Худя, это я — Анна! Мы в аэропорту. Мы в аэропорту. Прием!

Какой-то посторонний разговор милицейского патруля все из того же рабочего общежития химиков вмешался в эфир:

— …Не надо его связывать. Он и так в дупель пьяный…

Громов усмехнулся мне недобро, передразнил:

— «Мы»? Сообщаешь ему, что ты не одна? — Он отнял у меня микрофон и сказал в него сам: — Всем рациям очистить эфир! Всем очистить эфир! Вэнокан! Вэнокан! Говорит майор госбезопасности Громов! Я прошу тебя — без новых глупостей!

Без новых глупостей! Сдайся, мы разберем все обстоятельства дела. — Глазами Громов следил в это время за «Ту-104», который снижался к освещенной огнями посадочной полосе. За полосой, в тундре, была видна праздничная иллюминация головной компрессорной станции. — Сдайся, Вэнокан, мы разберем все обстоятельства дела по-доброму! Я тебе обещаю! Слово офицера! Прием!

«Ту-104» с правительственной делегацией, прибывшей на торжественное открытие газопровода, коснулся лыжами посадочной полосы, вздыбив за собой снежную замять. Затем, после короткого пробега, развернулся и покатил к аэровокзалу. От вокзала к самолету спешили автотрап и кортеж лимузинов и черных «Волг» горкома партии и военного начальства.

— Я — Худя Вэнокан, — прозвучало в эфире, — никакого торжественного открытия газопровода не будет. Вы меня слышите? Прием.

— Слышу, Вэнокан. Не дури. Я же тебе сказал: я гарантирую доброжелательный разбор дела. Прием! — Громов скосил глаза на соседнюю гэбэшную «Волгу», где его офицеры говорили с кем-то по своей гэбэшной рации.

— Я — Худя Вэнокан, — донеслось по нашей рации. — Пять лет назад Розанов, Хотько, Воро-

паев и Шерц убили мою сестру. Я поклялся тогда, что стану следователем и буду судить их показательным судом. Я был мальчишкой, однако, провинциальным комсомольцем из Заполярья, я верил в ваши лозунги и в вашу советскую законность… — Худя говорил спокойным, ровным голосом, как будто диктовал свое завещание… — Но пять лет в Московском университете и практика в ваших русских судах показали мне, что такое ваша советская законность. Если бы я начал дело против Розанова, Хотько, Воропаева и Шерца, вы бы тут же выгнали меня из милиции, однако. Таких начальников, как Розанов, лауреатов, никто и пальцем не тронет из-за какой-то ненецкой девочки! Вы хотите знать, как я убил Розанова, Хотько и Воропаева? Нет, я не убил их — я устроил им показательный суд на всю тундру, по обычаю своего народа. Да, я организовал побег зеков из лагеря № РС-549. В каждом лагере есть хоть один зек, который готов уйти в побег, потому что лебедь ждет весны, а зек ждет свободы. Я заметил таких зеков в лагере № РС-549, а остальное было делом техники, как говорят русские. Толмачев, Шиманский и Залоев согласились бежать при первом же буране. Ночью я ждал их за лагерем с упряжкой хороших оленей, теплой одеждой

и продуктами. Я дал им компас, и они ушли на хороших оленях, в буран ушли за Урал, однако. Думаю, они сейчас загорают где-нибудь на черноморском пляже… Остальное вы сообразите сами. Я вместо зеков прошел на собачьей упряжке до поселка Яку-Тур, а оттуда в Салехард. Воропаев был первый. Я вытащил его, пьяного, из чума той ненецкой шлюхи, я вытащил его, потому что у нас, ненцев, не положено убивать врагов в их чумах…

Двери прибывшего «Ту-104» открылись, на трап ступили московские гости. Все они были в пыжиковых и каракулевых шапках и в теплых пальто с каракулевыми отложными воротниками. И лица у них были министерские. Глава правительственной делегации крепко, по-партийному обнял партийное и военное начальство штаба объединенных сил армии, КГБ и милиции, которые так оперативно навели в округе порядок.

Громов тем временем бегло посматривал на своих гэбэшников в соседнем «газике». Те утвердительно кивнули ему.

— …Я связал Воропаева и тащил его по тундре, — продолжал между тем Худя Вэнокан так спокойно, словно он давал простые свидетельские показания. — Поэтому, Аня, ты нашла синяки у

Воропаева на запястьях и на плече, однако… Потом были Хотько и Розанов. Нут и шар! Я устроил им показательный суд, но я просто выполнял свою клятву, я не знал, что мой народ поймет это как призыв духов тундры к восстанию. Но вы отняли у нас, ненцев, все — и реки, и землю, и небо, и даже подземный газ. Вы убили нас, вы убили мой народ и при этом, однако, развели, как в питомнике, несколько сотен «показательных» ненцев. И я попал в их число, однако! Как же! Первый ненец — следователь уголовного розыска! Свой, дрессированный, ненец, однако, правда? Нет, неправда, однако! Лебедь ждет весны! Я мстил за свою сестру, но я думал при этом о своей дочке, которая через десять лет попадет в руки к вашим хотько, воропаевым и розановым. Как попала Окка, как попала моя жена, и Аюни Ладукай, и еще сотни. Это помогало мне держать нож в руке…

Я не понимала, почему молчит Громов, не перебивает Худю. И я не понимала, почему Худя говорит так спокойно и так долго. Но молчание Громова объяснилось через минуту — над нами вдруг пролетели два военных вертолета — низко, почти над крышей машины. И тут же ушли вперед — через летное поле аэродрома в сторону

компрессорной станции. Громов сорвал машину с места и покатил вслед за вертолетами. И только тут я поняла, почему Громов не перебивал Худю. По его приказу армейские пеленгаторы десантников засекали место, откуда говорил Худя, и теперь туда летели два тяжелых вертолета с сотней, наверно, солдат, и мчались мы — две «Волги», милицейская и гэбэшная. Навстречу нам прокатил кортеж черных правительственных «Волг», в одной из них мелькнуло недоуменное лицо Салахова, в другой — лицо Богомятова.

А Худя продолжал говорить спокойно, как заведенный, не подозревая, что его вот-вот схватят:

— Но мой народ понял меня не так, как я хотел. Он сделал из меня нового Ваули Пиеттомина, хотя еще никто не знает из ненцев, что новый Ваули Пиеттомин — это простой Худя Вэнокан. Но я, я знаю — это важно, однако…

Я не могла больше сидеть спокойно, я дернулась к микрофону, чтобы крикнуть Худе об этих вертолетчиках, о том, что его запеленговали. Но Громов ткнул мне в бок дуло пистолета:

— Сидеть! Спокойно! Пусть говорит… — Он опять усмехнулся, жестко держа баранку одной рукой и не отрывая глаз от летящих впереди вертолетов. На сей раз его усмешка была совсем не

такая, как раньше, когда он флиртовал со мной в коридоре нашего уголовного розыска. Плохая была усмешка, стальная…

Мы проскочили через летное поле, впереди, в тундре, была компрессорная.

А Худя продолжал, и голос его стал громче, выше:

— Когда человека прижимают к стене, даже трус начинает кусаться, однако. Мой народ прижали к стене, вы прижали, русские. И он сделал из меня Ваули Пиеттомина. И теперь я знаю, что смерть того мальчишки, который взорвал ваш бронетранспортер, — на моей совести. И ненецкие парни, которых ваши летчики расстреляли с вертолетов, — на моей совести. Даже хулиганство подростков в интернате — на моей совести, Аня! Я вызвал это восстание. Я один. Конечно, мы не можем победить вас, русских. Мы народ отсталый, не грамотный и больной. И очень маленький — нас всего тридцать тысяч! И даже очень большой народ — поляки не могут еще победить вас. Но придет время, однако! Придет другое время! Лебедь ждет весны, заключенные ждут свободы! Маленькие и большие, больные и здоровые, грамотные и неграмотные — поднимутся против вас все народы, у которых вы отняли нефть и алмазы,

реки и горы, жизнь и свободу! Все поднимутся, ты слышишь, Анна? И горе будет твоему народу, горе, однако. Как сказано в наших старых песнях, «нут и шар, клянусь медведем, вижу зарево пожаров…». Я вижу зарево пожаров, и вы его сейчас тоже увидите. Вы не получите газ Ямала. Этого хотели те парни, которых вы расстреляли в тундре. И я, Худя Вэнокан, сделаю то, что должен сделать! Ты помнишь, Анна, я рассказывал тебе об океанской чайке…

Мы уже почти вплотную подъехали к проволочной ограде компрессорной станции, возле которой зависли над милицейским «газиком» два военных вертолета. «Газик» Худи Вэнокана! От «газика» нам навстречу бежал какой-то офицер-десантник.

Громов выскочил из машины, я бросилась за ним, мы оба устремились к «газику», но офицер-десантник остановил нас:

— Там пусто. Там работает магнитофон…

Но мы еще по инерции подбежали к брошенному Худей «газику». На переднем сиденье, рядом с микрофоном рации, лежал старенький магнитофон «Волна», в нем крутилась пленка, и голос Худи звучал из этого магнитофона прямо в микрофон рации:

— …Чайки сами выбирают себе смерть. И я — тоже. Прощай, Аня. И пожалуйста, уезжай в Россию…

Громов затравленно оглянулся:

— Собаки нужны! Он не мог уйти далеко…

Так вот почему так спокойно и ровно говорил все время Худя Вэнокан! Мы, оказывается, слушали не его, мы слушали только пленку!

Я с каким-то внутренним облегчением перевела дух — Худя ушел. В ночную тундру, в поземку… Но Громов уже кричал в микрофон рации:

— Проводника со служебными собаками! Проводника со служебными собаками! Охрану компрессорной поднять по боевой тревоге! Охрану компрессорной станции поднять по боевой…

Оглушительный взрыв в дальнем конце компрессорной прервал его. Взрывной волной меня качнуло на ногах, и даже машины и вертолеты, казалось, качнулись от этой ударной волны.

Гигантский столб огня поднялся над компрессорной, осветив оранжевым светом эту гордость отечественной, французской и германской техники — шесть квадратных километров, нафаршированных ректификационными колоннами, корпусами турбинного цеха, подстанциями охлаждения газа и электронной диспетчерской.

Это взорвалась, или, точнее, была взорвана Худей Вэноканом гигантская сферическая емкость со сжатым газом.

Двенадцать таких емкостей возвышались на территории компрессорной, тысячи кубометров сжатого газа были в них, и от взрыва одной еще две стали крениться к грунту на своих серебристых стальных опорах…

А огонь разлился, он уже бежал по газопроводу и просто по земле к диспетчерской, к турбинному цеху…

Еще один взрыв прозвучал в воздухе — это упала и коснулась огня еще одна емкость с газом. Через минуту жар уже дышал нам в лица, этим жаром мгновенно растопило тундровый грунт под еще одной емкостью с газом, и она рухнула. Раздался третий взрыв…

Компрессорная пылала, огонь уже гудел по всей ее территории, и в этом огне не было спасения никому, включая, конечно, и Худю Вэнокана.

Вертолеты отлетели от тундры в небо.

Громов вскочил в гэбэшную «Волгу» и задом, задом укатывал подальше от огня.

Я с Зигфридом Шерцем прыгнула в брошенный Худей Вэноканом «газик», и мы помчались, задыхаясь от жара и дыма, прочь, в тундру.

Где-то в стороне от нас, на полдороге от аэропорта к Уренгою, остановился кортеж правительственных черных «Волг». Высокое московское и тюменское начальство вылезло из машин; и все, включая Горячева, Чебрикова, Богомятова, Гринько и Салахова, остолбенело смотрели на этот огненный фейерверк тундры, устроенный в честь «открытия газопровода» не московским архитектором, а Худей Вэноканом.

И еще дальше, в Уренгое, люди высыпали из домов, глядя на гигантский столб огня, рвущийся в черное полярное небо над головной компрессорной станцией. В языках этого пламени, казалось, плясали духи тундры…

Я остановила машину и бессильно упала грудью на руль. Слез не было. Было оглушающее пусто внутри, оглушающее пусто. Впереди была темная и молчаливая ямальская тундра, позади горела компрессорная станция. И почему-то — кстати или некстати — в моем сознании всплыл навязчивый мотив:

Мы идем по Уренгою,
Тундра окружает нас.
Ночь с полярною пургою
Сторожат ненецкий газ…

Легкая тундровая поземка переметала свет фар «газика» косыми стежками белого снега. Так всегда бывает накануне очередного бурана…

Эпилог

Из сообщений телеграфных агентств AP, UPI, Reuters и аккредитованных в Москве западных корреспондентов:

Москва, 11 января 1984 г.

> …15 декабря 1983 года в районе газового месторождения Уренгой возник пожар, в результате которого было уничтожено импортное электронное оборудование, и поступление сибирского газа по новому газопроводу в Западную Европу пришлось отложить на значительный срок. «Вашингтон пост», ссылаясь на осведомленные круги в Вашингтоне и Париже, сообщила, что пожар уничтожил компрессорную станцию в Уренгое. Московские представители западных компаний, являющихся поставщиками оборудования для газопровода, отказались от официальных комментариев этих сообщений, хотя подтвердили, что транссибирский газопровод сможет вступить в промышленную эксплуатацию

только через много месяцев.

Москва, 12 января 1984 г.

Советские службы информации и пропаганды пытаются опровергнуть сообщения о пожаре и взрыве на трассе сибирского газопровода. Официальное советское информационное агентство ТАСС опубликовало интервью с советским министром газовой промышленности Василием Дыньковым, который заявил, что «слухи, распространяемые буржуазными средствами массовой информации, являются лживыми и не имеют ничего общего с действительностью». Дыньков отрицает, что на трассе газопровода «Сибирь–Западная Европа» произошел взрыв, однако признает, что пожар на Уренгойской компрессорной станции действительно имел место. Он, однако, пытался преуменьшить масштабы этого пожара и причиненного им ущерба и заявил, что поврежденное в результате пожара оборудование будет заменено в ближайшее время.

По мнению западных дипломатов из

Москвы, ущерб, причиненный пожаром газопроводу, более значителен, чем признал советский министр, однако, ввиду престижности этого сооружения и разгоревшихся вокруг него страстей, Советский Союз не хочет сообщить истинные факты.

КОМПРЕССОРНАЯ
СТАНЦИЯ В УРЕНГОЕ.
ВО ВРЕМЯ ПОЖАРА УНИЧТОЖЕНО ЦЕННОЕ
ОБОРУДОВАНИЕ ДЛЯ ГАЗОПРОВОДА «ВОСТОК – ЗАПАД».
ИНЦИДЕНТ В УРЕНГОЕ. ОСТАНОВЛЕН ЛИ ПОЖАР НА ЛИНИИ ГАЗОПРОВОДА?

Для Советского Союза строительство 2759-километрового газопровода стало проверкой технической мощи и вопросом национального престижа. По истечении двух лет Советы пытаются завершить 18-миллиардный проект в срок и доказать, что экономические санкции США затянуть строительство газопровода не повлияли на конечный результат. С чувством удовлетворения и восторга Москва

объявила две недели назад, что сибирский газ пошел во Францию 1 января. Советское агентство печати «Новости» сообщало: «Нравится это Вашингтону или нет, газопровод – в действии».

Но даже тогда, когда Советы возвестили всему миру о своем успехе, по Москве ходили слухи об аварии. Говорят, от пожара на компрессорной станции в Уренгое пострадало ценное оборудование…

Пламя разрушило важнейшие электронные контролирующие устройства и щиты управления…

Западные эксперты считают, что пожар на станции Уренгой, крупнейшей из 47 запланированных компрессорных единиц, задержит строительство объекта. Совершенно ясно, что эксперимент по доставке советского газа во Францию скорее напоминает ловкий трюк. Западные специалисты по энергетике уверены, что газ скорее всего будет доставляться по ранее существующей сети советских газопроводов, нежели по новой линии из Сибири. «Мы не знаем, сибирский это газ или нет, и нет никакой возможности это выяснить», – заявил представитель французской газовой корпорации. А некоторые западные бизнесмены в Москве сомневаются и в том, что строительство газопровода будет закончено к концу 1985 года.

Журнал «Тайм», 23 января 1984 г

В Париже на Елисейских полях белые синтетические елочки трепетали крохотными рождественскими огоньками. «Мулен-Руж» полыхал неоновой рекламой, на соседних улицах и переулках одетые в ливреи и костюмы Санта-

Клауса палестинцы зазывали прохожих в ночные клубы и бордели…

Зигфрид Шерц сидел в шумном бистро на Монмартре, невидящим взглядом изредка смотрел сквозь стеклянное окно веранды на продуваемую сырым ветром улицу и снова опускал глаза к своему крохотному столику. На столике была чашка кофе и письмо, которое он мучительно писал уже не первый день.

СССР, г. Уренгой Ямало-Ненецкого округа,

Управление уголовного розыска, следователю Анне Ковиной

Дорогая Анна!

В сумятице последних дней моего пребывания в Уренгое я не успел, а точнее, не решился поблагодарить Вас за то, что Вы спасли мне жизнь. Извините и – спасибо!.. Я не думаю, что когда-нибудь снова окажусь в СССР – после всего, что я пережил за время нашего короткого знакомства. Особенно впечатляющим был мой последний разговор с господином Чебриковым, когда в силу обстоятельств, о которых Вы, конечно, догадываетесь, я

был вынужден взять на себя обет молчания относительно всего, что случилось в Уренгое на моих и на Ваших глазах… Конечно же, мне придется выполнить свое обещание и сдержать свое слово бизнесмена. Но память не подчиняется шантажу и приказам генералов, даже если это генералы КГБ… Я помню Вас, помню Вашего друга Вэнокана и даже Ани-Опоя… Анна! Если Вы когда-нибудь окажетесь на Западе по делам или в туристической поездке, прошу Вас – из любой точки западного мира позвоните мне в коллект, для Вас мой секретарь найдет меня, где бы я ни был, и через несколько часов я буду там, где Вы назначите мне встречу…

У этого письма не было шансов дойти до адресата, даже если бы оно каким-то чудом прошло через отдел перлюстрации зарубежной корреспонденции при Министерстве связи СССР. Просто в тот день, когда Шерц опустил это письмо в парижский почтовый ящик, Анны Ковиной уже не было в Уренгое. Она ехала поездом через всю Сибирь, с севера на юг, в Воронеж. В ее чемодане

было короткое, на бланке управления уголовного розыска при МВД СССР, письмо-направление:

> За находчивость и оперативность, проявленные при спасении американского гражданина З. Шерца, направить следователя уголовного розыска старшего лейтенанта Анну КОВИНУ на учебу в Воронежскую высшую школу милиции…

Ковина лежала на верхней полке, смотрела сквозь окно на заснеженные сибирские леса, но, как и Шерц в Париже, не видела ничего. Она ехала в воронежскую школу без радости и с пустым сердцем. Ей казалось, что метель за окном еще пахнет уренгойской гарью…

А там, на Ямальском Севере, где очередной буран действительно еще нес по тундре гарь пепелища Уренгойской компрессорной станции и дым горящих факелов газовых буровых, там, в полярной ночи, в зыбком, из оленьих шкур, чуме двухлетний малыш выбрался в эту минуту из шкур, которые были постелью ему, его сестрам и отцу, проковылял на своих босых ножках к выходу из чума, переступил через спящих у полога собак и вышел из чума. Снежный буран качнул малыша, игольчатый ветер ударил по

лицу промерзшим снегом, но малыш устоял на ногах, не отвернулся, а, придерживая ручонкой свой «хотэ», стал писать в темное и злое лицо бурана…

Конец

Салехард, Новый Порт,
Уренгой — 1967–1978,
Нью-Йорк — 1983-1984